

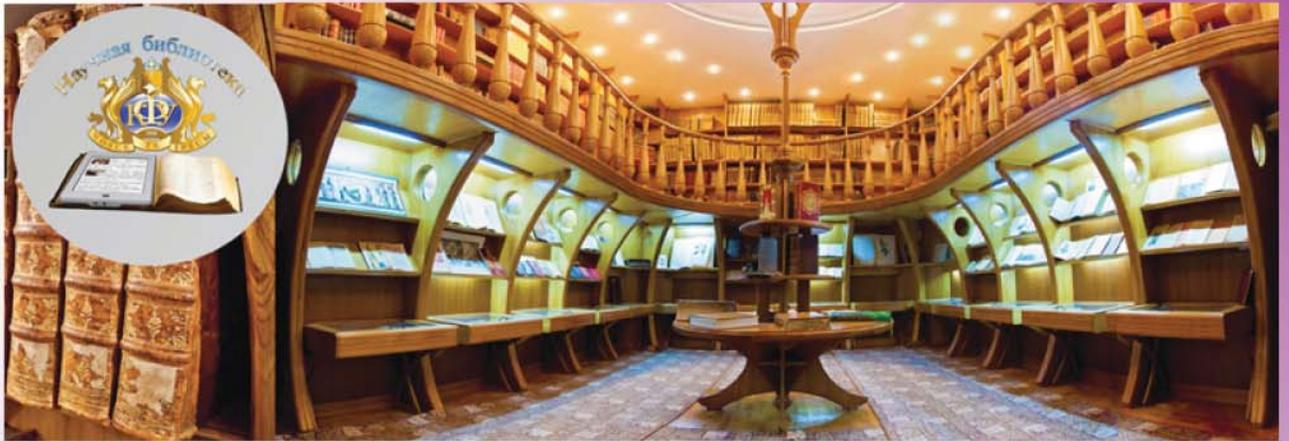
МИР РУССКОГО СЛОВА

12+

2/2022

НАШ ФОТОРЕПОРТАЖ

Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского

№ 2
2022

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
«МИР РУССКОГО СЛОВА»

Выходит ежеквартально

Журнал издаётся с 2000 года

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство ПИ № ФС77–30539 от 20.12.2007)

ISSN 1811–1629

<http://mirs.ropryal.ru/>

THE SCHOLARLY
AND METHODOLOGICAL JOURNAL
“THE WORLD OF RUSSIAN WORD”
(Mir russkogo slova)

Quarterly journal

The journal has been published since 2000

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (certificate ПИ № ФС77–30539 at 20.12.2007)

ISSN 1811–1629

<http://mirs.ropryal.ru/>

Учредитель:

Ассоциация преподавателей русского языка и литературы

Издатель:

Издательство Санкт-Петербургского государственного университета

Редакционная коллегия

К. А. Рогова (главный редактор) —

д-р филол. наук, проф., почетный проф. СПбГУ

В. А. Абрамов — д-р филол. наук, проф., КубанскГУ

Э. М. Афанасьева — д-р филол. наук, Гос. ИРЯ им А. С. Пушкина

Л. Г. Бабенко — д-р филол. наук, проф., Уральский ФУ им. Б. Н. Ельцина

Н. Г. Бабенко — д-р филол. наук, проф., Балтийский ФУ им. И. Канта

Х. Вальтер — д-р филол. наук, проф., Университет г. Грайфсвальд

М. Д. Воейкова — д-р филол. наук, проф. СПбГУ, ИЛИ РАН

О. Е. Дроздова — д-р пед. наук, доцент МПГУ, РГПУ

Л. А. Дунаева — д-р пед. наук, проф. МГУ им. М. В. Ломоносова

Н. В. Изотова — д-р филол. наук, проф., Южный ФУ

Е. И. Костанди — канд. филол. наук, доцент, Университет Тарту

А. Б. Лихачева — д-р гум. наук, проф., Вильнюсский университет

В. А. Марьянич — д-р филол. наук, проф., Северный (Арктический) ФУ

В. В. Прозоров — д-р филол. наук, проф., СаратовГУ

Ю. Е. Прохоров — д-р пед. наук, д-р филол. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ

М. Ю. Сидорова — д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова

И. Н. Сухих — д-р филол. наук, проф., СПбГУ

М. Д. Тагаев — д-р филол. наук, проф., Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б. Н. Ельцина

Н. Чуйкина — канд. филол. наук, Таллинский университет

Н. И. Шром — Ph.D., ассоц. проф., Латвийский университет

В. Д. Янченко — д-р пед. наук, доцент, МПГУ

The Founder:

Association of Teachers of Russian Language and Literature

Publisher:

St. Petersburg University Press

Editorial board

K. A. Rogova – editor-in-chief

St. Petersburg State University

V. A. Abramov

Kuban State University

E. M. Afanasieva

Pushkin State Russian Language Institute

L. G. Babenko

Ural Federal University

N. G. Babenko

Immanuel Kant Baltic Federal University

H. Walter

Universität Greifswald

M. D. Voikova

St. Petersburg State University

O. E. Drozdova

Moscow Pedagogical State University

L. A. Dunayeva

Lomonosov Moscow State University

N. V. Izotova

Southern Federal University

E. I. Kostandi

University of Tartu

A. B. Likhacheva

Vilnius University

V. A. Maryanich

Northern (Arctic) Federal University

V. V. Prozorov

Saratov State University

Yu. E. Prokhorov

St. Petersburg State University

M. Yu. Sidorova

Lomonosov Moscow State University

I. N. Sukhikh

St. Petersburg State University

M. D. Tagaev

Kyrgyz-Russian Slavic University

N. Chuykina

Tallinn University

N. I. Shrom

University of Latvia

V. D. Yanchenko

Moscow Pedagogical State University

Адрес издателя:

199004, Санкт-Петербург, В. О., 6-я линия, д. 11

Адрес редакции:

199106, Санкт-Петербург,

Большой пр. В. О., д. 80

e-mail: editor@ropryal.ru

Publisher's address:

11, 6 Line V. O., St. Petersburg, 199004, Russia

Editorial board's address:

80, Bol'shoy av. V. O., St. Petersburg,

199106, Russia

e-mail: editor@ropryal.ru

По вопросам приобретения

и подписки обращаться:

Издательство СПбГУ.

Сайт: publishing.spbu.ru

Контакты: +7(812) 328-44-22

+7(812) 328-77-63

e-mail: publishing@spbu.ru, post@spbu.ru

Журнал включен в:

– перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы

основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (с 2007 года);

– российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и представлен в Научной электронной библиотеке;

– научную электронную библиотеку

"КиберЛенинка"

АССОЦИАЦИЯ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
РУССКОГО ЯЗЫКА
И ЛИТЕРАТУРЫ
«РОПРЯЛ»

ЗАТРАТЫ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ПРОЕКТА
ЧАСТИЧНО ПОКРЫТЫ
ЗА СЧЕТ ПОЖЕРТВОВАНИЯ ФОНДА
«РУССКИЙ МИР»

ФОНД РУССКИЙ МИР

№ 2 2022

Главный редактор:

К. А. Рогова —
*д-р филол. наук, проф.,
почетный проф. СПбГУ*

Зам. главного редактора:

С. А. Кузнецов —
д-р филол. наук, проф.

Зам. главного редактора:

Д. А. Щукина —
д-р филол. наук, проф.

Редактор:

А. С. Иванова —
канд. пед. наук, доцент

Перевод:

А. Д. Степанов —
д-р филол. наук, проф.

Выпускающий редактор:

М. М. Ровинская

В НОМЕРЕ CONTENTS

[ЛИНГВИСТИКА]

4 О. В. Блинова
Оценка сложности русских
правовых текстов: архитектура
модели

14 А. И. Ольховская
Специфика синонимических
заимствований в современном
русском языке

24 Ван Си
Русское полифункциональное
высказывание *вот это да* и его
китайские эквиваленты. Статья
первая. Общие вопросы

34 Т. С. Садова, Чжан Вэньчжэ
Способы выражения
«приблизительного возраста»
в русском языке: эвфемизмы и
аппроксиматоры

41 Сюй Ханьти
Нативная реклама в жанре статьи
в Интернет-СМИ

[ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА]

52 О. И. Колесникова
Критический профессиональный
медиадискурс: способы
оценочной концептуализации
произведений современной
прозы

62 О. А. Царёва
Дом как центр поэтического мира
А. А. Тарковского

71 Д. В. Колесова, Ван Хуэй
Анализ жанровой природы
творчества В.В.Розанова
на фоне развития текстов
интернет-среды

[LINGUISTICS]

Olga V. Blinova
Assessing Complexity of Russian Legal
Texts: the Model's Architecture

Aleksandra I. Olkhovskaia
The Features Of Synonymous Borrowings
In Modern Russian

Wang Xi
The Russian Multifunctional Utterance
"vot eto da" and its Chinese Equivalents.
Article One. General Issues

Tatiana S. Sadova, Zhang Wenzhe
Ways of Expressing "Approximate Age" in
Russian: Euphemisms And Approxima-
tors

Xu Hanti
Native Advertising in the Genre of Ar-
ticle in Online Media

[LANGUAGE AND LITERATURE]

Olga I. Kolesnikova
Critical Professional Media Discourse:
Ways of Evaluative Conceptualization of
Modern Prose Works

Olga A. Tsariova
Home as the Center of the Arseny Tark-
ovsky's Poetic World

Daria V. Kolesova, Wang Hui
Analysis of the Genre Nature of Vasily
Rozanov's Works against the Background
of the Development of the Internet Texts

[МЕТОДИКА]

- 80 Т. В. Васильева
Обучение предмагистров метаязыку науки на этапе предвузовской подготовки (на примере работы с пособием «Введение в магистерскую программу»)
- 90 Н. А. Вострякова
Современный учебник РКИ как основа успешного диалога культур на подготовительном факультете российского вуза
- 101 М. Г. Маркина-Гурджи
Теория функционального описания языка как методологическая основа учебных пособий «Русский язык» 5–11 кл. (авт. Рудяков А. Н., Фролова Т. Я., Маркина-Гурджи М. Г., Бурдина А. С.)

[РЕЦЕНЗИИ]

- 110 Л. В. Московкин
Кук В. Изучение и преподавание второго языка

[ЯЗЫК И КУЛЬТУРА]

- 113 Ю. В. Дорофеев, Р. В. Забашта
Русистика в Крымском федеральном университете имени В. И. Вернадского

[METHODOLOGY]

Tatiana V. Vasilieva
Teaching Scientific Metalanguage to foreign Pre-Masters at the Level of Preparatory Training: on the Basis of the “Introduction to the Master’s Program” Textbook

Natalia A. Vostriakova
Modern Textbook of RFL as the Basis for a Successful Dialogue of Cultures at the Preparatory Faculty of a Russian University

Mariia G. Markina-Gurdzhi
The Theory of Functional Description of Language as a Methodological Basis of the Textbooks “Russian Language” grade 5–11 by A. N. Rudyakov, T. Ia. Frolova, M. G. Markina-Gurdzhi, A. S. Burdina

[REVIEW]

Leonid V. Moskovkin
Cook V. Second Language Learning and Language Teaching.

[LANGUAGE AND CULTURE]

Iurii V. Dorofeev, Roman V. Zabashta
Russian Studies in the Crimean Federal University named after Vladimir I. Vernadsky

ОЦЕНКА СЛОЖНОСТИ РУССКИХ ПРАВОВЫХ ТЕКСТОВ: АРХИТЕКТУРА МОДЕЛИ¹

OLGA V. BLINOVA

ASSESSING COMPLEXITY OF RUSSIAN LEGAL TEXTS: THE MODEL'S ARCHITECTURE

**Ольга Владимировна
Блинова**

Кандидат филологических наук, доцент

► o.blinova@spbu.ru, ovblinova@hse.ru

Санкт-Петербургский государственный
университет

199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7–9

Научно-исследовательский институт
«Высшая школа экономики»

190068, Санкт-Петербург,
ул. Союза Печатников, 16

Olga V. Blinova

St. Petersburg State University
7/9, Universitetskaya nab.,
St. Petersburg, 199034

National Research University Higher School
of Economics

16, ul. Soiuza Pechatnikov,
St. Petersburg, 190068

В статье описана основанная на метриках² модель оценки сложности русских правовых текстов. Архитектура модели подразумевает использование 130 метрик, разделённых на следующие категории: «базовые метрики», «формулы читабельности», «учёт слов разных частеречных классов», «n-граммы частеречных помет», «частотность лемм», «словообразовательные модели», «отдельные граммемы», «лексические и семантические признаки, неоднословные выражения», «синтаксические признаки», «оценки связности». Две метрики учитывают гипертекстовые связи и наличие неопределённых контекстов.

Модель способна оценивать и структурную, и понятийную, и интертекстуальную сложность, привлекая и традиционно используемые для предсказания сложности неспецифические метрики, и метрики стилеспецифические, разработанные с оглядкой на особенности организации официально-деловых текстов.

При подсчёте морфологических и синтаксических признаков модель обращается к слоям разметки, выполненной UDPipe (“ru-syntagrus”) и rutmorph².

Для обеспечения работы модели создан ряд пользовательских словарей, среди которых: список лексических средств текстового дейксиса³, список графических сокращений (1,5 тыс. единиц), список аббревиатур (2 тыс. единиц), список юридических терминов (10 тыс. единиц), список абстрактных лемм (17 тыс. единиц), список однословных лексических показателей деонтической возможности и необходимости, список конструкций с лёгкими глаголами.

Значения метрик сложности⁴ подсчитаны для всех документов корпуса законов CorCodex, корпуса решений конституционного суда CorDec и корпуса локальных актов CorRIDA (всего порядка 8 млн токенов). Размеченные юридические корпуса, значения метрик сложности и пользовательские словари доступны для скачивания с сайта plaindocument.org.

Ключевые слова: русские правовые тексты; модель оценки сложности; языковые метрики; читабельность.

The paper describes the metrics-based model for assessing complexity of Russian legal texts. The architecture of the model implies the use of 130 metrics divided into following categories: “basic metrics”, “readability formulas”, “words of different part-of-speech classes”, “n-grams of part-of-speech tags”, “frequency of lemmas”, “word-building patterns”, “grammes”, “lexical and semantic features, multi-word expressions”, “syntactic features”, “cohesion assessments”. Two metrics take into account hypertext links and the presence of vague contexts.

The model is able to evaluate structural, conceptual, and hypertextual complexity, including both non-specific metrics traditionally used to predict complexity and style-specific metrics developed taking into account the peculiarities of official texts.

When evaluating morphological and syntactic features, the model refers to the markup layers performed by UDPipe (“ru-syntagrus”) and pymorphy2.

To make the model work a number of user dictionaries are involved, including a list of lexical means of text deixis, a list of graphic abbreviations (1,500 units), a list of acronyms (2,000 units), a list of legal terms (10,000 units), a list of abstract lemmas (17,000 units), a list of lexical indicators of deontic possibility and necessity, a list of light verb constructions.

The values of complexity metrics were calculated for all documents of the CorCodex law corpus, the CorDec corpus of Constitutional court decisions, and the CorRIDA corpus of local acts (about 8 million tokens in total). Annotated legal corpora, complexity metrics, and user dictionaries are available for downloading from plaindocument.org.

Keywords: Russian legal texts, complexity assessment model; linguistic metrics; readability.

1. Введение

Настоящая статья посвящена описанию **модели оценки сложности** русских правовых текстов. **Сложность** текста на языке может пониматься как скрытая переменная, значение которой измеримо для любого связного текста. В некотором общем случае при оценке сложности выбираются различные **параметры** (или признаки), значения которых подсчитываются с помощью соответствующих **метрик сложности**.

В представляемой вниманию читателя статье описывается модель оценки сложности, подразумевающая применение **130 метрик**. При разработке метрик учитывалась специфика правовых текстов, а также опыт исследований языковой сложности и опыт стилеметрических исследований.

Обращение к юридическим текстам в контексте изучения сложности закономерно. Указания на сложность и производную от неё неудобопонятность правовых текстов можно считать трюизмами. Скажем, в [Mattila 2013] выделяются **особенности lingua legis** безотносительно определённой правовой традиции или языка. Среди таких особенностей — «**сложность предложений**».

«Сложностью предложений» согласно [Там же] может быть оценена, например, через подсчёт количества зависимых клауз. Х. Маттила указывает также на наличие «усложнённых и бесполезных выражений» типа ‘на медленной скорости’ вместо ‘медленно’, ‘по окончании’ вместо ‘после’

и т.п. Кроме того, черты сложности, согласно [Там же], — предпочтение существительных глаголам, а также частотность сложных слов (ср. пример автора, нем. *Klageerzwingungsverfahren* ‘исполнительное производство по жалобе’) и устойчивых неоднословных выражений (ср. пример автора, франц. *contrat de transfert de processus technologique* ‘договор на передачу технологического процесса’).

[Azuelos-Atias, Ye 2017] также интересуется язык права «вообще»; они указывают на «очень сложный» юридический язык, «сложность языковых структур», интригующую лингвистов, на употребимость «длинных, сложных и избыточных предложений» [Там же: 1, 2, 3]. Авторы подчёркивают, что неудобопонятность правовых текстов для неспециалистов обуславливает не только упомянутая «сложность предложений», то есть **структурная сложность**, но и **понятийная сложность** (выражающаяся в употреблении специальной терминологии). Однако «соломинкой, переломившей спину верблюда», является «тот факт, что важнейшие юридические знания остаются неявными в большинстве юридических документов. **Интертекстуальные ссылки** на информацию, которая хорошо известна специалистам в области права, представлены в юридических текстах почти как рутинная — слабыми под-сказками» [Там же: 3].

Таким образом, стоит говорить об **объективной сложности** правовых текстов, которую можно измерить. Это предполагает использование метрик, оценивающих структурную, понятийную и интертекстуальную сложность. **Целью** настоящей статьи является описание автоматической модели оценки сложности, подразумевающей учёт указанных типов сложности.

2. Опыт изучения сложности правовых текстов⁵

В исследованиях сложности юридических текстов применяются методы квантитативной лингвистики. Дополнением классических подходов, реализованным в небольшом количестве моделей сложности, является фиксация **гипертекстовых связей** внутри изучаемых текстовых

коллекций и /или фиксация **неопределённых выражений**, см. [Блинова, Белов 2020]. Неопределённые выражения допускают множественность трактовок, а наличие таких выражений в юридическом тексте противоречит его идеологии ясности, точности и однозначности, см. об этом [Кузнецов, Соловьев 2019] и др.

В качестве первого примера можно привести модель [Waltl, Matthes 2014]. Авторы измеряли сложность немецких законов и использовали следующие метрики: количество абзацев, количество предложений, количество слов, **«структурная глубина»** (параметр описывает организацию корпуса законов и гипертекстовые ссылки разной «глубины» на положения того же законодательного акта или другого законодательного акта), **количество внутренних и внешних ссылок**; разнообразие словаря, значение стандартной метрики читабельности. [Waltl, Matthes 2014] включили в оценку сложности и **«неопределённость»**, вычисляемую так: оценивается количество вхождений в тексты немецких законов неопределённых (*vague*) прилагательных типа *«адекватный»*, *«разумный»*.

Вторым примером может стать модель [Owens, Wedeking 2011]. Указанные авторы исследовали решения Верховного суда США и измеряли том числе степень уверенности / неуверенности пишущего субъекта в утверждении, оцениваемую через количество вхождений слов типа *'maybe'*, *'fairly'*, *'perhaps'*, *'absolutely'*, *'clearly'*, количество употреблений эпистемических глаголов, выражающих знание, мнение, предположение, типа *'think'*, *'know'*, *'consider'* и т. п.

Русские юридические тексты также привлекали внимание исследователей сложности. Наиболее простая модель оценки подразумевает применение формул читабельности, см., например, [Солнышкина, Кисельников 2015]. Так, в статье [Дмитриева 2017] корпус текстов решений Конституционного суда РФ исследован с применением адаптированной формулы Флеша-Кинкейда [Оборнева 2005].

Несколько более изощрённые модели подразумевают применение метрик синтаксической сложности. В [Кучаков, Савельев 2018], [Савельев, Кучаков 2019] для оценки сложности авторы ис-

пользовали одну метрику лексического разнообразия (меру TTR, отношение числа уникальных слов документа (*types*) ко всем словам документа (*tokens*), значение меры зависит от длины текста) и одну синтаксическую метрику (расстояние в словах между главными и зависимыми узлами в предложении, *dependency length*), вычисляемое так: «для каждого конкретного текста взято одно значение, которое является максимальным для всех предложений текста» [Там же]).

Наконец, в [Кнутов и др. 2020] использованы девять метрик сложности: «доля глаголов в страдательном залоге», «доля глаголов от общего количества слов в тексте», «среднее количество слов в субстантивных именных словосочетаниях», «среднее количество причастных оборотов, расположенных в предложениях после определяемого слова, на одно предложение», «среднее количество деепричастных оборотов на одно предложение», «среднее количество слов в предложениях», «среднее расстояние между зависимыми словами в предложении», «среднее количество грамматических основ (предикативных основ, предикативных ядер) предложения (подлежащее, сказуемое или одно из них) в одном предложении», «среднее количество слов в абзаце».

Таким образом, авторы работ, выполненных на русском материале, сконцентрировались на изучении сложности языка законов и языка судебных решений. Кроме того, для измерения сложности использовались либо только формулы читабельности, либо другие достаточно немногочисленные метрики. Наконец, авторы не проводили тестирования своих моделей оценки сложности.

3. Архитектура модели

В нашей модели для оценки сложности используется 130 метрик, разделённых на следующие категории:

1. «базовые метрики»,
2. «формулы читабельности»,
3. «учёт слов разных частеречных классов»,
4. «n-граммы частеречных помет»,
5. «частотность лемм»,
6. «словообразование»,
7. «отдельные граммемы»,

8. «лексические и семантические признаки, неоднословные выражения»,
9. «синтаксические признаки»,
10. «оценки связности текста».

3.1. Базовые метрики сложности

Модель предусматривает использование 28 базовых метрик. Их можно разделить на **базовые квантитативные** и **базовые лексические**. Первые нацелены в том числе на учёт долей вхождений в тексты длинных слов и длинных предложений. Длинными словами считаются слова, состоящие из 4-х и более слогов. Примерами таких метрик могут стать, в частности: ASL — «средняя длина предложения в словах», ASW — «средняя длина словоформы в слогах», S — «среднее число предложений на 100 словоформ» и пр.

Базовые лексические метрики подразумевают подсчёт индексов лексического разнообразия (простого TTR для словоформ и лемм; производных от TTR метрик Yule's K и Yule's I, значение которых не зависит от длины текста, см. об этом [Blinova et al. 2020]), а также подсчёт долей гапаксов.

3.2. Формулы читабельности

Использование формул — общераспространённый метод оценки сложности. Сейчас он применяется в комбинации с другими, более изощрёнными, методами, подробнее см., например, [Benjamin 2012], и встраивается в разнообразные текстометрические ресурсы.

В модели используется пять формул: адаптированная формула Флеша-Кинкейда [Solnyshkina et al. 2018], адаптированная формула SMOG, адаптированная формула подсчёта автоматизированного индекса читабельности ARI, индекс Дейла-Чейл, индекс Колман-Лиау, см. [Бегтин 2016].

3.3. Учёт слов разных частеречных классов

В текстах официально-делового стиля при сравнении с другими стилями меняется частота вхождения слов разных частей речи. Сказанное подтверждается, например, в [Браславский 2001], где автор наблюдает «монотонный рост средних долей существительных и прилагательных и монотонное же уменьшение долей местоимений, наречий,

глаголов и частиц от разговорного к официально-деловому стилю», см. кроме того, [Поспелова, Ягунова 2014], [Клышинский и др. 2013] и др.

В работе [Дружкин 2016] выделен набор признаков, показавших **высокую положительную корреляцию со сложностью текстов**, среди них есть и частеречные:

- полная форма прилагательного и причастия,
- форма причастия,
- прилагательные и существительные.

В литературе подчёркивается свойственный текстам официально-делового стиля и сложным текстам **рост доли существительного и падение доли глагола в личной форме**.

В нашей модели 22 метрики, учитывающие доли вхождений слов разных частей речи, разработаны с учётом различий между использованными инструментами разметки — UDPipe (лемматизация, частеречная разметка, синтаксическая разметка) и *rumorphy2* (второй слой частеречной разметки, подробный морфологический анализ), то есть различий между наборами помет частеречной разметки [Straka, Straková 2019], [Korobov 2015].

Вслед за [Журавлёв 1988] в модель введены: индекс аналитичности (отношение числа служебных слов к общему числу слов в тексте); индекс глагольности; индекс субстантивности; индекс адъективности; индекс местоименности; индекс автосемантической (отношение числа значащих слов к общему числу слов; «незначащими» считаются все служебные слова и местоимения).

Метрика *Comp_pr* обращается к слою частеречной разметки, но введена с прицелом на оценку доли вхождений прилагательных и наречий в форме сравнительной степени (то есть градуируемых прилагательных и наречий, потенциально участвующих в формировании неопределённых (*vague*) контекстов, см. об этом раздел 2 выше, а также [Блинова, Белов 2020]).

Полный список метрик дан на сайте проекта РНФ plaindocument.org/corpora.

3.4. N-граммы частеречных помет

Информацию о встречаемости n-грамм частеречных помет решено привлечь для анализа сложности также под влиянием литературы

о квантитативном анализе стиля, в частности, работ [Клышинский и др. 2013], [Антонова и др. 2011].

[Там же] предложена так называемая «**формула динамичности / статичности**», призванная отделить тексты, в которых описывается множество событий, («динамические тексты») от текстов «статических». Эта метрика хорошо противопоставляет тексты официально-делового стиля другим текстам (официально-деловые тексты более «статичны»).

В описываемой в настоящей статье модели используется 13 метрик указанной категории. Специально стоит прокомментировать биграммы вида 'NOUN + NOUN', триграммы вида 'NOUN + NOUN + NOUN' и биграммы вида 'NOUN + NOUN,*gent'. Их использование нацелено в том числе на выделение именных групп с генитивными аргументами.

В дескриптивной литературе по стилистике описываются, а в прескриптивной литературе — строго осуждаются так называемые «цепочки форм родительного падежа» (ср. также понятия «нанизывания падежей», «родительный приимённый»). Исследование именных групп с более чем двумя генитивными аргументами на материале корпуса CorCodex показало, что наибольшая наблюдаемая длина группы с ветвящимся генитивом достигает восьми элементов, см. [Веденина 2021]. Конструкции с несколькими генитивными аргументами в литературе по стилистике эксплицитно оцениваются как трудные для восприятия, ср., например, цитату из [Голуб 2001]: «Загрудняет восприятие текста нанизывание одинаковых грамматических форм, которые последовательно зависят друг от друга <...>. Эпифора часто возникает при нанизывании форм родительного падежа, что обычно связано с влиянием официально-делового стиля».

3.5. Частотность лемм

При оценке сложности принято учитывать длину слов текста и их «знакомость» читающему. Длина слов текста в нашей модели учитывается в базовых квантитативных метриках и в некоторых формулах читабельности. «Знакомость» операционализируется через применение информа-

ции об общеязыковой частотности лемм текста.

Исследования на материале русского языка подтверждают, что признаки, включающие информацию о частотности слов и /или их включённости в лексические минимумы, хорошо предсказывают сложность, см. [Ivanov et al. 2018] а также [Sharoff et al. 2008], [Solovyev et al. 2018].

В рамках описываемой модели для аккуратного учёта данных о частотности лемм на базе больших русских корпусов создан частотный список, в котором с применением меры Ципфа (Zipf value) все леммы (примерно 1 млн) распределены по 9-ти частотным диапазонам, см. о методе [Blinova, Tarasov et al. 2020]. Соответственно, наша модель оценки сложности способна учитывать доли лемм, принадлежащих каждой из частотных зон и различать высокочастотные, среднечастотные и низкочастотные леммы.

Итоговое значение Zipf value в сводном частотном списке принимает значения от 0 (наиболее низкочастотные леммы) до 8 (высокочастотные леммы). При оценке сложности учитываются доли лемм каждого из девяти частотных диапазонов (оцениваемые в 9-ти метриках описываемой категории).

3.6. Словообразование

Для диагностики сложности в [Дружкин 2016] использовались концовки («хвосты») словоформ и лемм. Высокую положительную корреляцию со сложностью показали, в частности, трёхбуквенные «хвосты» *ние, сть, ция, вие, тво, щий, кий, тья*, четырёхбуквенные «хвосты» *ение, ание, ьный, ость, нный, ация, ский, твие, ящий, ство* и пр. [Там же]. Таким образом, практика изучения сложности показывает, что для оценки сложности текста разумно использовать и словообразовательную информацию.

Производные слова, образованные с помощью аффиксов, длиннее производящих. Кроме того, они сложнее морфологически, так как состоят из большего количества морфем. Указанное свойство делает единицы более перцептивно трудными, что подтверждается экспериментально. Например, в [Нагель 2017: 18] читаем: «именно структурная композицио-

нальность, а не частотность единиц осложняет когнитивную обработку синкретичного производного в сравнении с непроизводным словом, что проявляется в замедлении времени реакции у информантов, выполняющих задание на принятие лексического решения»; подробнее об обработке производных слов см. [Слюсарь 2018].

В нашей модели словообразовательная информация извлекается с уровня лемм, в каждом документе подсчитываются доли лемм вида *ция, *ние, *вие, *тие, *ист, *изм, *ура, *ище, *ство, *ость, *овка, *атор, *итор, *тель, *льный, *овать (то есть учитываются вхождения в тексты целого ряда отглагольных, отадъективных и некоторых других производных существительных, а также избранных отглагольных прилагательных и производных глаголов).

3.7. Отдельные граммы

При анализе явлений грамматического уровня предлагается, в частности, идентифицировать в текстах редкие и/или сложные морфологические явления [Collins-Thompson 2014]. Для русского языка эта проблематика разработана достаточно мало.

В модели используется 17 метрик, учитывающих, в частности: долю словоформ в родительном, творительном, дательном падеже, долю существительных среднего рода, долю глаголов в форме 3-го лица, долю полных страдательных причастий, долю кратких страдательных причастий и др.

Для того, чтобы подробно мотивировать выбор каждой метрики, потребуется отдельная статья. Приведу только один пример. Творительный падеж кодирует агенса в пассивных конструкциях. Известно, что в официально-деловых текстах пассивные конструкции частотны (утверждение справедливо и для правовых текстов на языках, отличных от русского). [Charrow, Charrow 1979] в работе о восприятии правовых текстов показали, что пассивные конструкции труднее активных, и что пассивные конструкции без выраженного агенса (“truncated passive”), вопреки некоторым теоретическим ожиданиям, легче полных.

3.8. Лексические и семантические признаки, неоднословные выражения

В 11-ти метриках рассматриваемой категории также учтены черты текстов официально-делового стиля. Объединяет метрики и необходимость применения пользовательских словарей, в которых в виде списков перечислены единицы, вхождения которых учитывает модель.

Среди специально разработанных пользовательских словарей:

- список лексических средств текстового дейксиса типа (*выше/ниже*)названный, (*выше/ниже*)перечисленный, данный и пр.
- список графических сокращений (1,5 тыс. единиц) и аббревиатур (2 тыс. единиц),
- список юридических терминов (10 тыс. единиц),
- список абстрактных лемм (17 тыс. единиц),
- список однословных лексических показателей деонтической возможности и необходимости, ср.: *дозволить, должен, допустимо, запрещать, можно, надлежащий, неправомерно* и т. д.,
- список конструкций с лёгкими глаголами (учтено 6 тыс. последовательностей лемм типа ‘оказывать содействие’, ‘давать оценка’, ‘осуществлять подготовка’).

Список юридических терминов собран на основе обширных юридических словарей [Борисов 2010], [Додонов и др. 2001], он включает и однословные, и неоднословные термины.

Вслед за некоторыми исследователями, см. [Солнышкина, Кисельников 2015], [Solovyev et al. 2020], при оценке сложности решено учитывать и долю абстрактных лемм.

Список абстрактных лемм длиной 17075 единиц включает, к примеру, такие лексемы, как ‘агрессия’, ‘аффект’, ‘закон’, ‘право’, ‘оправдание’, ‘обвинение’, ‘узаконивание’, ‘беззаконность’, ‘законность’, ‘законопослушность’, ‘незаконность’, ‘противозаконность’, ‘правонарушение’, ‘преступление’ и пр.

В заключение раздела важно заметить, что по крайней мере некоторые метрики обсуждаемой категории призваны оценивать **понятийную сложность** анализируемых текстов. Сказанное ка-

сается и собственно юридических терминов, и абстрактных слов, и аббревиатур.

Для учёта ссылок на федеральные законы РФ в состав метрик описываемой категории введена метрика «FZ_pr» (доля указаний на федеральные законы). Она описывает гипертекстовые связи, явление, названное в [Waltl, Matthes 2014] «структурной глубиной». Соответственно, метрика служит для оценки не собственно языковой сложности, но сложности организации корпуса правовых текстов (если корпус понимать не столько лингвистически, сколько юридически).

3.9. Синтаксические признаки

Возможности анализа синтаксической сложности обуславливаются и ограничиваются форматом синтаксической разметки, возможностями парсера. В представляемой модели для разметки использован анализатор UDPipe (модель “ru-syntagrus”, см. [Straka, Straková 2019]).

Наша модель использует 21 синтаксическую метрику и учитывает, к примеру: клаузуальные модификаторы имени, в том числе относительные клаузы; сентенциальные обстоятельства; конструкции с сентенциальными дополнениями; аппозитивные конструкции и мн. др. (заинтересованный читатель может обратиться к странице сайта *plaindocument.org*).

3.10. Оценки связности текста

Для оценки связности в состав метрик введена мера «Cohes_1» (количество повторов существительных в соседних предложениях). Кроме того, использована метрика «Cohes_2», учитывающая количество повторов граммем времени и вида у глаголов в личной форме (в соседних предложениях). «Cohes_2» призвана охарактеризовать однотипность / неоднотипность глагольных форм, см. об этом у [Голуб 2001]: «в тексте <официально-делового стиля — О. Б.> обычно повторяются однотипные конструкции: <...>. Такое построение высказываний не только способствует предельной ясности формулировок, но и служит достижению единообразия в изложении».

Специфика организации когезии (структурной связности) в юридических текстах учтена

и в одной из лексических метрик, учитывающей вхождения средств текстового дейксиса (см. раздел 3.8). Кроме того, в категории метрик, основанных на синтаксическом слое разметки UDPipe, присутствует признак “Discourse” (соответствующая метрика подсчитывает лексические средства, организующие членение и связность).

4. Заключение

Описанная модель оценки сложности русских правовых текстов подразумевает использование 130 метрик, обращающихся к лексике, семантике, синтаксису и связности текста, частично учитывающих сочетаемость и некоторые словообразовательные модели. Кроме того, добавлена метрика, учитывающая гипертекстовые связи (что особенно важно при рассмотрении корпуса законов), а также метрика, способная диагностировать неопределённые контексты.

Модель учитывает и структурную, и понятийную, и (в некоторой степени) интертекстуальную сложность; включает и традиционно используемые для предсказания сложности неспецифичные метрики, и метрики стилеспецифичные, разработанные с оглядкой на особенности организации официально-деловых текстов.

Значения 130 метрик сложности подсчитаны для всех документов корпуса законов CorCodex, корпуса решений конституционного суда CorDec и корпуса локальных актов CorRIDA (всего порядка 8 млн токенов). Сами размеченные корпуса и значения метрик сложности можно скачать с сайта проекта *plaindocument.org*.

Проведено тестирование модели на внешних наборах данных (на наборе данных “plainrussian” [Бегтин 2016] и на наборе русских школьных учебников [Solovyev, Solnyshkina et al. 2019]). В ходе тестирования выявлены метрики, сработавшие в задаче классификации по сложности наилучшим образом. Подробные результаты тестирования предстоит опубликовать.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Разделы 1 и 3 подготовлены при поддержке гранта РФФИ № 19-18-00525 «Понятность официального русского языка: юридическая и лингвистическая проблематика».

²Метрики разрабатываются для измерения представленности в текстах языковых признаков. Например, «слово длиннее 4-х слогов» — это языковой признак. Доля длинных слов в тексте (отношение числа длинных слов ко всем словам текста) — это метрика.

³При текстовом дейксисе отсылки производятся «в пространстве текста», точкой отсчёта является место текста, в котором «находятся» адресат и адресант, а дейктическая единица отсылает не к элементу в языковой действительности, а к другому (предшествующему или последующему) элементу текста, ср. *вышеуказанный*.

⁴Значения метрик сложности позволяют сравнивать тексты по сложности (или предсказывать трудность текстов для чтения). Сильная представленность признака (высокое значение метрики) не обязательно свидетельствует о большей сложности. Например, чем больше в текстах длинных слов, тем они сложнее; однако чем больше в текстах глаголов в личной форме, тем в некотором общем случае они проще (в случае, если падение доли глагола сопровождается возрастанием доли существительного).

⁵Раздел 2 написан в рамках выполнения государственного задания СПбГУ по проекту НИИ Проблем государственного языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонова и др. 2011 — Антонова А. Ю., Клышинский Э. С., Ягунова Е. В. Определение стилевых и жанровых характеристик коллекций текстов на основе частеречной сочетаемости. В сб.: *Труды международной конференции «Корпусная лингвистика-2011»*. СПб., 2011. С. 80–85.
- Бегтин 2016 — Бегтин И. В. *Оценка читабельности текста*. URL: <https://github.com/ivbeg/readability.io/wiki/API> (дата обращения: 01.02.2022).
- Блинова, Белов 2020 — Блинова О. В., Белов, С. А. Языковая неоднозначность и неопределённость в русских правовых текстах. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. 2020, (11 (4)): 774–812.
- Борисов 2010 — Борисов А. Б. *Большой юридический словарь*. М.: Книжный мир, 2010. 848 с.
- Браславский 2001 — Браславский П. Морфологический строй функциональных стилей (на материале документов Internet). *Известия Уральского государственного университета*. 2001, 21: 9–7.
- Веденина 2021 — Веденина У. А. *Цепочки зависимых существительных в современных русских юридических документах: выпускная квалификационная работа бакалавра*. СПб., 2021.
- Голуб 2001 — Голуб И. Б. *Стилистика русского языка*. 3-е изд., испр. М.: Рольф, 2001. 240 с.
- Дмитриева 2017 — Дмитриева А. В. «Искусство юридического письма»: количественный анализ решений Конституционного суда Российской Федерации. *Сравнительное конституционное обозрение*. 2017, (118 (3)): 125–133.
- Додонов и др. 2001 — Додонов В. Н., Ермаков В. Д., Крылова М. А. *Большой юридический словарь*. М.: ИНФРА-М, 2001. 780 с.
- Дружкин 2016 — Дружкин К. Ю. *Метрики удобочитаемости для русского языка: выпускная квалификационная работа магистра*. М., 2016.
- Журавлёв 1988 — Журавлёв А. Ф. Опыт квантитативно-типологического исследования разновидностей устной речи. В сб.: *Разновидности городской устной речи*. М.: Наука, 1988. С. 84–150.
- Клышинский и др. 2013 — Клышинский Э. С., Кочеткова Н. А., Мансурова О. Ю., Ягунова Е. В., Максимов В. Ю., Карпик О. В. *Формирование модели сочетаемости слов русского языка и исследование ее свойств*. Препринты ИПМ им. М. В. Келдыша. 2013, 41. URL: https://keldysh.ru/papers/2013/ррер2013_41.pdf (дата обращения: 01.02.2022).
- Кнутов и др. 2020 — Кнутов А. В., Плаксин С. М., Григорьева Н. Л., Синятуллин Р. Х., Чаплинский А. В., Успенская А. М. *Сложность российских законов. Опыт синтаксического анализа*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 311 с.
- Костенко 2005 — Костенко М. А. Правовая лингвистика в законотворческом процессе. *Известия ЮФУ. Технические науки*. 2005, (9 (53)): 127–132.
- Кузнецов, Соловьев 2019 — Кузнецов С. А., Соловьев А. А. Конституция Российской Федерации в аспекте требований к русскому языку как государственному. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*. 2019, (18 (2)): 27–36.
- Кучаков, Савельев 2018 — Кучаков Р. К., Савельев Д. А. Сложность правовых актов в России: лексическое и синтаксическое качество текстов. СПб.: ИПП ЕУСПб, 2018. 20 с.
- Нагель 2017 — Нагель О. В. *Словообразовательные механизмы в процессах восприятия, идентификации и использования языка. автореф. дисс. ... докт. филол. наук*. Томск, 2017. 45 с.
- Оборнева 2005 — Оборнева И. В. Автоматизация оценки качества восприятия текста. *Вестник Московского городского педагогического университета*. 2005, (2): 221–233.
- Поспелова, Ягунова 2014 — Поспелова А. Г., Ягунова Е. В. Опыт применения стилевых и жанровых характеристик для описания стилевых особенностей коллекций текстов. *Новые информационные технологии в автоматизированных системах*. 2014, (17): 347–356.
- Савельев, Кучаков 2019 — Савельев Д. А., Кучаков Р. К. *Решения арбитражных судов субъектов Российской Федерации: лексическое и синтаксическое качество текстов: аналитическая записка*. СПб: ИПП ЕУСПб, 2019. 20 с.
- Слюсарь 2018 — Слюсарь Н. А. *Экспериментальное исследование ряда основных понятий теоретической морфологии (на материале русского языка): регулярность, синкретизм, маркированность. Резюме дисс. ... докт. филол. наук*. М., 2018. 48 с.
- Солнышкина, Кисельников 2015 — Солнышкина М. И., Кисельников А. С. Сложность текста: этапы изучения в отечественном прикладном языкознании. *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2015, (6 (38)): 86–99.
- Azuelos-Atias, Ye 2017 — Azuelos-Atias S., Ye N. On drafting, interpreting, and translating legal texts across languages and cultures. *International Journal of Legal Discourse*. 2017, (2 (1)): 1–12.

Benjamin 2012 — Benjamin R. G. Reconstructing readability: recent developments and recommendations in the analysis of text difficulty. *Educational Psychology Review*. 2012, (24 (1)): 63–88.

Blinova et al. 2020 — Blinova O., Belov S., Revazov M. Decisions of Russian Constitutional Court: Lexical Complexity Analysis in Shallow Diachrony. In: *CEUR Workshop Proceedings (Proceedings of the International Conference «Internet and Modern Society» IMS-2020)*. ITMO University, St. Petersburg, Russia. P. 61–74.

Blinova, Tarasov et al. 2020 — Blinova O. V., Tarasov N. A., Modina V. V., Blekanov I. S. Modeling Lemma Frequency Bands for Lexical Complexity Assessment of Russian Texts. In: *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference «Dialogue 2020» (Moscow, June 17–20, 2020)*. 2020, (19 (26)): 76–92.

Charrow, Charrow 1979 — Charrow R. P., Charrow V. R. Making Legal Language Understandable: A Psycholinguistic Study of Jury Instructions. *Columbia Law Review*. 1979, (79 (7)): 1306–1374.

Collins-Thompson 2014 — Collins-Thompson K. Computational assessment of text readability: a survey of current and future research. *Recent Advances in Automatic Readability Assessment and Text Simplification. Special issue of International Journal of Applied Linguistics*. 2014, (165 (2)): 97–135.

Ivanov et al. 2018 — Ivanov V. V., Solnyshkina M. I., Solovyev V. D. Efficiency of text readability features in Russian academic texts. *Komp'yuternaja Lingvistika i Intellektual'nye Tehnologii*. 2018, (17): 277–287.

Korobov 2015 — Korobov M. *Morphological Analyzer and Generator for Russian and Ukrainian Languages. Analysis of Images, Social Networks and Texts*. 320–332.

Mattila 2013 — Mattila H. E. S. *Comparative Legal Linguistics: Language of Law, Latin and Modern Lingua Francas*. Routledge, 2013. 504 p.

Owens, Wedeking 2011 — Owens R. J., Wedeking J. P. Justices and legal clarity: Analyzing the complexity of US Supreme Court opinions. *Law & Society Review*. 2011, (45 (4)): 1027–1061.

Solnyshkina et al. 2018 — Solnyshkina M., Ivanov V., Solovyev V. D. Readability Formula for Russian Texts: A Modified Version. In: *Proceedings of the 17th Mexican International Conference on Artificial Intelligence, MICAI 2018*. Guadalajara, Mexico, part II. P. 132–145.

Solovyev et al. 2018 — Solovyev V., Ivanov V., & Solnyshkina M. Assessment of reading difficulty levels in Russian academic texts: Approaches and Metrics. *Journal of Intelligent & Fuzzy Systems*. 2018, (34 (5)): 3049–3058.

Solovyev et al. 2020 — Solovyev V. D., Solnyshkina M. I., Andreeva M., Danilov A., Zamaletdinov R. Text Complexity and Abstractness: Tools for the Russian Language. IMS. In: *CEUR Workshop Proceedings (Proceedings of the International Conference «Internet and Modern Society» IMS-2020)*. ITMO University, St. Petersburg, Russia, 2020. P. 75–87.

Solovyev, Solnyshkina et al. 2019 — Solovyev V., Solnyshkina M., Ivanov V., Batyrshin I. Prediction of reading difficulty in Russian academic texts. *Journal of Intelligent & Fuzzy Systems*. 2019, (36 (5)): 4553–4563.

Straka, Straková 2019 — Straka M., Straková J. Universal Dependencies 2.5 Models for UDPipe (2019-12-06). In: *LINDAT/*

CLARIAH-CZ digital library at the Institute of Formal and Applied Linguistics (ÚFAL), Faculty of Mathematics and Physics, Charles University, 2019. URL: <http://hdl.handle.net/11234/1-3131> (date of access: 01.02.2022).

Tiersma 1999 — Tiersma Peter M. *Legal Language*. Chicago, London: University of Chicago Press, 1999. 314 p.

Waltl, Matthes 2014 — Waltl B., Matthes F. *Towards Measures of Complexity: Applying Structural and Linguistic Metrics to German Laws*. JURIX. 2014: 153–162.

Wydick, Sloan 2019 — Wydick R. C., Sloan A. E. *Plain English for lawyers*. Sixth edition. Durham, North Carolina: Carolina Academic Press, LLC, 2019. 178 p.

REFERENCES

Антонова и др. 2011 — Antonova A. Iu., Klyshinskii E. S., Iagunova E. V. Determination of stylistic and genre characteristics of text collections based on part-of-speech compatibility. In: *Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Korpusnaia lingvistika-2011»*. Saint Petersburg, 2011. P. 80–85. (In Russian)

Бегтин 2016 — Begtin I. V. *Readability assessment*. URL: <https://github.com/ivbeg/readability.io/wiki/API> (date of access: 01.02.2022). (In Russian)

Блинова, Белов 2020 — Blinova O. V., Belov S. A. Linguistic ambiguity and vagueness in Russian legal texts. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*. 2020, (11 (4)): 774–812. (In Russian)

Борисов 2010 — Borisov A. B. *Large law dictionary*. Moscow: Knizhnyi mir, 2010. 848 p. (In Russian)

Браславский 2001 — Braslavskii P. Morphological structure of functional styles (based on Internet documents). *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 2001, (21): 9–7. (In Russian)

Веденина 2021 — Vedenina U. A. *Nouns chains in modern Russian legal documents (according to corpus data): bachelor's thesis*. Saint Petersburg, 2021. (In Russian)

Голуб 2001 — Golub I. B. *Stylistics of the Russian language*. 3rd ed. Moscow: Rol'f, 2001. 240 p. (In Russian)

Дмитриева 2017 — Dmitrieva A. V. “The art of legal writing”: A quantitative analysis of Russian Constitutional Court rulings. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 2017, (118 (3)): 125–133. (In Russian)

Додонов и др. 2001 — Dodonov V. N., Ermakov V. D., Krylova M. A. *Large law dictionary*. Moscow: INFRA-M, 2001. 780 p. (In Russian)

Дружкин 2016 — Druzhkin K. Iu. *Readability metrics for Russian: master's theses*. Moscow, 2016. (In Russian)

Журавлёв 1988 — Zhuravlev A. F. Experience of Quantitative-Typological Study of Varieties of Oral Speech. In: *Raznovidnosti gorodskoi ustnoi rechi*. Moscow: Nauka, 1988. P. 84–150. (In Russian)

Клышинский и др. 2013 — Klyshinskii E. S., Kochetkova N. A., Mansurova O. Iu., Iagunova E. V., Maksimov V. Iu., Karpik O. V. *Formation of the Russian Word Combinability Model and Study of its Properties. Preprinty IPM im. M. V. Keldysha*. 2013, 41. URL: https://keldysh.ru/papers/2013/prep2013_41.pdf (дата обращения: 01.02.2022). (In Russian)

- Кнутов и др. 2020 — Knutov A. V., Plaksin S. M., Grigor'eva N. L., Siniatullin R. Kh., Chaplinskii A. V., Uspenskaia A. M. *The Complexity of Russian Laws. The Experience of Syntactic Analysis*. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2020. 311 p. (In Russian)
- Костенко 2005 — Kostenko M. A. Legal linguistics in the legislative process. *Izvestiia IuFU. Tekhnicheskie nauki*. 2005, (9 (53)): 127–132. (In Russian)
- Кузнецов, Соловьев 2019 — Kuznetsov C. A., Solov'ev A. A. The Constitution of the Russian Federation in the Aspect of Requirements for Russian as a State Language. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Iazykoznanie*. 2019, (18 (2)): 27–36. (In Russian)
- Кучаков, Савельев 2018 — Kuchakov R. K., Savel'ev D. A. *The complexity of legal acts in Russia: Lexical and syntactic quality of texts: analytic note*. Saint Petersburg: ИПП ЕУСПб, 2018. 20 p. (In Russian)
- Нагель 2017 — Nagel' O. V. *Word-formation mechanisms in the processes of perception, identification, and use of language: Author's abstract of the Doctor's Thesis*. Tomsk, 2017. 45 p. (In Russian)
- Оборнева 2005 — Osborne I. V. Automation of text perception quality assessment. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta*. 2005, (2): 221–233. (In Russian)
- Поспелова, Ягунова 2014 — Pospelova A. G., Iagunova E. V. Experience using style and genre characteristics to describe the stylistic features of texts collections. *Novye informatsionnye tekhnologii v avtomatizirovannykh sistemakh*. 2014, (17): 347–356. (In Russian)
- Савельев, Кучаков 2019 — Savel'ev D. A., Kuchakov R. K. *Decisions of arbitration courts of Russian Federation: lexical and syntactic quality of texts: analytic note*. Saint Petersburg: IPP EUSPb, 2019. 20 p. (In Russian)
- Слюсарь 2018 — Sl'usar N. A. *Experimental study of some basic concepts of theoretical morphology (on the material of the Russian language): regularity, syncretism, markedness. Author's abstract of the Doctor's Thesis*. Moscow, 2018. 48 p. (In Russian)
- Солнышкина, Кисельников 2015 — Solnyshkina M. I., Kisel'nikov A. S. Text Complexity: Study Phases in Russian Linguistics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2015, (6 (38)): 86–99. (In Russian)
- Azuelos-Atias, Ye 2017 — Azuelos-Atias S., Ye N. On drafting, interpreting, and translating legal texts across languages and cultures. *International Journal of Legal Discourse*. 2017, (2 (1)): 1–12.
- Benjamin 2012 — Benjamin R. G. Reconstructing readability: recent developments and recommendations in the analysis of text difficulty. *Educational Psychology Review*. 2012, (24 (1)): 63–88.
- Blinova et al. 2020 — Blinova O., Belov S., Revazov M. Decisions of Russian Constitutional Court: Lexical Complexity Analysis in Shallow Diachrony. In: *CEUR Workshop Proceedings (Proceedings of the International Conference «Internet and Modern Society» IMS-2020)*. ITMO University, St. Petersburg, Russia. P. 61–74.
- Blinova, Tarasov et al. 2020 — Blinova O. V., Tarasov N. A., Modina V. V., Blekanov I. S. Modeling Lemma Frequency Bands for Lexical Complexity Assessment of Russian Texts. In: *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference «Dialogue 2020» (Moscow, June 17–20, 2020)*. 2020, (19 (26)): 76–92.
- Charrow, Charrow 1979 — Charrow R. P., Charrow V. R. Making Legal Language Understandable: A Psycholinguistic Study of Jury Instructions. *Columbia Law Review*. 1979, (79 (7)): 1306–1374.
- Collins-Thompson 2014 — Collins-Thompson K. Computational assessment of text readability: a survey of current and future research. Recent Advances in Automatic Readability Assessment and Text Simplification. *Special issue of International Journal of Applied Linguistics*. 2014, (165 (2)): 97–135.
- Ivanov et al. 2018 — Ivanov V. V., Solnyshkina M. I., Solovyev V. D. Efficiency of text readability features in Russian academic texts. *Komp'yuternaja Lingvistika i Intellektual'nye Tehnologii*. 2018, (17): 277–287.
- Korobov 2015 — Korobov M. *Morphological Analyzer and Generator for Russian and Ukrainian Languages. Analysis of Images, Social Networks and Texts*. 320–332.
- Mattila 2013 — Mattila H. E. S. *Comparative Legal Linguistics: Language of Law, Latin and Modern Lingua Francas*. Routledge, 2013. 504 p.
- Owens, Wedeking 2011 — Owens R. J., Wedeking J. P. Justices and legal clarity: Analyzing the complexity of US Supreme Court opinions. *Law & Society Review*. 2011, (45 (4)): 1027–1061.
- Solnyshkina et. al 2018 — Solnyshkina M., Ivanov V., Solovyev V. Readability Formula for Russian Texts: A Modified Version. In: *Proceedings of the 17th Mexican International Conference on Artificial Intelligence, MICAI 2018*. Guadalajara, Mexico, part II. P. 132–145.
- Solovyev et al. 2018 — Solovyev V., Ivanov V., & Solnyshkina M. Assessment of reading difficulty levels in Russian academic texts: Approaches and Metrics. *Journal of Intelligent & Fuzzy Systems*. 2018, (34 (5)): 3049–3058.
- Solovyev et al. 2020 — Solovyev V. D., Solnyshkina M. I., Andreeva M., Danilov A., Zamaletdinov R. Text Complexity and Abstractness: Tools for the Russian Language. IMS. In: *CEUR Workshop Proceedings (Proceedings of the International Conference «Internet and Modern Society» IMS-2020)*. ITMO University, St. Petersburg, Russia, 2020. P. 75–87.
- Solovyev, Solnyshkina et al. 2019 — Solovyev V., Solnyshkina M., Ivanov V., Batyrshin I. Prediction of reading difficulty in Russian academic texts. *Journal of Intelligent & Fuzzy Systems*. 2019, (36 (5)): 4553–4563.
- Straka, Straková 2019 — Straka M., Straková J. Universal Dependencies 2.5 Models for UDPipe (2019-12-06). In: *LINDAT/CLARIAH-CZ digital library at the Institute of Formal and Applied Linguistics (ÚFAL), Faculty of Mathematics and Physics, Charles University, 2019*. URL: <http://hdl.handle.net/11234/1-3131> (date of access: 01.02.2022).
- Tiersma 1999 — Tiersma Peter M. *Legal Language*. Chicago, London: University of Chicago Press, 1999. 314 p.
- Waltl, Matthes 2014 — Waltl B., Matthes F. *Towards Measures of Complexity: Applying Structural and Linguistic Metrics to German Laws*. JURIX. 2014: 153–162.
- Wydick, Sloan 2019 — Wydick R. C., Sloan A. E. *Plain English for lawyers*. Sixth edition. Durham, North Carolina: Carolina Academic Press, LLC, 2019. 178 p.

СПЕЦИФИКА СИНОНИМИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ALEKSANDRA I. OLKHOVSKAIA

THE FEATURES OF SYNONYMOUS BORROWINGS IN MODERN RUSSIAN

Статья посвящена рассмотрению новых заимствований с позиций их воздействия на синонимику современного русского языка. Материал исследования составляют порядка 1200 синонимических рядов, включающих в свой состав хотя бы одно заимствование, вошедшее в русский язык за последние 40 лет.

Анализ материала позволил выявить такие механизмы синонимизации, как присоединение к укоренённой единице, объединение с параллельным заимствованием, порождение номинативного рефлекса и формирование ряда с самопроизвольным неологизмом.

Рассмотрев наполнение синонимических рядов, автор обнаружил структурные типы синонимии. Они были распределены по двум крупным сферам эквивалентности — формальной и смысловой. Среди структурных типов формальной сферы можно назвать: 1) заимствование – однокоренной синоним / словообразовательный вариант; 2) аббревиатурное заимствование – его расшифровка; 3) заимствование – его усечение / конденсат; 4) заимствование – универбат; 5) аналит-конструкция – грамматически оформленное словосочетание. К структурным типам смысловой сферы относятся: 1) заимствование – заимствование; 2) заимствование – опосредованная калька; 3) заимствование – укоренённая единица; 4) заимствование – автохтонный неологизм.

Изучение семантических оппозиций в рамках синонимических парадигм показало, что в большинстве случаев иноязычные заимствования вступают в отношения абсолютной синонимии. Это обстоятельство порождает явление лексической избыточности и повышенной конкуренции на некоторых участках системы. С помощью идеографического распределения были определены тематические группы с наибольшим количеством синонимических заимствований. К ним относятся такие разделы, как «Физическая культура и спорт», «Искусство, культура», «Техника и ее функционирование», «IT-сфера», «Интернет-коммуникация» и «Профессии».

Ключевые слова: заимствования, синонимия, активные процессы в русском языке, механизм синонимизации, структурный тип синонимии, семантическая оппозиция, тематическая классификация.

This article deals with the consideration of new borrowings from the standpoint of their impact on the synonymy of the Russian language. The research material consists of about 1,200 synonymous series, including at least one loan entered the Russian language over the past 40 years.

The analysis of the material revealed such mechanisms of synonymization as joining a rooted unit, combining with parallel borrowing, generating a nominative reflex and forming a series with spontaneous neologism.

Having considered the content of synonymic series, the author discovered structural types of synonymy. They were divided into two major areas of equivalence — formal and semantic. Among

**Александра Игоревна
Ольховская**

Кандидат филологических наук

► aleksandra_olhovskaya@mail.ru

Государственный институт русского
языка им. А.С. Пушкина

117485 Москва, ул. Академика Волгина, д. 6

Aleksandra I. Olkhovskaya

Pushkin State Russian Language Institute
Akademika Volgina street, Moscow, 1174856

the structural types of the formal sphere are: 1) borrowing — a single-root synonym / word-formative variant; 2) abbreviation borrowing — its decoding; 3) borrowing — its truncation / condensation; 4) borrowing — result of the univerbation; 5) analyte-construction — grammatically formed phrase. Structural types of the semantic sphere include: 1) borrowing — borrowing; 2) borrowing — calque; 3) borrowing — rooted unit; 4) borrowing — autochthonous neologism.

The study of semantic oppositions within the framework of synonymic paradigms has shown that in most cases foreign borrowings enter into relations of absolute synonymy. This circumstance generates the phenomenon of lexical redundancy and increased competition in some parts of the system. With the help of ideographic distribution, there identified the thematic groups with the largest number of synonymous borrowings. These include such sections as “Physical culture and Sports”, “Art, Culture”, “Technology and its functioning”, “IT sphere”, “Internet communication” and “Professions”.

Key words: borrowings, synonymy, active processes in the Russian language, mechanism of synonymization, structural type of synonymy, semantic opposition, thematic classification.

1. Введение

Заемствование лексики — один из наиболее активных языковых процессов в современном русском языке (см. работы Л. П. Крысина, В. Г. Костомарова, Э. Ф. Володарской, М. А. Кронгауза, И. А. Стернина, Е. В. Мариновой и др.). Обозначившись в 80-е гг. XX в., он не потерял своей актуальности по сей день, ср. новейшие заимствования: *блэкаут, митап, газлайтинг, каминг-аут, инфлюенсер, фоллоу-ап* и др.

Попав на почву языка-реципиента, заимствования не только входят в речевой обиход, но и влияют на языковую систему, в частности, на лексическую парадигматику. Заметнее всего процесс модификации лексикона протекает по линии синонимии. Е. В. Маринова отмечает, что «около 200 иноязычных слов оказались вовлеченными в синонимические отношения с лексическими единицами принявшей их системы, которая, в свою очередь, пополнилась новыми синонимическими парами» [Маринова 2019: 416–417]. Смысловые сближения заимствований с лексикой русского языка привели к количественному обогащению синонимического фонда и к качественной перестройке на разных его участках. В связи с этим сегодня можно говорить «о заметном обновлении “синонимического интерпретационного инструментария”» [Черняк 2015: 52].

2. Объект и цель исследования

Цель данного исследования состоит в многоаспектном рассмотрении новых заимствований с учётом их вклада в развитие синонимии русского языка. Объектом изучения выступают синонимические заимствования, вошедшие в русский язык с конца 80-х гг. XX в. по настоящее время. Устанавливая временные рамки, мы исходили из того, что 90-е гг. XX в. — период заметного языкового сдвига, аналогичного, например, языковому сдвигу петровской эпохи¹.

Под синонимическими заимствованиями понимаются заимствования, которые имеют в принимающем языке хотя бы один синоним. Важно отметить, что в основе исследования лежит широкое понимание синонимии — как устойчивой смысловой эквивалентности слов. В связи с этим в работе рассматриваются не только собственно синонимы, но и примыкающие к ним единицы, как то: словообразовательные варианты, универбаты, сокращения и др. Теоретической основой такого решения является полевой подход к моделированию языковых категорий, в соответствии с которым перечисленные типы эквивалентов могут быть отнесены к периферийной области синонимов.

3. Материал и методы

Материал исследования составляют порядка 1200 синонимических парадигм, включающих в свой состав хотя бы одно заимствование, вошедшее в русский язык за последние 40 лет. Синонимические ряды конструировались с опорой на иноязычные единицы, извлечённые из современных лексикографических произведений (см. список источников). Показателем ненулевой синонимической ценности служило либо указание на синоним в специальной зоне словарной статьи, либо использование синонимического толкования. Например:

«**Акупунктура** <...> Метод лечения ... уколами (с использованием специальных игл) в определенные точки тела; иглоукальвание» [Крысин 2009: 31].

«**Байк**, а, м. 1. Мотоцикл (обычно в речи байкеров (см. 1-е знач.) и мотогонщиков)» [Шаглова 2017: 46].

Значительная часть микропарадигм была построена на основе авторской интроспекции, например, *абьюзер, тиран, деспот; шейминг, осуждение, неодобрение, порицание, охаивание; стрим, онлайн-трансляция, прямая трансляция, прямой эфир* и др.

4. Обсуждение

4.1. Эквивалентные / безэквивалентные заимствования в аспекте синонимизации

На основании понятийно-эквивалентных отношений с лексикой принимающего языка заимствованные слова распадаются на две группы — понятийно-безэквивалентные и понятийно-эквивалентные [Маринова 2008: 12]. К первой группе относятся иноязычные слова, именующие предметы и явления, которые не имеют устойчивых обозначений в языке-реципиенте. Заимствования такого рода заполняют лексические лакуны, например, *браузер, нетворкинг, каршеринг, стартап, мессенджер* и др. Вторая группа включает заимствования, имеющие в принимающем языке лексические эквиваленты из числа укорененных единиц. Под укорененной единицей понимается хорошо освоенное и кодифицированное слово языка независимо от его происхождения².

Очевидно, что эквивалентные заимствования априори являются синонимическими, по крайней мере на начальном этапе их языкового освоения. Что касается безэквивалентных заимствований, то их синонимический потенциал может быть отличным от нуля по двум причинам. Во-первых, они время от времени сближаются с параллельным заимствованием из этого же или другого языка, например, *бар-код, штрихкод; фэйс-арт, аквагрим; флешмоб, смартмоб; фризлайт, лайтпейнтинг; хипстер, инди-кид*.

Параллельное заимствование может иметь вид не только явного заимствования, но и непосредственной кальки. Под непосредственной подразумевается калька, которая сделана с соответствующей единицы иностранного языка и не имеет некалькированного аналога в принимающем языке. Например: *баг, программная ошибка (programming error); байер, менеджер по закупкам (purchasing manager); слип-бокс, капсула для сна*

(*par capsule*); *саммит, встреча на высшем уровне, встреча в верхах (meeting at the summit); азрбег / эйрбег, подушка безопасности (safety cushion)*.

Во-вторых, заимствование выступает спусковым крючком для номинативной деятельности носителей языка. По словам Е. В. Мариновой, «безэквивалентное слово “провоцирует” языковую систему, побуждая её к творчеству» [Маринова 2019: 414]. Результатом творческого осмысления заимствований являются прежде всего кальки. В данном случае речь идёт об опосредованных кальках, т. е. таких, которые сделаны с иноязычного слова после того, как оно проникло в принимающий язык. Сущностное отличие непосредственного калькирования от опосредованного состоит в том, что первое представляет собой механизм заимствования, в то время как второе — механизм дальнейшей лексической адаптации заимствованного материала.

В ходе опосредованного калькирования возникают «спайки» лексем, идентичных по лексическому значению и внутренней форме: *нюв-вейв – новая волна; месседж – сообщение; скриншот – снимок экрана*. Тот факт, что предыдущие языковые эпохи не оставили нам подобных «спаек», позволяет предположить их временный характер.

Опосредованные кальки представлены различными видами и подвидами:

- словообразовательные кальки: 1) полные кальки (*роутер, маршрутизатор; браузер, обозреватель; промоушен, продвижение*); 2) полукальки (*айс-дайвинг, подлёдный дайвинг; аквазORB, гидрозорб, водный зорб; роуд-менеджер, дорожный менеджер*); 3) неточные кальки (*айс-ти, холодный чай* — не **ледяной чай; фреш, свежесжатый сок* — не **свежий сок; миддл-менеджер* — *менеджер среднего звена*, не **средний менеджер*);

- сочетаемостные кальки³: 1) прямые кальки (*биг дата, большие данные; бич-волей, пляжный волейбол; гараж-сейл, гаражная распродажа*); 2) обратные кальки, т. е. кальки с перестановкой элементов (*бренд-амбассадор, посол бренда; тайм-менеджмент, управление временем; сейфти-кар, машина безопасности*);

- семантические кальки (*инсталлировать, установить* ‘поместить программное обеспечение на жёсткий диск компьютера’; *апдейт, обнов-*

ление 'модификация программного обеспечения'; *смайт*-, *умный* 'о технике с высокой функциональностью и вычислительной мощностью').

Вторым типом реакции на чужеродные влияния является создание неологизмов на почве родного языка. При этом задействуется прежде всего такой способ номинации, как словообразовательная деривация. Чаще всего автохтонный неологизм образуется с использованием иноязычного корня и русской морфемы: *хеджинг*, *хеджирование*; *кёрлер*, *кёрлингист*; *скейтпарк*, *скейтдром*. Такие единицы можно считать межъязыковыми словообразовательными вариантами.

В редких случаях синоним возникает в ходе фонетической мимикрии — сближения заимствования со словом принимающего языка на основании их случайного внешнего сходства [Химик 2000: 87]. Цель такого сближения, по замечанию Е. В. Прокутиной, состоит в своего рода «передразнивании» заимствованного слова [Прокутина 2009: 125]. Синонимы, возникшие в результате мимикрии, как правило, функционируют в жаргонах. В наших материалах зафиксированы лишь те из них, которые отличаются более широкой употребительностью, например, *e-мейл* – *мыло*; *драйвер* – *дрова*; *винчестер* – *винт*.

Наконец, в-третьих, заимствование может синонимизироваться с автохтонным неологизмом, возникшим в результате самопроизвольного словотворчества. Номинативная деятельность вызвана здесь появлением не самого заимствованного слова, а предмета или явления, который оно называет. Создавая новую единицу, субъект номинации либо не знает соответствующего иноязычного неологизма, либо знает, но по каким-то причинам им не удовлетворен. Собранный материал показывает, что в исследуемый период активизируются такие способы номинации, как семантическая деривация и создание описательных словосочетаний (синтаксический способ). Приведём примеры:

- семантические неологизмы (*лифтинг*, *подтяжка* 'устранение внешних признаков старения кожи лица и шеи'; *тюбинг*, *ватрушка*, *бублик* 'надувные сани в виде бублика'; *смайлик*, *колобок* 'пиктограмма или комбинация символов, изображающая лицо с эмоцией');

- описательные словосочетания (*хэндаут*, *раздаточный материал*; *бестселлер*, *хит продаж*; *бинбэг*, *кресло-пуф*, *кресло-груша*).

Итак, вопреки ожиданиям, синонимический потенциал безэквивалентных заимствований оказывается более мощным и сложно организованным, чем потенциал эквивалентных единиц. Безэквивалентные иноязычия лидируют, во-первых, по количеству вхождений в синонимические ряды (659 против 492), а во-вторых, по разнообразию механизмов языкового притяжения.

4.2. Структурные типы синонимии

Структурный тип характеризует состав синонимического ряда с позиции качественного разнообразия входящих в него единиц. Состав ряда с заимствованием зависит от типа синонимических отношений, в которые вступают неологизмы в языке-реципиенте. С учётом принятого в данном исследовании широкого (полевого) подхода синонимические отношения могут быть разделены на формальные и смысловые. Под формальной синонимией понимается тождество или близость значений лексем с очевидно соотносительными означающими. Смысловая синонимия представляет собой собственно синонимические отношения, при которых близость значений фиксируется у разнооформленных единиц.

В рамках формальной синонимии выделяются следующие структурные типы:

- заимствование — однокоренной синоним / словообразовательный вариант (*скейтбордер*, *скейтер*, *скейтбордист*; *кастомайзинг*, *кастомизация*; *ресайклинг*, *рециклинг*, *рециклирование*);
- аббревиатурное заимствование — его расшифровка (*ай-ти* / *айти* / *IT*, *информационные технологии*; *ситком*, *ситуационная комедия*; *пиар*, *наблик рилейшнз*);
- заимствование — его усечение / конденсат (*никнейм*, *ник*; *кавер-версия*, *кавер*; *букридер*, *ридер*);
- заимствование — универбат (*сим-карта*, *симка*; *флеш-карта*, *флешка*; *поисковая система*, *поисковик*);
- аналит-конструкция — грамматически оформленное словосочетание (*файл-сервер*, *файловый сервер*; *маркетинг-директор* – *директор по маркетингу*; *эконом-класс*, *экономический класс*).

Следует отметить, что однокорневая синонимия и вариантность могут не только возникать в языке-реципиенте, но и заимствоваться в готовом виде. На регулярной основе осуществляется параллельное заимствование англицизмов с инговой финалью и без неё: *брейнсторминг, бейн-сторм; флейминг, флейм; райтинг, райт*. В некоторых случаях одновременно функционируют англицизмы с суффиксом *-ер* и без него: *байкер-пати, байк-пати; бас-бустер, бас-буст; сноуску-тер, сноускут*.

Важную роль в организации формальной синонимии играет класс аналитических прилагательных, существенно пополнившийся за последнее время (*интернет-, онлайн-, веб-, арт-, премиум-* и т. п.). Во-первых, часть аналит-конструкций конкурирует с типичными для русского языка грамматически оформленными словосочетаниями: *акциз-налог – акцизный налог, штрих-код – штриховой код, маршрут-квитанция – маршрутная квитанция*. Во-вторых, словосочетания с аналит-прилагательными, как и любые устойчивые словосочетания, нередко подвергаются опущению одного из компонентов. Элиминированный компонент может находиться в препозиции (*беби-слинг, слинг*), постпозиции (*дьюти-фри-шоп, дьюти-фри*), интерпозиции (*агрессив инлайн-скейтинг, агрессив-скейтинг*) и даже в двух позициях попеременно (*кока-кола, кока и кола*). Сохранённый компонент вбирает в себя семантику всего словосочетания и выступает его конденсированным эквивалентом, нередко маркированным разговорным стилем.

Дополнительный сегмент тождества возникает за счёт заимствования одного и того же иностранного слова путём транскрипции и транслитерации одновременно, например, *ви-ай-пи, вип*;

Таблица 1

<i>лук, аутфит, внешность, [внешний] вид, облик, наружность, образ, прикид</i>	заимствование – заимствование заимствование – укоренённая единица
<i>баттл, битва, состязание, соревнование, слем</i>	заимствование – опосредованная калька заимствование – укоренённая единица заимствование – заимствование
<i>планшет, планшетный компьютер, планшетник, таблет, таблетка</i>	заимствование (вторичное) – заимствование (в т. ч. непосредственная калька) заимствование – универбат заимствование – автохтонный неологизм (фонетическая мимикрия)

гамать, геймить; дисконт, дискаунт; франшиза, франчайз; перкуссия, перкашн.

Что касается смысловой синонимии новых заимствований, в её рамках могут быть выделены следующие структурные типы:

- заимствование — заимствование (*визаж, макияж, мейкап, мейк; аватар, юзерпик; гамбургер, бифбургер, бургер*);

- заимствование — опосредованная калька (*риск-менеджмент, управление рисками; петчворк, лоскутное шитьё, лоскутная техника, лоскутная мозаика; саунд, звук, звучание*);

- заимствование — укоренённая единица (*офф-роуд, бездорожье, пересечённая местность; бодибилдинг, культуризм, атлетизм; бойфренд, парень, друг, приятель, молодой человек, МЧ*);

- заимствование — автохтонный неологизм (*сёрфер, серфингист; гринвошинг, озеленение имиджа; плеймейкер, распасовщик*).

Реальные синонимические ряды, включающие заимствования, часто характеризуются смешанным составом. Приведём несколько примеров (Таблица 1 (жирным шрифтом в таблице выделены заимствованные единицы)).

На основании анализа структурного многообразия синонимических рядов можно говорить о том, что современное состояние языка отличается, во-первых, широко развитой формальной синонимией (лексической эквивалентностью), а во-вторых, своего рода парадигматической всеохватностью. Последняя проявляется в том, что вновь образованные синонимические блоки сочетают в себе единицы разного происхождения и языкового статуса.

4.3. Смысловые отношения синонимов

Оценка смысловых отношений заимствований с членами синонимического ряда производилась с опорой на семантические оппозиции, пред-

ложенные Л. А. Новиковым. Между синонимами фиксировалась либо нулевая, либо привативная, либо эквиполентная оппозиция [Новиков 1982: 136–142].

Сегодня общим местом лексикологических работ может считаться мысль о том, что заимствованный синоним в большинстве случаев приобретает более узкое значение по сравнению с укоренённым эквивалентом [Володарская 2002: 108], [Крысин 2002: 30], [Новикова 1996: 382]. Между тем результаты анализа показывают, что большинство заимствований выборки (80 %) находятся в отношениях нулевой смысловой оппозиции, то есть, по сути, являются абсолютными, точными синонимами⁴. Приведём примеры: *от-кутюр* – высокая мода; *слеш* – косая черта; *бокс-офис* – кассовые сборы; *хэндмейд* прил. – рукодельный; *сейл* – распродажа; *прессинг* – давление; *промоакция* – рекламная акция; *бильдредактор* – фоторедактор; *дизайн* – художественное конструирование.

Чаще всего нулевая оппозиция наблюдается в рамках синонимических пар, однако встречаются и более объёмные синонимические тождества, ср.: *бигборд*, *билборд*, *рекламный щит*; *пост*, *запись*, *публикация*; *блиц-опрос*, *блиц-интервью*, *флеш-интервью*; *диджитал* прил., *диджитал-...*, *дигитальный*, *цифровой*; *питаля*, *питахайя*, *драгонфрукт*, *драконий фрукт*.

В редких случаях абсолютные синонимы образуют довольно многочисленные парадигмы, состоящие из 5 и более членов, например, *аквабайк*, *байк*, *акваскутер*, *скутер*, *гидроцикл*, *джет-ски*, *джет*, *водный мотоцикл*; *роллы*, *суши-рулеты*, *суши* / *суси*, *макидзуси*, *маки*; *стритстайл*, *стрит-фешен*, *стривер*, *уличная мода*, *уличный стиль*. Протяжённые синонимические ряды порождают в русском языке явление полионимии (многоимённости) и лексической избыточности. Исследование А. В. Бастрикова говорит о том, что такая же ситуация была в русском языке петровского и послепетровского периода: «Широкая лексическая синонимия («многоимёнство») — одна из особенностей развития лексического состава XVIII века» [Бастриков 2008: 186].

Следует отметить, что ведущую роль в формировании абсолютной синонимии играют

параллельное заимствование (около 1/4 рядов) и опосредованное калькирование (около 1/7 рядов). При этом параллельные заимствования, являясь семантически тождественными, как правило, различаются признаком, положенным в основу номинации: *скайдайвинг* – ныряние в небеса (*sky* ‘небо’, *to dive* ‘нырять’), *фрифлай* – свободный полёт (*free* ‘свободный’, *fly* ‘полёт’); *бодидраггинг* – «таскание» тела (*body* ‘тело’, *to drag* ‘тащить’), *скудинг* – «мчание», скольжение (*to scud* ‘нестись, скользить’); *в директ* – напрямую (*direct* ‘прямой, непосредственный’), *в приват* – в частном порядке (*private* ‘частный’).

Количество синонимических рядов с привативной и эквиполентной оппозициями примерно одинаково с небольшим преимуществом у рядов первого типа. Приведем несколько примеров новейших заимствований, вступающих в эквиполентные отношения с русскими лексемами. Слова из ряда *творчество*, *творение*, *созидание*, *креатив* называют деятельность по созданию оригинальных объектов. Укоренённые единицы связаны с объектами, ценными в контексте духовной жизни человечества, тогда как заимствование *креатив* актуализирует утилитарный аспект: конечной целью креатива является эффективное решение практической задачи (часто это продажа товара, ср.: *рекламный креатив*).

Пожертвование и *дoneyшн* обозначают добровольный взнос в пользу какого-либо лица или учреждения. Сбор пожертвований обычно производится для реализации социально значимых, общепользовательных проектов (*пожертвование на восстановление храма*, *в фонд милосердия*, *на больных детей*), в то время как *дoneyшн* выступает специфической формой благодарности за услуги, чаще всего развлекательного или просветительского характера (ср.: *работа за дoneyшн*). Синонимы *пол* и *гендер* называют набор признаков, различающих мужчин и женщин в разных плоскостях — биологической и социокультурной. Если *пол* обусловлен репродуктивной системой человека, то *гендер* — социальными ролями и стереотипами.

Перейдём к рассмотрению примеров привативной смысловой оппозиции. В некоторых случаях заимствования называют более широкие по-

нения. Так, если *опыт* и *багаж* — это накопленные в течение жизни знания и навыки, то *бэкграунд* — это всё многообразие характеристик человеческой жизни: происхождение, воспитание, образование, опыт работы, связи и т. д. Человека, который доминирует в отношениях и деструктивно воздействует на партнёра, сегодня всё чаще называют абьюзером. При этом абьюз может проявляться по-разному: в унижениях, критике, манипуляциях, контроле, принуждениях и т. д. В то же время за русскими аналогами закрепились конкретные виды проявлений: за деспотом стоит власть и навязывание собственной воли, за тираном — ограничение свободы и причинение страданий.

Однако в большинстве случаев иноязычное слово обозначает более узкое и специализированное понятие. Так, *лайфхак* — это *хитрость*, рассказанная в форме совета; *арт* — современное и неклассическое *искусство*; *буллинг* — *травля* в детском коллективе; *шейминг* — публичное *осуждение*, основанное на предубеждении; *ивент* — яркое, развлекательное *мероприятие*, проводимое в целях формирования положительного имиджа компании.

Интересным направлением специализации можно считать профессионализацию — закрепление за заимствованной единицей значения, связанного с явлениями профессиональной сферы. Чаще всего такие единицы называют новые профессии (*кофевар* – *бариста*; *наставник* – *коуч*; *убийца* – *киллер*) или деятельность, осмысленную как сферу профессиональных услуг (*называние*, *наименование* – *нейминг*; *писательство*, *сочинительство* – *райтинг*; *перепродажа*, *спекуляция* – *ресейл*). В некоторых случаях за неологизмами стоят понятия, связанные с рабочим процессом, например, *дедлайн* – *срок* выполнения рабочей задачи; *скилл* – ценный в работе *навык*; *транспарентность* – открытость, прозрачность как принцип работы. Отмеченная тенденция говорит, вероятно, о развитии и обогащении российской сферы услуг, а также о внимании общества к трудовой деятельности.

Таким образом, большинство новых заимствований в русском языке находится в отношениях абсолютной синонимии. Это намечает основное

направление развития лексикона рубежа веков — массивованное наращение конкурентного материала с его последующей селекцией.

4.4. Тематическое распределение синонимических заимствований

К понятийным сферам, наполненным наибольшим количеством синонимических рядов с участием заимствований, относятся следующие области:

- 1) физическая культура и спорт (190 парадигм);
- 2) искусство, культура (144 парадигмы);
- 3) техника и ее функционирование (96 парадигм);
- 4) IT-сфера (67 парадигм);
- 5) интернет-коммуникация (52 парадигмы);
- 6) профессии (48 парадигм).

Коротко прокомментируем содержание каждой из обозначенных групп. Тематическая группа «Физическая культура и спорт» состоит из нескольких разделов — «Общие понятия» (*мундиаль*, *чемпионат мира по футболу*; *тренинг*, *тренировка*), «Физическая культура» (*джукари*, *аэрофитнес*; *памп-аэробика*, *памп-фитнес*, *боди-памп*, *памп*), «Виды спорта» (*муай-тай*, *тайландский бокс*, *тайский бокс*; *дуатлон*, *скиатлон*), «Спортивный инвентарь» (*маунтинбайк*, *горный велосипед*; *резист-бол*, *фитбол*) и «Наименование спортсмена» (*вингер*, *крайний полузащитник*, *крайний нападающий*; *кикер*, *кикбоксёр*).

Таксон «Искусство, культура» включает такие разделы, как «Музыка» (*аудиотрек*, *трек*, *аудиозапись*, *звуковая дорожка*; *сонграйтер*, *песенник*), «Живопись и графика» (*боди-арт*, *бодипейнтинг*; *скетч*, *эскиз*, *набросок*, *зарисовка*), «Кино» (*хоррор*, *фильм ужасов*, *ужасы*, *ужастик*; *экшен*, *боевик*), «Литература» (*фанфик*, *фанфикшн*; *фикшн*, *художественная литература*), «Танец» (*би-боинг*, *брейк-данс*, *брейк*, *брейкинг*, *хип-хоп*; *байле-фанк*, *фанк-кариока*) и «Фотография» (*фотосет*, *фотосессия*; *селфи*, *себяшка*, *лук*). Наиболее многочисленный раздел группы — «Музыка» (71 парадигма), наименее многочисленный — «Фотография» (4 парадигмы). Такие виды искусства, как архитектура, скульптура и театр не представлены в выборке.

Подгруппа «Техника и её функционирование» отличается высокой организацией и состоит из шести блоков: «Компьютерная техника» (*ноутбук, лэптоп / лаптоп, блокнотный компьютер; принтер, печатающее устройство*), «Бытовая техника» (*микроволновая печь, микроволновка, СВЧ-печь; климат-контроль, климатизатор, климатизёр*), «Аудио-, видеотехника» (*саундбар, звуковая панель; смарт-динамик, умная колонка*), «Техника связи» (*мобильный, сотовый; сим-холдер, держатель сим-карты, сим-лоток*), «Транспортная техника» (*глайдер, подводный планер; супермото, супермотард, мотард*) и «Звуковое оборудование» (*амплифа[й]ер, усилитель [звука]; [шумовой] гейт, [пороговый] шумоподавитель*).

Особенность таксона «IT-сфера» заключается в том, что он, отражая содержание становящейся области, целиком состоит из синонимических рядов, инициированных безэквивалентными заимствованиями. Здесь выделяется несколько разделов — «Общие понятия» (*онлайн-, интернет-, онлайнновый, интернетовский, сетевой; юзер, пользователь*), «Компьютерные программы, интернет-сервисы и ресурсы» (*клауд-сервис, облачный сервис, облачное хранилище, облако; [искусственная] нейронная сеть, нейросеть, ИНС*) и «Действия с компьютерными объектами» (*архивация, архивирование, сжатие; мануал, руководство пользователя*). Самым протяжённым синонимическим рядом этой группы является ряд *интернет, всемирная паутина, всемирная / мировая / глобальная сеть, World Wide Web, WWW, веб, киберпейс, киберпространство, виртуальная реальность, виртуал, вирт*. Это явственно говорит об исключительной ценности интернета в современном обществе.

Группа «Интернет-коммуникация» включает синонимы, именующие 1) качества виртуальной личности (*ник, никнейм, сетевое имя, прозвище; фейк-аккаунт, фейковый аккаунт, фейк-страница, фейковая страница, искусственный профиль*); 2) отношения между людьми (*френд, друг; фолловер, подписчик*); 3) эмоциональные проявления (*ОМГ, О, май Гад, О, мой Бог...; фейспалм, рукалицо / рука-лицо*); 4) объединения по интересам (*наблик, публичная страница, груп-*

па; инвайт, приглашение); 5) площадки и инструменты для общения (*веб-форум, интернет-форум, форум; чат, веб-чат, болталка*); 6) виды и жанры коммуникативной активности (*войс, аудиосообщение, голосовое сообщение; шер, репост, перепост*). Смысловые акценты в разделе позволяют моделировать интернет-коммуникацию как область, изоморфную реальному (оффлайн) общению.

Наконец, подгруппа «Профессии» отражает актуальные сферы занятости населения. Собранные здесь синонимы по содержанию делятся на три типа: 1) парадигмы, которые состоят из нескольких параллельных названий новых профессий (*пиарщик, специалист по связям с общественностью; хедхантер, охотник за головами*); 2) парадигмы, которые включают названия старой профессии и её нового аналога с несколько изменённым набором должностных обязанностей (*няня, бэбиситтер; компьютерщик, программист, ай-тишник, специалист в области информационных технологий, IT-специалист*); 3) парадигмы, которые совмещают старое и новое название одной и той же профессии (*маникюрищица, маникюристка, маникюрша, мастер по маникюру, специалист ногтевого сервиса, нейл-мастер; уборщик, клинер*). Встречаются также смешанные ряды, например, *рекрутер, консультант / специалист / менеджер по подбору персонала, HR-менеджер, HR / эйчар, кадровик, наёмщик*. Сосуществование в одном тематическом объединении профессий разных эпох и экономических систем демонстрирует, во-первых, непоследовательность происходящих в России экономических изменений, а во-вторых, столкновение разных подходов к организации труда.

Опираясь на проведенный анализ, можно предположить, что к зонам лексического притяжения в современном российском обществе относятся цифровые технологии и компьютерная техника, виртуальное общение, новая культура с разветвлённой системой жанров, спорт и здоровье, а также профессиональная деятельность.

5. Выводы

Интенсивное заимствование последних лет существенно обогатило русский синонимический

фонд, затронув около 1200 синонимических рядов. Помимо очевидного сближения иноязычных слов с укоренёнными единицами, на синонимизацию работают параллельное заимствование, реактивная и самопроизвольная номинация.

На основании наполнения синонимических рядов, включающих заимствования, можно выделить две области синонимии — формальную и смысловую. Модели формальной синонимии описывают тождество языковых вариантов и однокоренных единиц. Модели смысловой синонимии показывают разные точки притяжения заимствованных слов. Они позволяют заключить, что внедрение иноязычных компонентов сопровождается интенсивным генерированием калек и неологизмов с использованием исконного материала. А это значит, что заимствование слов является не механическим процессом, как это кажется на первый взгляд, а творческой деятельностью, наполненной номинативной энергией.

Изучение смысловых отношений, в которые вступают синонимические заимствования, свидетельствует о преобладании абсолютной синонимии, что указывает на лексическую избыточность современного русского языка. Наибольшее количество синонимических заимствований сконцентрировано в таких тематических областях, как «Спорт», «Искусство», «Техника», «ИТ», «Интернет-коммуникация» и «Профессии». На основании этого можно предположить, что перечисленные сферы находятся в фокусе общественного внимания.

В заключение следует отметить, что за рамками настоящей работы остался стилистический аспект изучения синонимических заимствований, который намечает перспективу данного исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В.А. Плунгян называет состояние русского языка на рубеже XX–XXI вв. «языковым сломом» [Плунгян 2005: 18], В.Г. Костомаров — «новой синхронией» [Костомаров 2017].

² Укоренённые единицы не следует путать с автохтонными словами [Вахницкая 2012]. Если первый термин указывает на освоенность слова языком, то второй — на его незаимствованный характер.

³ Так как устойчивые словосочетания не являлись объектом нашего рассмотрения, в качестве примеров

сочетаемых калек приводятся расчленённые лексические единицы, т.е. единицы, которые отличаются от слов лишь разомкнутостью формы [Морковкин 2001: 35].

⁴ Предвосхищая возражения читателя о том, что абсолютных синонимов в языке не существует, поясним, что мы вкладываем в этот термин исключительно семантическое содержание и не исключаем наличие между ними стилистических, сочетаемых и др. различий.

ИСТОЧНИКИ

Габдреева, Гурчиани 2012 — Габдреева Н.В., Гурчиани М.Т. *Словарь композитов русского языка новейшего периода*. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. 280 с.

Комлев 2006 — Комлев Н.Г. *Словарь иностранных слов*. М.: Эксмо, 2006. 669 с.

Костомаров 2017 — Костомаров В.Г. *Секрет прост: для того, чтобы полюбить русский язык, надо полюбить Россию*. Интервью Ю. Горячевой — <https://www.russkiymir.ru/publications/267504/>

Крысин 2009 — Крысин Л.П. *1000 новых иностранных слов*. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. 320 с.

Крысин 2014 — Крысин Л.П. *Современный словарь иностранных слов*. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2014. 416 с.

Кронгауз 2016 — *Словарь языка интернета.ги*. Кронгауз М.А. (ред.). М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. 288 с.

Скляревская 1998 — *Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения*. Скляревская Г.Н. (ред.). СПб.: Изд-во «Фолио-Пресс», 1998. 700 с.

Шагалова 2017 — Шагалова Е.Н. *Словарь новейших иностранных слов*. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2017. 576 с.

Буцева 2009–2014 — *Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: в 2 т.* Буцева Т.Н. (ред.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2009–2014.

ЛИТЕРАТУРА

Бастриков 2008 — Бастриков А.В. Заимствование как источник создания синонимии неологизмов (на материале словаря неологизмов 90-х годов XX в.). *Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета*. 2012, (2): 61–69.

Вахницкая 2012 — Вахницкая Н.И. Заимствование как источник создания синонимии неологизмов (на материале словаря неологизмов 90-х годов XX в.). *Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета*. 2012, (2): 61–69.

Володарская 2002 — Володарская Э.Ф. Заимствование как отражение русско-английских контактов. *Вопросы языкознания*. 2002, (4): 96–118.

Крысин 2002 — Крысин Л.П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий. *Вопросы языкознания*. 2002, (6): 27–34.

Маринова 2008 — Маринова Е.В. *Иноязычные слова в русской речи конца XX — начала XXI вв.: Проблемы освоения и функционирования*. Автореферат диссертации д-ра филол. наук. М., 2008. 44 с.

Маринова 2019 — Маринова Е.В. *Иноязычные слова в русской речи конца XX — начала XXI вв.: Проблемы освоения и функционирования*. М.: ЛЕНАНД, 2019. 536 с.

Морковкин 2001 — Морковкин В.В. О словарной лексикологии. *Русский язык за рубежом*. 2001, (2): 32–38.

Новиков 1982 — Новиков Л. А. *Семантика русского языка: Учебное пособие*. М.: Высшая школа, 1982. 272 с.

Новикова 1996 — Новикова Н.В. Культура использования заимствованных слов в функциональных разновидностях языка. В кн.: *Культура русской речи и эффективность общения*. Граудина Л.К., Ширяев Е.Н. (ред.). М.: Наука, 1996. С. 375–396.

Плунгян 2005 — Плунгян В. А. Зачем нужен Национальный корпус русского языка? Неформальное введение. В сб.: *Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы*. М.: Индрик, 2005. С. 6–20.

Прокутина 2009 — Прокутина Е.В. Языковая игра как способ образования нестандартной лексики русского языка на базе английских заимствований. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2009, (7): 123–127.

Химик 2000 — Химик В.В. *Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен*. СПб.: Изд-во С.-Петер. гос. ун-та, 2000. 269 с.

Черняк 2015 — Черняк В.Д. Динамика синонимических рядов: равнение вниз. *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*. 2015, (5): 47–55.

SOURCES

Габдреева, Гурчиани 2012 — Gabdreeva N. V., Gurchiani M. T. *Dictionary of Russian composites of the latest period*. Moscow: FLINTA: Nauka Publ., 2012. 280 p.

Комлев 2006 — Komlev N. G. *Dictionary of Foreign Words*. Moscow: Eksmo Publ., 2006. 669 p.

Костомаров 2017 — Kostomarov V. G. *The secret is simple: in order to love the Russian language, you need to love Russia*. Interv'iu Iu. Goriachevoi — <https://www.russkiymir.ru/publications/267504/>

Крысин 2009 — Krysin L. P. *1000 new foreign words*. Moscow: AST-PRESS KNIGA Publ., 2009. 320 p.

Крысин 2014 — Krysin L. P. *Modern dictionary of foreign words*. Moscow: AST-PRESS KNIGA Publ., 2014. 416 p.

Кронгауз 2016 — *Dictionary of the Internet.ru language*. Krongauz M. A. (ed.). Moscow: AST-PRESS KNIGA Publ., 2016. 288 p.

Скляревская 1998 — *Explanatory dictionary of the Russian language of the late XX century. Language changes*. Skliarevskaja G. N. (ed.). St. Petersburg: Izd-vo «Folio-Press» Publ., 1998. 700 p.

Шагалова 2017 — Shagalova E. N. *Dictionary of the latest foreign words*. Moscow: AST-PRESS KNIGA Publ., 2017. 576 p.

Буцева 2009–2014 — *New words and meanings: Dictionary-directory on the materials of the press and literature of the 90s of the XX century: in 2 vols*. Butseva T. N. (ed.). St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 2009–2014.

REFERENCES

Бастриков 2008 — Bastrikov A. V. Replenishment of the Russian literary language

Вахницкая 2012 — Vakhnitskaia N. I. Borrowing as a source of creating synonymy of neologisms (based on the material of the dictionary of neologisms of the 90s of the XX century). *Nauchnyi vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta*. 2012, (2): 61–69. (In Russian)

Володарская 2002 — Volodarskaia E. F. Borrowing as a reflection of Russian-English contacts. *Voprosy iazykoznanii*. 2002, (4): 96–118. (In Russian)

Крысин 2002 — Krysin L. P. Lexical borrowing and calculus in the Russian language of the last decades. *Voprosy iazykoznanii*. 2002, (6): 27–34. (In Russian)

Маринова 2008 — Marina E. V. *Foreign words in the Russian speech of the late XX — early XXI centuries: Problems of development and functioning*. Avtoreferat dissertatsii d-ra filol. nauk. Moscow, 2008. 44 p. (In Russian)

Маринова 2019 — Marina E. V. *Foreign words in the Russian speech of the late XX — early XXI centuries: Problems of development and functioning*. Moscow: LENAND, 2019. 536 p. (In Russian)

Морковкин 2001 — Morkovkin V. V. About the dictionary lexicology. *Russkii iazyk za rubezhom*. 2001, (2): 32–38. (In Russian)

Новиков 1982 — Novikov L. A. *Semantics of the Russian language: A textbook*. Moscow: Vysshiaia shkola Publ., 1982. 272 p. (In Russian)

Новикова 1996 — Novikova N. V. The culture of using borrowed words in functional varieties of the language. In: *Kul'tura russkoi rechi i effektivnost' obshcheniia*. Graudina L. K., Shiriaev E. N. (ed.). Moscow: Nauka Publ., 1996. P. 375–396. (In Russian)

Плунгян 2005 — Plungian V. A. Why do we need a National corpus of the Russian language? Informal introduction. In: *Natsional'nyi korpus russkogo iazyka: 2003–2005. Rezul'taty i perspektivy*. Moscow: Indrik Publ., 2005. P. 6–20. (In Russian)

Прокутина 2009 — Prokrutina E. V. Language game as a way of forming non-standard vocabulary of the Russian language based on English borrowings. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2009, (7): 123–127. (In Russian)

Химик 2000 — Khimik V. V. *Poetics of the low, or colloquialism as a cultural phenomenon*. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peter. gos. un-ta, 2000. 269 p. (In Russian)

Черняк 2015 — Cherniak V. D. Dynamics of synonymic series: alignment down. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2015, (5): 47–55. (In Russian)

РУССКОЕ ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ ВОТ ЭТО ДА И ЕГО КИТАЙСКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ. СТАТЬЯ ПЕРВАЯ. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

WANG XI

THE RUSSIAN MULTIFUNCTIONAL UTTERANCE **ВОТ ЭТО ДА** AND ITS CHINESE
EQUIVALENTS. ARTICLE ONE. GENERAL ISSUES

Автор рассматривает полифункциональное высказывание *вот это да*. В зависимости от интонации и смысловых связей в контексте оно способно выражать различные значения. **Научная новизна** исследования заключается в разностороннем описании рассматриваемого высказывания с учётом его использования носителями русского языка и восприятия китайской аудиторией. Полифункциональное высказывание *вот это да* способно выступать в качестве междометного и немеждометного. Эти типы употреблений различны между собой по семантике, специфике функционирования и способам передачи информации китайскими эквивалентами. В связи с этим для полноценного его описания в первой статье основное внимание уделяется употреблению полифункционального высказывания *вот это да* в качестве немеждометного. **Задачей** данной статьи являются выявление богатого семантического потенциала этого высказывания и поиск соответствующих китайских эквивалентов в целях оптимизации методики преподавания русского языка как иностранного. В качестве **материала** описания использованы примеры из Национального корпуса русского языка, а для анализа предложены конкретные ситуации употребления рассматриваемого высказывания. Используются описательный и сопоставительный **методы** исследования, а также метод коммуникативного анализа русской звучащей речи, при помощи которых показано, что междометное и немеждометное высказывания *вот это да*, а также их китайские эквиваленты имеют определённую специфику. В **результате** описания выявлены 1) лексико-семантические варианты (ЛСВ) отдельных лексических составляющих полифункционального высказывания *вот это да* (*вот, это, да*); 2) значения данного высказывания, в первую очередь — когда оно употребляется в качестве немеждометного; 3) его китайские эквиваленты. Полученные результаты могут быть применены как в теории функциональной грамматики, так и в практике преподавания русского языка китайским учащимся. Методология и основные параметры анализа могут быть использованы и при описании других междометных единиц.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, полифункциональность, слово, словоформа, высказывание, актуальное членение.

Ван Си

Аспирант

► 1594510436@qq.com

Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова

119991 Москва, Ленинские горы, 1, стр. 51,
филологический факультет МГУ

Wang Xi

Philological Faculty of Moscow State University

1, str. 51, Leninskie Gory, Moscow, 119991

The author considers a multifunctional utterance “vot eto da”. Depending on the intonation and semantic connections in the context, it can express different meanings. The scholarly novelty of the study lies in the versatile description of the utterance, taking into account its usage by Russian native speakers and its perception by the Chinese audience. The multifunctional utterance “vot eto da” is capable of functioning as an interjective and non-interjective utterance. These types of usages differ in semantics, specifics of functioning, and ways of transmitting information by Chinese equivalents. In this regard, to obtain a full description of it in the first article, the non-interjective usage of the multifunctional utterance “vot eto da” is made the main object of attention. The objective of this article is to identify the rich semantic potential of this utterance and search for appropriate Chinese equivalents to optimize the methods of teaching Russian as a foreign language. Examples from the National corpus of the Russian language are used as the description material, and specific situations of the use of the utterance, which

we are considering, are proposed for analysis. As for methods and results, there were used descriptive and comparative research methods, as well as the method of communicative analysis of Russian spoken language, which allowed to demonstrate that interjective and non-interjective utterances “*vot eto da*” as well as their Chinese equivalents have a certain specificity. As a result of the research, the following items have been identified 1) lexico-semantic variants (LSV) of individual lexical components of the multifunctional utterance; 2) the meaning of this utterance, first of all, when it is used as a non-interjective utterance; 3) its Chinese equivalents. The obtained results can be used both in the theory of functional grammar and in the practice of teaching Russian to Chinese students. The methodology and the main parameters of the analysis can also be used in the description of other interjective units.

Key words: Russian as a foreign language, multifunctionality, word, word form, utterance, actual division.

Введение. Исследование основывается на одном полифункциональном высказывании — *вот это да*, которое употребляется носителями русского языка в устной речи, художественных произведениях, средствах массовой информации и др. Обладая богатым семантическим, коммуникативным и прагматическим потенциалом, оно способно употребляться в качестве междометного и немеждометного высказывания.

Состояние исследования. Полифункциональные высказывания в целом и *вот это да* в частности, на наш взгляд, изучены явно недостаточно и описаны не всегда корректно, их место в современной речевой практике не определено. Поэтому подобные единицы требуют к себе пристального внимания исследователей с учётом использования актуального лингвистического и лингводидактического инструментария. В настоящее время основные проблемы их анализа заключаются в следующем.

(1) Описание без учёта функционирования. Иногда единица *вот это да* рассматривается как слово, иногда — как эквивалент слова, иногда — как фразеологизм или синтаксическая конструкция, то есть верифицируется как языковая, а не речевая единица.

(2) Описание без учёта восприятия иностранной аудиторией, в том числе китайской. В словарных статьях и научной литературе рассматривается употребление этой единицы только в качестве междометного высказывания, а она чаще всего воспринимается инофонами исключительно как предложение, то есть её употребление в каче-

стве немеждометного высказывания чаще всего воспринимается китайскими учащимися как единственный вариант её реализации.

(3) Описание без учёта её богатого прагматического потенциала. При описании акцент делается на обиходном общении или только на ответных репликах диалогического единства, а факт того, что она, с точки зрения функционирования, очень частотна, не учитывается, что ограничивает возможность её полноценного описания.

(4) Модальные реализации рассматриваемой единицы трактуются неоднозначно. Например, иногда она определяется открытым, иногда закрытым списком эмоций; в одних источниках сообщается, что она употребляется при выражении удивления, в других — восторга.

В этой связи **цель** исследования заключается в оптимизации методики преподавания русского языка как иностранного. На наш взгляд, для полноценного описания языковой единицы она должна быть рассмотрена двояко: как междометное предложение-высказывание и как междометная конструкция-высказывание. В данной статье основной акцент делается на первом типе употребления, то есть анализируется функционирование исследуемого элемента в качестве немеждометного высказывания.

Теоретической базой исследования послужили работы Е. А. Брызгуновой и Ф. И. Панкова о полифункциональности, полифункциональных словах и высказываниях.

Обсуждение. Устные высказывания, имеющие, в зависимости от интонации и смысловых связей в контексте, разные значения, и слова, реализующиеся в составе этих высказываний одним из своих лексико-семантических вариантов (далее ЛСВ), обычно называются полифункциональными [Брызгунова 1997: 882, 888]. Примером полифункционального высказывания может служить *вот это да*, которое в зависимости от интонации и смысловых связей в контексте способно выражать разные значения. Выявить его богатый семантический потенциал и найти соответствующие китайские эквиваленты в целях оптимизации методики преподавания русского языка как иностранного — задача настоящей статьи.

Полифункциональное высказывание *вот это да* содержит три словоформы, потенциально реализующие следующие ЛСВ: 1) *вот₁*: частица со значением указательности; 2) *вот₂*: частица со значением противопоставления; 3) *вот₃*: частица со значением выделения, подчеркивания; 4) *вот₄*: частица, выполняющая местоименную функцию; 5) *вот₅*: полифункциональная частица¹; 6) *это₁*: местоименное существительное; 7) *это₂*: полифункциональная частица; 8) *да₁*: частица со значением (усиленного) утверждения; 9) *да₂*: частица со значением (усиленной) положительной оценки; 10) *да₃*: полифункциональная частица.

Полифункциональное высказывание *вот это да* способно выступать в качестве междоментного и немеждоментного. Для иллюстрации данного тезиса рассмотрим такой диалог: — *Изменились цены. — Вот это — да. (Но это же не радужные перспективы. Качество жизни не изменилось.)* [Евгений Шабашов. Павел Минакир: Россия не развивает Дальний Восток! // «Владивосток», 2003.09.29]. Проанализируем конкретные реализации этого диалогического единства (1–4), семантику полифункционального высказывания *вот это да* и его китайские эквиваленты. Напомним, что первую реплику диалога принято называть репликой-стимулом, а вторую — репликой-реакцией.

Так, в примере (1) полифункциональное высказывание *вот это да* в реплике-реакции выражает согласие, утверждение, подтверждение мнения собеседника²: (1) — *Изменились цены. — Вот э³то / — да¹.*

ИК-2 подчёркивает усиленное утверждение, согласие с мнением собеседника, выраженным в реплике-стимуле: (2) — *Изменились цены. — Вот э³то / — да²!*

Односинтагменная реплика-реакция с увеличением длительности гласного центра выражает удивление, изумление: (3) — *Изменились цены. — Вот это — да²!*

Таблица 2. Китайский эквивалент *вот это да* (2)

	1 — первый компонент высказывания	2 — второй компонент высказывания	3 — третий компонент высказывания
1	价格	确实	变了。
2	Jiàgé	quèshí	biàn le.
3	Цены	действительно	изменились.

ИК-4 с нисходяще-восходящим движением тона способна передать сожаление, досаду, недовольство и др. негативные эмоции: (4) — *Изменились цены. — Вот это — да⁴!*

Реплика-реакция в (1) представляет собой нейтральное сообщение, здесь *вот это да* — сочетание указательной частицы *вот₁*, местоименного существительного *это₁* и частицы *да₁* со значением утверждения. С помощью актуального членения выделяется более важная информация, фокус ремы произносится нисходящим тоном (в данной ситуации используется ИК-1). Синонимичные высказывания: *Вот это я зна¹ю, Вот это я заме¹тила, Цены изменились, Да², / цены изменились* и др. Пожалуй, самым близким синонимом является высказывание *Цены изменились*. Китайским эквивалентом этого аналога является 价格变了. См. таблицу 1.³

Таблица 1. Китайский эквивалент *вот это да* (1)

	1 — первый компонент высказывания ⁴	2 — второй компонент высказывания
1	价格	变了。
2	Jiàgé	biàn le.
3	Цены	изменились.

Семантически близкой по отношению к реплике-реакции в (1) является реплика-реакция в (2) — сочетание указательной частицы *вот₁*, местоименного существительного *это₁* и частицы *да₁* со значением усиленного утверждения. С помощью актуального членения выделяется более важная информация, фокус ремы произносится нисходящим тоном (в данной ситуации используется ИК-2). Синонимичные высказывания: *Вот это я зна²ю!, Вот это я заме²тила!, Цены изменились!, Да², цены изменились!* и др. Пожалуй, самым близким синонимом является высказывание *Цены изменились!* Китайским эквивалентом этого аналога является 价格确实变了. См. таблицу 2.

Ниже в примерах (3) и (4) показано, что сочетание *вот с это* и *да* функционирует как междоментное высказывание, включающее в свой состав полифункциональные частицы *вот₅*, *это₂* и *да₃*.

В (3) с помощью контекста и ИК-2 с увеличением длительности гласного центра в реплике-реакции выражено чувство неожиданности разной степени (удивление, изумление и др.), удивление и изумление в китайском языке могут выражаться междометиями 啊 (*ā*), 哎 (*āi*), 嚯 (*huò*) и др.

В примере (4) с помощью контекста и ИК-4 в реплике-реакции выражен один из видов эмоций: сожаление, досада, недовольство и др., которые могут выражаться также междометиями в китайском языке⁵: сожаление: 哎呀 (*āiyā*), 哎哟 (*āiyō*) и др.; досада: 哎 (*āi*) и др.; недовольство: 吓 (*hè*), 哎 (*āi*) и др.

И, соответственно, эквивалентами реплики-реакции в (3) в китайском языке являются 啊 (*ā*), 哎 (*āi*), 嚯 (*huò*) и др., эквивалентами реплики-реакции в (4) в китайском языке являются 哎呀 (*āiyā*), 哎哟 (*āiyō*), 哎 (*āi*), 吓 (*hè*), 哎 (*āi*) и др.

Как мы видим, с помощью интонационных средств и контекста мы можем разграничить значения междометных и немеждометных высказываний с единым лексико-грамматическим составом, о котором шла речь в [Панков 2013, 2016, 2018], а в вышеприведённых примерах роль интонационных средств усиливается.

В качестве немеждометного высказывания единица *вот это да* кроме реакции на сообщение (как в вышеприведённых примерах) может употребляться также как ответ на вопрос.

Рассмотрим ситуацию: девушка спрашивает мнение подруги, выбирая галстук для своего парня. В предлагаемой ситуации возможны четыре типа контекста и восемь диалогических единств.

1. Перед подругой только один галстук. Высказывание *вот это да* в этом случае может употребляться как ответ на частный вопрос:

(1) Девушка: — *Это ка²к?* Её подруга: — **Вот э³то / да¹** (положительная оценка).

(2) Девушка: — *Это ка²к?* Её подруга: — **Вот э³то / да²!** (усиленная положительная оценка).

2. Перед подругой только один галстук. Высказывание *вот это да* в этом случае может употребляться как ответ на общий вопрос:

(3) Девушка: — *Это подо³дит?* Её подруга: — **Вот э³то / да¹** (утверждение).

(4) Девушка: — *Это подо³дит?* Её подруга: — **Вот э³то / да²!** (усиленное утверждение).

3. Девушка показала подруге два галстука подряд, подруга выбрала второй⁶. Высказывание *вот это да* в этом случае может употребляться как ответ на частный вопрос:

(5) (Девушка: — *Это ка²к?* Её подруга: — *Не о¹чень.*) Девушка: — *А э⁴то?* Её подруга: — **Вот э²то да!** (противопоставление: тот не очень, а этот подходит).

(6) (Девушка: — *Это ка²к?* Её подруга: — *Не о¹чень.*) Девушка: — *А э⁴то?* Её подруга: — **Вот это да²!** (противопоставление: тот не очень, а этот подходит).

4. Девушка показала подруге несколько галстуков одновременно, она выбрала один из них. Высказывание *вот это да* в этом случае может употребляться как ответ на частный вопрос:

(7) Девушка: — *Како²й подходит?* Подруга: — **Вот это да!** (выделение, подчеркивание: именно этот).

(8) Девушка: — *Како²й подходит?* Подруга: — **Вот э²то да!** (выделение, подчеркивание: именно этот галстук).

Реплика-реакция в (1) представляет собой нейтральное сообщение, в её составе содержатся *вот₁* (частица со значением указательности), *это₁* (местоименное существительное), *да₂⁷* (частица со значением положительной оценки). С помощью актуального членения выделяется более важная информация, фокус ремы *да* произносится нисходящим тоном (в данной ситуации используется ИК-1). Синонимичные высказывания: *Подо³дит; Этот галстук / подо¹дит* и др. Пожалуй, самым близким синонимом является высказывание *Этот*

Таблица 3. Китайский эквивалент *вот это да* (3)

	1 — первый компонент высказывания	2 — второй компонент высказывания	3 — третий компонент высказывания	4 — четвертый компонент высказывания
1	这	条	领带	合适。
2	Zhè	tiáo	lǐngdài	héshì.
3	Этот	счетное слово	галстук	подходит.

Таблица 4. Китайский эквивалент *вот это да* (4)

	1 — первый компонент высказывания	2 — второй компонент высказывания	3 — третий компонент высказывания	3 — четвертый компонент высказывания	5 — пятый компонент высказывания
1	这	条	领带	非常	合适。
2	Zhè	tiáo	lǐngdài	fēicháng	hésì.
3	Этот	<i>счетное слово</i>	галстук	очень	подходит.

Таблица 5. Китайский эквивалент *вот это да* (5)

	1 — первый компонент высказывания	2 — второй компонент высказывания	3 — третий компонент высказывания	4 — четвертый компонент высказывания
1	这	条	领带	合适。
2	Zhè	tiáo	lǐngdài	hésì.
3	Этот	<i>счетное слово</i>	галстук	подходит.

га³лстук / подхо¹дит. Китайским эквивалентом этого аналога является *这条领带合适*. См. таблицу 3.

Семантически близким по отношению к реплике-реакции в (1) является реплика-реакция в (2), в её составе содержатся *вот₁* (частица со значением указательности), *это₁* (местоименное существительное), *да₂* (частица со значением усиленной положительной оценки). С помощью актуального членения выделяется более важная информация, фокус ремы *да* произносится нисходящим тоном (в данной ситуации используется ИК-2). Синонимичные высказывания: *Очень подходит!*; *Этот га³лстук / о²чень подходит!* и др. Пожалуй, самым близким синонимом является высказывание *Этот га³лстук / о²чень подходит!* Китайским эквивалентом этого аналога является *这条领带非常合适*. См. таблицу 4.

Реплика-реакция в (3) представляет собой нейтральное сообщение, в её составе содержатся *вот₁* (частица со значением указательности), *это₁* (местоименное существительное), *да₁* (частица со значением утверждения). С помощью актуального членения выделяется более важная информация, фокус ремы *да* произносится нисходящим тоном (в данной ситуации используется ИК-1). Синонимичные высказывания: *Да!*; *Подхо¹дит!*; *Да!*, / *подхо¹дит!*; *Этот галстук подхо¹дит*. По-

жалуй, самым близким синонимом является высказывание *Этот галстук подхо¹дит*. Китайским эквивалентом этого аналога является *这条领带合适*. См. таблицу 5.

Семантически близким по отношению к реплике-реакции в (3) является реплика-реакция в (4), в её составе содержатся *вот₁* (частица со значением указательности), *это₁* (местоименное существительное), *да₁* (частица со значением усиленного утверждения). С помощью актуального членения выделяется более важная информация, фокус ремы *да* произносится нисходящим тоном (в данной ситуации используется ИК-2). Синонимичные высказывания: *Конечно!*; *Безусловно!*; *Этот га³лстук / конечно подходит!* и др. Пожалуй, самым близким синонимом является высказывание *Этот га³лстук / конечно подходит!* Китайским эквивалентом этого аналога является *这条领带当然合适*. См. таблицу 6.

Реплика-реакция⁸ в (5) содержит *вот₂* (частица со значением противопоставления), *это₁* (местоименное существительное), *да₂* (частица со значением положительной оценки). С помощью актуального членения выделяется более важная информация, фокус ремы *это* произносится нисходящим тоном (в данной ситуации используется ИК-2). Синонимичное высказывание: *А этот га²л-*

Таблица 6. Китайский эквивалент *вот это да* (6)

	1 - первый компонент высказывания	2 - второй компонент высказывания	3 - третий компонент высказывания	4 - четвертый компонент высказывания	5 - пятый компонент высказывания
1	这	条	领带	当然	合适。
2	Zhè	tiáo	lǐngdài	dāngrán	hésì.
3	Этот	<i>счетное слово</i>	галстук	конечно	подходит.

Таблица 7. Китайский эквивалент *вот это да* (7)

	1 — первый компонент высказывания	2 — второй компонент высказывания	3 — третий компонент высказывания	4 — четвертый компонент высказывания	5 — пятый компонент высказывания
1	而	这	条	领带	合适。
2	Èr	zhè	tiáo	lǐngdài	hèshì.
3	A	этот	счетное слово	галстук	подходит.

Таблица 8. Китайский эквивалент *вот это да* (8)

	1 — первый компонент высказывания	2 — второй компонент высказывания	3 — третий компонент высказывания	4 — четвертый компонент высказывания	5 — пятый компонент высказывания
1	而	这	条	领带	合适。
2	Èr	zhè	tiáo	lǐngdài	hèshì.
3	A	этот	счетное слово	галстук	подходит.

стук подходит! Китайским эквивалентом этого аналога является 而这条领带合适⁹. См. таблицу 7.

Реплика-реакция в (6) содержит *вот₂* (частица со значением противопоставления), *это₁* (местоименное существительное), *да₂* (частица со значением положительной оценки). С помощью актуального членения выделяется более важная информация, фокус ремы *да* произносится нисходящим тоном (в данной ситуации используется ИК-2). Синонимичное высказывание: *А этот галстук подходит!* Китайским эквивалентом этого аналога является 而这条领带合适. См. таблицу 8.

В реплике-реакции в (7) содержатся *вот₄* (частица, выполняющая местоименную функцию), *это₁* (местоименное существительное), *да₂* (частица со значением положительной оценки). С помощью актуального членения выделяется более важная информация, фокус ремы *вот* произносится нисходящим тоном (в данной ситуации используется ИК-2). Синонимичное высказывание: *Этот, / э́тот гал-*

стук подходит! Китайским эквивалентом этого аналога является 这条, 这条领带合适. См. таблицу 9.

Реплика-реакция в (8) содержит *вот₃* (частица со значением выделения, подчеркивания), *это₁* (местоименное существительное), *да₂* (частица со значением положительной оценки). С помощью актуального членения выделяется более важная информация, фокус ремы *это* произносится нисходящим тоном (в данной ситуации используется ИК-2). Синонимичное высказывание: *Именно э́тот галстук подходит.* Китайским эквивалентом этого аналога является 正是这条领带合适. См. таблицу 10.

Рассмотренные примеры показали, что, когда единица *вот это да* функционирует в качестве междометного высказывания, она является двусоставным предложением, состоящим из подлежащего (*вот это*) и сказуемого (*да*). Кроме того, *вот это да* может употребляться для противопоставления, но при этом она не самостоятельно образует высказывание, а выполняет в предложении функцию

Таблица 9. Китайский эквивалент *вот это да* (9)

	1 — первый компонент высказывания	2 — второй компонент высказывания	3 — третий компонент высказывания	4 — четвертый компонент высказывания	5 — пятый компонент высказывания	6 — шестой компонент высказывания
1	这	条,	这	条	领带	合适。
2	Zhè	tiáo,	zhè	tiáo	lǐngdài	hèshì.
3	Этот	счетное слово,	этот	счетное слово	галстук	подходит.

Таблица 10. Китайский эквивалент *вот это да* (10)

	1 — первый компонент высказывания	2 — второй компонент высказывания	3 — третий компонент высказывания	4 — четвертый компонент высказывания	5 — пятый компонент высказывания	6 — шестой компонент высказывания
1	正	是	这	条	领带	合适。
2	Zhèng	shì	zhè	tiáo	lǐngdài	hèshì.
3	Именно	есть	этот	счетное слово	галстук	подходит.

Таблица 11. Китайский эквивалент *А солнце — вот это да*

	1 — первый компонент высказывания	2 — второй компонент высказывания	3 — третий компонент высказывания	4 — четвертый компонент высказывания	5 — пятый компонент высказывания	6 — шестой компонент высказывания	7 — седьмой компонент высказывания	8 — восьмой компонент высказывания	9 — девятый компонент высказывания
1	而	太阳	就	是	另外	一	回	事	了。
2	Er	tàiyáng	jiù	shì	lìngwài	yì	huí	shì	le.
3	А	солнце	уже	есть	другое	одно	счётное слово	дело	вспомогательное слово.

сказуемого, см. пример из Национального корпуса русского языка:

(1) *И мы на нее, на луну, еще насмотримся. А со³лнце / — вот это да¹. Чем его заменишь? Что противопоставишь ему?* [В.Д. Алейников. Тадзимас (2002)] (противопоставление)

В примере (1) единица *вот это да* — сочетание полифункциональных частиц *вот₃*, *это₂* и *да₃*, с помощью актуального членения она выделяется в качестве более важной информации высказывания

и может произноситься нисходящим тоном (в данной ситуации используется ИК-1), под ней понимается уже другое дело, синонимичное высказывание: *А со³лнце / — уже другое де¹ло*. Китайским эквивалентом этого аналога является 而太阳就是另外一回事了. См. таблицу 11.

Результат нашего анализа может быть представлен наглядно в трёх таблицах: 1) ЛСВ полифункциональных слов *вот*, *это*, *да* в *вот это да* в каждом примере; 2) значение *вот это да* в каж-

Таблица 12. ЛСВ полифункциональных слов *вот*, *это*, *да* в *вот это да* в каждом примере¹⁰

Употребление <i>вот это да</i> в качестве отдельного высказывания												
	Реплика-стимул	Реплика-реакция	вот ₁	вот ₂	вот ₃	вот ₄	вот ₅	это ₁	это ₂	да ₁	да ₂	да ₃
1	- Измени ¹ лись цены.	- Вот э³то / - да¹.	+					+		+		
2	- Измени ¹ лись цены.	- Вот э³то / - да²!	+					+		+		
3	- Измени ¹ лись цены.	- Вот это - да²!					+		+			+
4	- Измени ¹ лись цены.	- Вот это - да¹!					+		+			+
5	- Это ка ² к?	- Вот э³то / да¹.	+					+			+	
6	- Это ка ² к?	- Вот э³то / да²!	+					+			+	
7	- Это подхо ³ дит?	- Вот э³то / да¹.	+					+		+		
8	- Это подхо ³ дит?	- Вот э³то / да²!	+					+		+		
9	(- Это ка ² к? - Не о ¹ чень.) - А э ⁴ то?	- Вот э³то да!		+				+			+	
10	(- Это ка ² к? - Не о ¹ чень.) - А э ⁴ то?	- Вот это да²!		+				+			+	
11	- Како ² й подходит?	- Вот это да!				+		+			+	
12	- Како ² й подходит?	- Вот э²то да!			+			+			+	
Употребление <i>вот это да</i> в составе высказывания												
13	<i>И мы на нее, на луну, еще насмотримся. А со³лнце / - вот это да¹. Чем его заменишь? Что противопоставишь ему?</i> [В.Д. Алейников. Тадзимас (2002)]						+		+			+

Таблица 13. Значение *вот это да* в каждом примере

Употребление <i>вот это да</i> в качестве отдельного высказывания			
	Реплика-стимул	Реплика-реакция	Значение
1	— <i>Измени¹лись цены.</i>	— <i>Вот э³то / — да¹.</i>	согласие, утверждение, подтверждение мнения собеседника
2	— <i>Измени¹лись цены.</i>	— <i>Вот э³то / — да²!</i>	усиленное утверждение, согласие с мнением собеседника
3	— <i>Измени¹лись цены.</i>	— <i>Вот это — да²!</i>	удивление, изумление и др.
4	— <i>Измени¹лись цены.</i>	— <i>Вот это — да¹!</i>	сожаление, досада, недовольство и др.
5	— <i>Это ка²к?</i>	— <i>Вот э³то / да¹.</i>	положительная оценка
6	— <i>Это ка²к?</i>	— <i>Вот э³то / да²!</i>	усиленная положительная оценка
7	— <i>Это подхо³дит?</i>	— <i>Вот э³то / да¹.</i>	утверждение
8	— <i>Это подхо³дит?</i>	— <i>Вот э³то / да²!</i>	усиленное утверждение
9	(— <i>Это ка²к? — Не о¹чень.</i>) — <i>А э⁴то?</i>	— <i>Вот э³то да!</i>	противопоставление: тот не очень, а этот подходит
10	(— <i>Это ка²к? — Не о¹чень.</i>) — <i>А э⁴то?</i>	— <i>Вот это да²!</i>	противопоставление: тот не очень, а этот подходит
11	— <i>Како²й подходит?</i>	— <i>Во²т это да!</i>	выделение, подчеркивание: именно этот
12	— <i>Како²й подходит?</i>	— <i>Вот э³то да!</i>	выделение, подчеркивание: именно этот галстук
Употребление <i>вот это да</i> в составе высказывания			
	Пример	Значение	
13	<i>И мы на нее, на луну, еще посмотримся. А со³лнце / — вот это да¹. Чем его заменишь? Что противопоставишь ему?</i> [В.Д. Алейников. Тадзимас (2002)]	противопоставление	

Таблица 14. Китайский эквивалент *вот это да* в каждом примере

Употребление <i>вот это да</i> в качестве отдельного высказывания			
	Реплика-стимул	Реплика-реакция	Китайский эквивалент
1	— <i>Измени¹лись цены.</i>	— <i>Вот э³то / — да¹.</i>	价格变了。
2	— <i>Измени¹лись цены.</i>	— <i>Вот э³то / — да²!</i>	价格确实变了。
3	— <i>Измени¹лись цены.</i>	— <i>Вот это — да²!</i>	啊, 哎, 嚯 и др.
4	— <i>Измени¹лись цены.</i>	— <i>Вот это — да¹!</i>	哎呀, 哎哟, 噫, 吓, 哎 и др.
5	— <i>Это ка²к?</i>	— <i>Вот э³то / да¹.</i>	这条领带合适。
6	— <i>Это ка²к?</i>	— <i>Вот э³то / да²!</i>	这条领带非常合适。
7	— <i>Это подхо³дит?</i>	— <i>Вот э³то / да¹.</i>	这条领带合适。
8	— <i>Это подхо³дит?</i>	— <i>Вот э³то / да²!</i>	这条领带当然合适。
9	(— <i>Это ка²к? — Не о¹чень.</i>) — <i>А э⁴то?</i>	— <i>Вот э³то да!</i>	而这条领带合适。
10	(— <i>Это ка²к? — Не о¹чень.</i>) — <i>А э⁴то?</i>	— <i>Вот это да²!</i>	而这条领带合适。
11	— <i>Како²й подходит?</i>	— <i>Во²т это да!</i>	这条, 这条领带合适。
12	— <i>Како²й подходит?</i>	— <i>Вот э³то да!</i>	正是这条领带合适。
Употребление <i>вот это да</i> в составе высказывания			
13	<i>И мы на нее, на луну, еще посмотримся. А со³лнце / — вот это да¹. Чем его заменишь? Что противопоставишь ему?</i> [В.Д. Алейников. Тадзимас (2002)]	就是另外一回事了	

дом примере; 3) китайский эквивалент *вот это да* в каждом примере.

В данной работе рассмотрен только такой ЛСВ $да_2$, как *подходить* (в форме *подходит*), результат анализа аналогичен другим эквивалентам $да_2$: *хорошо, правильно* и др.

Итоги. Таким образом, в статье многогранно и всесторонне рассмотрена единица *вот это да*. Основное внимание здесь уделено её функционированию в качестве немеждоментного высказывания (реакция на сообщение и ответ на вопрос), в результате анализа выявлен её богатый семантический, коммуникативный и прагматический потенциал. Рассмотрены также случаи её употребления в предложении в качестве сказуемого. При этом соотношение между единицей *вот это да* и её китайскими эквивалентами основывается на структурном строении (соотношение высказывания с предложением). Функционирование *вот это да* в качестве междоментного высказывания и выявление его китайских эквивалентов имеют определённую специфику, поэтому эту не менее важную проблему детально рассмотрим в следующей статье.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сочетание полифункциональных частиц $вот_3$, $это_2$ и $да_3$ вместе функционирует в качестве междоментного высказывания с разными значениями или употребляется в предложении в качестве сказуемого, об этом пойдёт речь далее.

² Все диалогические единства сопровождаются интонационной транскрипцией в соответствии с концепцией Е.А. Брызгуновой [Брызгунова 1982, 1997].

³ Для объяснения китайского эквивалента используется калька — дословный перевод, который наглядно показывает специфику китайского предложения. По горизонтали даётся следующая информация: китайский эквивалент русского предложения (иероглифы в современном начертании, принятом в печати КНР); транскрипция китайского эквивалента на латинской основе; дословный перевод китайского эквивалента на русский язык. По вертикали показано, как китайское предложение соотносится с русским (1 — первый компонент высказывания, 2 — второй компонент высказывания и т. д.). Лексика, не имеющая соответствий в русском языке, в переводе снабжается курсивным толкованием. Для того чтобы показать соотношение между русским и китайским предложениями, эквивалент даётся при сохранении порядка подачи информации *вот это да*. Останавливаться на других возможных эквивалентах подробно здесь не будем.

⁴ Высказывание в русской терминологии является речевой единицей, которая соотносится с предложением как единицей языка.

⁵ Отмечаем, что не все эмоции, выраженные русскими междометиями, могут выражаться китайскими междометиями.

⁶ Здесь количество показанных галстуков неважно. Важно, что галстуки показаны подряд, и девушка выбрала последний.

⁷ $Да_2$ в зависимости от ситуации по значению равна разным словам: *хорошо, подходит* (в формах типа *кому подходит, кому подошло*), *правильно* и др., и, соответственно, их буквальные переводы являются эквивалентами $да_2$ в китайском языке. Для удобства описания в предложенной нами ситуации мы рассматриваем только один вариант: *подходит* (перевод на китайский язык: 合适 (hèshì)).

⁸ Диалогическое единство в скобках не учитывается.

⁹ Одинарной подчеркивающей линией отмечаем информационный фокус в китайском предложении (например *这条领带*).

¹⁰ Примечание: 1) $вот_1$: частица со значением указательности; 2) $вот_2$: частица со значением противопоставления; 3) $вот_3$: частица со значением выделения, подчеркивания; 4) $вот_4$: частица, выполняющая местоименную функцию; 5) $вот_5$: полифункциональная частица; 6) $это_1$: местоименное существительное; 7) $это_2$: полифункциональная частица; 8) $да_1$: частица со значением (усиленного) утверждения; 9) $да_2$: частица со значением (усиленной) положительной оценки; 10) $да_3$: полифункциональная частица.

ИСТОЧНИКИ

НКРЯ — Национальный корпус русского языка — <https://ruscorpora.ru/>

ЛИТЕРАТУРА

Брызгунова 1982 — Брызгунова Е. А. *Вводный фонетико-разговорный курс русского языка: Для нефилологов*. М.: Русский язык, 1982. 158 с.

Брызгунова 1997 — Брызгунова Е. А. Интонация и значение высказывания. В кн.: *Современный русский язык*. Белшапкова В. А. (ред.). М.: Азбуковник, 1997. С. 880–902.

Панков 2013 — Панков Ф. И. К вопросу о полифункциональности языковых единиц. В сб.: *Язык, сознание, коммуникация*. Ремнёва М. Л., Бархударова Е. Л., Изотов А. И., Красных В. В., Панков Ф. И. (ред. кол.). Вып. 47. М.: МАКС Пресс, 2013. С. 450–463.

Панков 2016 — Панков Ф. И. Полифункциональность русских лексических единиц в устной речи (на материале слова *ещё*). В сб.: *Динамика языковых и культурных процессов в современной России [Электронный ресурс]*. Вып. 5: Материалы V Конгресса РОПРЯЛ (г. Казань, 4–8 октября 2016 года). СПб.: РОПРЯЛ, 2016. С. 434–439.

Панков 2018 — Панков Ф. И. Полифункциональные слова. В кн.: *Книга о грамматике. Для преподавателей русского языка как иностранного*. Величко А. В. (ред.). СПб.: Златоуст, 2018. С. 184–200.

SOURCES

НКРЯ — National corpus of the Russian language — <https://ruscorpora.ru/> (In Russian)

REFERENCES

Брызгунова 1982 — Bryzgunova E. A. *Introductory phonetic-conversational course of the Russian language: For non-philologists*. Moscow: Russkii iazyk Publ., 1982. 158 p. (In Russian)

Брызгунова 1997 — Bryzgunova E. A. Intonation and meaning of an utterance. In: *Sovremenniy russkii iazyk*. Moscow: Azbukovnik Publ., 1997. P. 880–902. (In Russian)

Панков 2013 — Pankov F.I. More on multifunctional linguistic units. In: *Iazyk, soznanie, kommunikatsiia*. Moscow: MAKS Press Publ., 2013. P. 450–463. (In Russian)

Панков 2016 — Pankov F.I. Multifunctionality of Russian lexical units in oral speech (based on the word *ещё*). In: *Dinamika iazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoi Rossii [Elektronnyi resurs]*. Saint Petersburg: ROPRIaL Publ., 2016. P. 434–439. (In Russian)

Панков 2018 — Pankov F. I. Multifunctional words. In: *Kniga o grammatike. Dlia prepodavatelei russkogo iazyka kak inostrannogo*. Saint Petersburg: Zlatoust Publ., 2018. P. 184–200. (In Russian)

[хроника]

I Международная научно-практическая конференция «Русский мир Азии» в Северо-Восточном федеральном университете имени М.К. Аммосова

10-12 июня 2022 г. в г. Якутске по инициативе кафедры русского языка как иностранного Филологический факультет провел I Международную научно-практическую конференцию «Русский мир Азии», посвященную 100-летию Якутской Автономной Советской Социалистической Республики. Данная конференция прошла под эгидой II Всероссийского форума «Университеты и развитие геостратегических территорий России. Роль университетов в обеспечении территориальной связанности России в меняющемся мире». Почетными гостями конференции стали Брунова Н. В., Генеральный секретарь МАПРЯЛ, Исполнительный Директор РОПРЯЛ; Коротышев А.В., канд. пед. наук., директор Секретариата РОПРЯЛ и МАПРЯЛ, проректор по международной деятельности и интернационализации РГПУ им. А.И.Герцена; Кузнецов С.А., профессор, Директор Центра коммуникативных компетенций, заместитель директора НИИ проблем государственного языка СПбГУ, вице-президент РОПРЯЛ, МАПРЯЛ; Дроздова О.Е., д-р. пед. наук, доцент, завлабораторией междисциплинарных исследований МПГУ.

Активное участие в работе конференции приняли русисты из Киргизии, Казахстана, Таджикистана, Узбекистана, а также из российских вузов: МГУ им. М.В. Ломоносова, Южного федерального университета, СПбГУ, МПГУ

Среди целей конференции были разработка совместных образовательных проектов, в том числе программ профессиональной подготовки по направлениям бакалавриата и магистратуры; поиски, изучение и продвижение лучших практик в области методики преподавания РКИ; развитие практико-ориентированного диалога преподавателей РКИ России и азиатских стран СНГ; укрепление внешних связей между русистами России и азиатских стран ближнего и дальнего зарубежья. В рамках конференции работали 6 секций. В докладах участников конференции раскрывались различные аспекты многоликого русского языка в поликультурном пространстве Республики Саха (Якутия), русской литературы на северо-востоке России с XIX в. до современности, цифровой ойкумены в обучении русскому языку как иностранного в СВФУ, современных под-

ходов к методике преподавания русского языка и литературы в школах Республики Саха (Якутия) и странах СНГ, глобального киберпространства как принципиально новой среды, механизмов продвижения русского языка в Азии.

На открытии конференции с приветственным словом выступил ректор СВФУ А.Н. Николаев. Он отметил роль русского языка в современном информационном пространстве и необходимость его продвижения в странах ближнего и дальнего зарубежья. Активное участие во всех мероприятиях конференции приняли Крутских А. В., Спецпредставитель Президента РФ по вопросам международного сотрудничества в области информационной безопасности, Директор Департамента международной информационной безопасности МИД России и Мельникова О.А., начальник отдела Департамента международной информационной безопасности МИД РФ. В своих выступлениях они говорили о важности сохранения русского языка, который относится к числу основных объектов обеспечения информационной безопасности Российской Федерации.

Во время заседания «Круглого стола» «Русский язык: языковая ситуация в Республике Саха (Якутия) и странах ближнего зарубежья» выступили Ахметова Н.А., профессор из Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына; Журавлева Е. А., профессор Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилёва из Казахстана; Нагзибекова М.Б., профессор Таджикского национального университета, руководитель Русского центра ТНУ; Уринов А.А., проректор по международным отношениям и Косимов А.Р., стар. препод. кафедры русской филологии из Ферганского государственного университета Республики Узбекистан. Они поделились своими размышлениями о языковой ситуации в их республиках. Все участники Круглого стола отмечали роль русского языка как фактора духовного единения народов многонациональной России. В заключении принята резолюция конференции, участником которой выразили готовность совместных действий в продвижении русского языка как системообразующего интеграционного фактора в создания единого информационного пространства стран СНГ и Российской Федерации.

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ «ПРИБЛИЗИТЕЛЬНОГО ВОЗРАСТА» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ЭВФЕМИЗМЫ И АППРОКСИМАТОРЫ

TATIANA S. SADOVA, ZHANG WENZHE
WAYS OF EXPRESSING "APPROXIMATE AGE" IN RUSSIAN: EUPHEMISMS AND APPROXIMATORS

В статье рассматриваются языковые способы реализации категории аппроксимации при номинации приблизительного возраста человека. На основе данных Национального корпуса русского языка выявлены и наиболее типичные, и весьма оригинальные формы выражения семантики приблизительности при номинации возраста, употребляемые в русском художественном тексте XIX–XX вв. Описываются и систематизируются разноуровневые языковые средства выражения приблизительного возраста человека по ряду признаков: гендерному, возрастному, социальному и некоторым другим. Указываются устойчивые речевые формулы, весьма частотные в текстах русской художественной литературы («нежный возраст», «бальзаковский возраст», «зрелые лета» и др.), приводятся примеры как «частичной», так и «абсолютной» приблизительности при выражении возраста. Обращается внимание на «неопределенность» как частный случай аппроксимации при номинации возраста человека и её двоякую речевую интерпретацию в условиях художественного текста — как с положительной, так и негативной коннотацией. Анализируется зависимость использования конкретной формулы от прагматических характеристик речевой ситуации. В качестве примера рассматривается коммуникативная ситуация с отсутствующим и присутствующим объектом номинации. Манифестируется необходимость учитывать тип речевого общения (интервью, монолог, диалог и др.), культурно-исторический фон (актерская среда, повседневное общение, светский диалог XIX в. и др.), личность говорящего. Отмечается эвфемистическая функция большинства номинаций приблизительного возраста человека, указываются стилистически маркированные речевые формулы. Предпринимается попытка разграничить категории аппроксимации (как средство) и эвфемизации (как цель) применительно к конкретной речевой ситуации. Подчеркивается мотивированность большинства таких номинаций правилами культуры речевого поведения, принятыми в обществе в данное время и в данных социокультурных условиях.

Ключевые слова: аппроксимация, аппроксиматоры, номинация возраста, культура общения, русский речевой этикет.

The article discusses the linguistic ways of implementing the category of approximation in the nomination of the approximate age of a person. Based on the data of the National Corpus of the Russian Language, the authors reveal both the most typical and very original forms of expressing the semantics of approximation in the nomination of age, used in the Russian literary text of the 19th–20th centuries. Multi-level language means of expressing the approximate age of a person are described and systematized according to a number of characteristics: gender, age, social, and some others. Stable speech formulas are indicated, which are very frequent in the texts of Russian fiction (“tender age”, “Balzac age”, “mature years”, etc.), examples of both “partial” and “absolute” approximateness in expressing age are given. Attention is drawn to “uncertainty” as a special case of approximation in the nomination of a person’s age and its dual speech interpretation in terms of a literary text, both with positive and negative connotations.

**Татьяна Семеновна
Садова**

Доктор филологических наук, профессор
► tatsad_90@mail.ru

Чжан Вэньчжэ

Аспирант
► metlit@mail.ru

Санкт-Петербургский государственный
университет

199034 Санкт-Петербург,
Университетская наб., д. 11, к. 195

Tatiana S. Sadova,
文哲 *Zhang Wenzhe*
Saint Petersburg State University

Universitetskaya emb., 11,
St. Petersburg, 199034

The authors also analyze dependence of the use of a specific formula on the pragmatic characteristics of the speech situation, considering, for example, the communicative situation with the absent and present object of the nomination. The article shows a need to take into account the type of verbal communication (interview, monologue, dialogue, etc.), cultural and historical background (acting environment, everyday communication, secular dialogue of the 19th century, etc.), and the personality of the speaker. The euphemistic function of most nominations of the approximate age of a person is noted, stylistically marked speech formulas are indicated. The authors attempt to distinguish between the categories of approximation (as a means) and euphemization (as a goal) in relation to a specific speech situation. It is emphasized that the majority of such nominations are motivated by the rules of the culture of speech behavior accepted in society at a given time and in given sociocultural conditions.

Key words: approximation, approximators, nomination age, communication culture, Russian speech etiquette.

В хорошем обществе так принято — за чайным столом о возрасте не говорить

[Дон Аминадо. Поезд на третьем пути (1954)]¹.

Уходя от конкретики, женщина изобретает туманные иносказания: «цветущий возраст», «балзаковский возраст», «возраст элегантности» [Аркадий Инин. Женщина и возраст (1997)].

Введение. Общеизвестно, что правила культурного общения предписывают не интересоваться возрастом собеседника, тем более — женщины, если это, конечно, не официальная обстановка, при которой вопрос о возрасте имеет «документное» значение.

В русском языке существует множество способов непрямого номинации возраста человека, особенно «в тех случаях, когда точное название <...> является невозможным, нежелательным или неуместным», — пишет Н. А. Николина [Николина 2015: 71].

Очевидно, что «невозможность» часто связана, с тем, что говорящему может быть попросту не известен точный возраст собеседника. Малоинформированность нередко является веской причиной появления в тексте приблизительных номинаций [Бузаров 1991: 100]. В таких случаях вполне ожидаемо, например, использование конструкций с семантикой предположения, создающих коммуникативную ситуацию приблизительности (аппроксимации):

Сколько Вам лет? Года двадцать два, двадцать три, не больше [Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Пикник на обочине (1971)].

Специальные языковые средства выражения приблизительного возраста человека

Нередки и специальные синтаксические формулы со значением приблизительности, например, «чуть за + числительное в вин. п.» и др., а также сочетания числительных с наречиями этой же семантики (аппроксиматорами): *примерно, приблизительно, почти, около*:

Ему было что-то в районе семидесяти с лишним, ей примерно шестьдесят [Михаил Козаков. Актерская книга (1978–1995);

— *Что ты сравниваешь, твоей жене сколько лет тогда было? — Чуть за двадцать.* — *А Танюшке уже за тридцать* [Александра Маринина. Мужские игры (1997)].

Заметим, что в перечисленных примерах реализуется т.н. частичная приблизительность, поскольку указание на количество лет в этих случаях все же присутствует и выражается именем числительным, а специализированные синтаксические конструкции и специальные слова-аппроксиматоры (в нашем случае — наречия) выражают лишь границы допустимой «погрешности» при точно обозначенном количественном ориентире:

Одинокая женщина чуть за сорок, не важно — сколько этого чуть [Н. Б. Черных. Слабые и сильные // «Волга», 2015];

Андрею было приблизительно около тринадцати, а мне около десяти лет [Анна Ларина. Незабываемое (1986–1990)].

Интересна устойчивая конструкция «(ему / ей / тебе) не дашь N лет», употребляемая, по данным НКРЯ, с сер. XIX века, причем преимущественно по отношению к женщине. Эта формула выполняет явно комплиментарную прагматическую функцию в тексте, поскольку выражает «игровое» отрицание говорящим (наверняка) известного возраста собеседника (-цы). Однако по исходному значению и назначению она все же может быть отнесена к средствам выражения категории приблизительности, поскольку при нали-

чии точного указания на количество лет, обозначенное числительным, формула номинирует возраст не напрямую, а окольно, с ярко выраженной эвфемистической функцией:

На лицо ты никак не дашь ей более тридцати двух [В. В. Крестовский. Петербургские трущобы (1867)];

Люсе тоже уже больше сорока, но ей ни за что столько не дашь [В. Г. Распутин. Последний срок (1970)];

Вам на вид не дашь и шестнадцати [Саша Соколов. Школа для дураков (1976)].

Очевидно, что к разряду формул выражения возраста с «частичной» приблизительностью относятся такие, в которых употребляется числительное, потому что в них присутствует указание на количество лет, как бы «завуалированно» оно ни выражалось.

Другой тип аппроксимации, которую можно назвать «абсолютной приблизительностью», выражается, как правило, различными описательными конструкциями (без всякого присутствия числительных или количественных слов), опосредованно, косвенно указывающими на возраст человека. Это особый тип «приблизительных номинаций» [Сахно 1983: 31], многие из которых представляют собой результат метафорических и метонимических переносов:

Совершенно разучился говорить с девушками нежного возраста [Федор Чернин. Вячик Слонимиров и его путешествие в непонятное // «Звезда», 2002]; *Управляющий конторой А. Д. Киреев, человек зрелых лет, строгого, холодного вида, весьма образованный* [Д. В. Григорович. Литературные воспоминания. (1893)] и др.

Эвфемистическая функция конструкций аппроксимации

Интересны языковые способы выражения приблизительного возраста, вызванные, по словам Н. А. Николиной, причинами «нежелательности и неуместности» наименований [Николина 2015: 71], обозначающих точное количество лет.

Среди (соответственно) «желательных и уместных» номинаций безусловное первен-

ство принадлежит таким, которые подпадают под квалификацию эвфемистических, т. е. признанных более приличными, более «мягкими», более приемлемыми в конкретной речевой ситуации, чем прямые номинации.

Важно заметить, что в отличие от предыдущих форм выражения аппроксимации, эвфемистические наименования не только не «снижают с говорящего ответственности за точность вербализации некоего объекта» [Подлеская, Стародубцева 2013: 25], но напротив, налагают на него абсолютную ответственность, поскольку инициатива использования (/ выбора / создания) эвфемизма целиком принадлежит говорящему.

По данным нашего материала, наиболее частотная модель русских описательных конструкций, выражающих приблизительный возраст, представляет собой сочетание существительного (чаще — *возраст, летá, годы*) с прилагательным (в роли эпитета). Так, при слове «возраст» отмечено самое большое количество прилагательных, обозначающих приблизительное, но вполне устойчивое представление о количестве прожитых человеком лет. Многие из них безусловно выполняют эвфемистические функции: (*возраст*) *бальзаковский, добальзаковский, возмужалый, значительный, зрелый, красивый, мудрый, нежный, пенсионный, пожилой, почтенный, преклонный, солидный, пылкий, трудоспособный, цветущий, элегантный, яркий* и др. При этом очевидно, что эпитеты, типа «мудрый» и «солидный», как вторично мотивированные, возникли в результате действия метонимических механизмов в речи, а «цветущий» и «нежный» — метафорических. Некоторые из них имеют явную стилистическую маркированность, что весьма характерно для устойчивых формул любой тематики. Так, многие «возрастные формулы» с приблизительной семантикой (*пенсионный, подростковый, школьный, избирательный, предельный, трудоспособный + возраст*) наверняка переключались в художественные тексты из официально-делового стиля. Примечательно, что активная «кочевка» этих канцелярских выражений характерна для русской литературы

середины XX века, в период, когда «приблизительность» при указании возраста человека, как представляется, имела социально значимый признак.

Привлекают внимание контексты, демонстрирующие редкие, авторские эпитеты, часто окрашивающие все высказывание в ироничный тон, несмотря на свою изначально эвфемистическую функцию:

Не успел я отработать неделю — заявляется дама прискорбного возраста и начинает меня укорять за отвратительное качество нашей продукции [Анатолий Кириллин. Нулевой километр // «Сибирские огни», 2013].

Слово «годы» (в значении 'возраст') имеет сходные эпитеты, образно и не очень образно, но всегда уклончиво обозначающие различные периоды жизни человека: *зеленые, зрелые, преклонные, цветущие* и др.

Русской была и единственная женщина, к которой он в зрелые годы испытывал нечто похожее на влюбленность [М. А. Алданов. Истоки (1942–1946)].

Наиболее частотно употребление таких именных сочетаний в форме род. п. множ. ч. и в функции несогласованного определения при словах тематической группы «человек» при этом лексическая мена «годы» на «летá» — неизбежна: *Человек преклонных лет; женщина зрелых лет* и под. В этом случае состав эпитетов значительно сокращается: не фиксируются в НКРЯ и вряд ли возможны вовсе, например, сочетания **юноша пылких лет, *старик мудрых лет, *дама элегантных лет* и под.

Синонимичное слово «летá» сочетается преимущественно с прилагательным «почтенный», частотным, прежде всего, в художественных текстах XIX — нач. XX в.:

Одевался Степан Иваныч щегольски, хотя и носил долгополые сюртуки, и, несмотря на свои почтенные лета, любил покутить и покурслесить с женщинами [И. А. Салова. Паук // Отечественные записки», 1880].

Устаревшее устойчивое сочетание «в «летáх» ('немолодой'), весьма распространенное в XIX — нач. XX в., в современном русском

языке употребляется с явно ироничным оттенком, однако семантику приблизительности условно сохраняет:

Акаккий Акакиевич, как человек в летах, хотел попробовать в рукава [Н.В. Гоголь. Шинель (1842)];

Кинокритики в летах всегда толстые и ворчиливые, — замечает Хатиги [Юлия Идлис. Зло наступает постепенно // «Русский репортер», 2013].

В составе именного сочетания и в функции несогласованного определения прилагательное «почтенный» фиксируется и в более поздних произведениях русской литературы. Однако будучи сугубо книжного происхождения, к сер. XX в. и, тем более, в XXI в. оно прочно входит в разряд устаревшей лексики русского литературного языка², потому используется преимущественно в контекстах, стилистически ему соответствующих:

Дама почтенного возраста заволновалась: не то умиление, не то скрытая тщательность работы прояснила её черты [Андрей Белый. Петербург (1913–1914)].

Небеса меня баловали; до самых почтенных лет я не была обделена мужским вниманием, даже тогда, когда сама утратила интерес к романам и приключениям [Галина Шергова. Об известных всем (2002–2004)].

Прагматика конструкций со значением приблизительного возраста

В методике преподавания русского языка как иностранного чрезвычайно важно учитывать прагматические различия в речевых ситуациях, при которых используются «возрастные номинации» различного типа. Отметим, например, что многословные образные номинации эвфемистического характера с семантикой приблизительности появляются преимущественно в диалоге, причем как для указания на летá одного из собеседников (если об этом заходит разговор, несмотря на неписанные правила русского этикета), так и для описания возраста третьих лиц.

Как свидетельствует наш материал, отсутствующие лица, выступающие объектами «возрастной номинации», могут награждаться весьма

нелестными характеристиками непосредственными участником диалога, особенно если отсутствующий и говорящий — женщины. Мужчину чаще всего характеризуют частично аппроксимированной конструкцией, без отчетливо негативной оценки:

Все бабы поколения Анжелы это любят. А сколько ей лет? Судя по коже, ближе к сороковнику [Ольга Новикова. Каждый убивал // «Сибирские огни», 2012].

Да, помилуй, двадцать семь лет назад я играл с ним в бостон; он и тогда говорил, что ему за семьдесят! Сколько же ему лет? — Без малого сто [М. Н. Загоскин. Москва и москвичи (1842–1850)].

Очевидно, что существует некая закономерность в использовании того или иного способа эвфемистического указания на возраст, в том числе в связи с позицией присутствующего (в диалоге) говорящего, а именно — с позицией субъекта или объекта номинации. На выбор эвфемистического «возрастного наименования» существенным образом влияют и коммуникативные условия, при которых возникает необходимость говорить о возрасте человека (интервью, деловая встреча, анкетный опрос и др.).

Если участник диалога оказывается объектом «возрастной номинации» в обыденной ситуации, то её эвфемистический характер нередко достигает высокой степени эмоциональности: говорящий, как правило, использует такие речевые средства, которые смещают внимание с количества лет на образную характеристику возраста. Выражения, которые уклончиво, порой метафорично номинируют возраст, в текстах художественной литературы встречаются довольно часто, имея различные способы языкового оформления и яркие эвфемистические (реже — дисфемистические) функции:

Вы во цвете лет, как говорится; вы на виду [И. С. Тургенев. Холостяк (1849);

Вы молоды, как лето в июне [А. П. Чехов. Безотцовщина (1878)];

Переживая сумерки жизни, тот сатанинский возраст, когда бедное сердце ваше, обманутое лживым призраком юности, тешит себя иллюзией <...> [Объявления. «Русское слово», 1908].

Если участник диалога — субъект «возрастной номинации», т. е. говорящий сам характеризует (называет) свой возраст, то разнообразие речевых средств, используемых в таких случаях, может быть безграничным. По данным нашего материала, в художественном тексте субъект «возрастной номинации», как правило, придерживается тактики ухода от прямого указания на количество лет, применяя различные речевые способы, её (тактику) обеспечивающие. Активно используются, например, многословные описательные конструкции, фразеологические выражения, образные сравнения и др. В таких случаях, конечно, следует учитывать и социокультурные условия, в которых происходит диалог, и личность говорящего (см. пример с ответом Фаины Раневской):

— *Сколько лет тебе?*

— *Не так много, чтобы отказаться от глупостей, но уже достаточно, чтобы втихомолку становиться мудрым [Л. М. Леонов. Вор. (1927, 1959)];*

Собеседница спросила Фаину Георгиевну? «А сколько вам лет?». Раневская гордо и возмущенно ответила: «Об этом знает вся страна!» [Алексей Щеглов. Фаина Раневская: вся жизнь (2003)].

Семантические категории неопределенности и приблизительности в конструкциях со значением приблизительного возраста

К числу устойчивых выражений со значением приблизительности, но с известными оговорками, можно отнести словосочетание «(условно) человек неопределенного возраста», также довольно частотное в текстах русской литературы, причем применяемое исключительно для характеристики третьего лица.

Трудность отграничения категории неопределенности от категории приблизительности не раз подчеркивалась исследователями [Сахно 1983: 35; Дубовицкая 2006: 8; Васильева 2009: 30]. В нашем случае примечательно то, что местоимение «неопределенный», исходно заключающее в себе значение 'неизвестности' («Точно не установленный; Неотчётливо выраженный, неясный» [Кузнецов]), на первый взгляд, не обозначает количества вовсе, т. к. манифестирует «неопределенность» как абсолютный факт. Однако слово «возраст» с основ-

ным значением 'количество прожитых лет', напротив, актуализирует семантику количественности. В итоге мы получаем лексико-синтаксическую формулу для непрямого называния возраста, к тому же «подсказанного» контекстом. Таким образом, говоря в терминологии когнитивной лингвистики, «при аппроксимации более четким и структурированным оказывается фон, но не субъект называния» [Болдырев, Дубовицкая 2006: 56]:

В числе ближайших ко мне пассажиров, на скамье нискосок, сидел гладко выбритый, сутливый господин неопределенного возраста [А. Ф. Кони. Дело о подделке серий (1908)];

Это был человек неопределенного возраста, с чертами, привлекавшими невольное внимание [Короленко. Братья Мендель (1915)];

Мне отворила постная, неопределенного возраста, дама [С. Довлатов. Заповедник (1983)].

Интересно и то, что в рассмотренных контекстах в НКРЯ (более 132 вхождений) «человек неопределенного возраста» характеризуется двояко: «неопределенный возраст» может быть причиной положительной оценки человека, но чаще — негативной, что с логической точки зрения вполне объяснимо. «Неопределенность» как отрицание «ясности» порождает негативную коннотацию коммуникативной ситуации в целом: «неясность, трудноименуемость объекта гораздо легче отрицать, чем утверждать» [Сахно 1983: 35].

Заключение. Количественная аппроксимация как понятийная категория имеет множество языковых способов реализации — как специализированных, явных, так и продуцируемых языковой системой в связи с конкретной коммуникативной ситуацией [Адамович 2011: 4]. Таковыми являются и рассматриваемые в статье случаи непрямого номинирования возраста человека, которые, безусловно, фиксируют важнейшие принципы русского речевого этикета как культурного явления, с одной стороны, изменчивого, зависящего от множества социолингвистических факторов, с другой, — вполне состоявшегося и в ядерной своей основе константного. Описание формул «возрастной номинации» с учетом этих факторов и стало целью нашей статьи.

Очевидно, что формы и способы именованья возраста присутствующего и отсутствующего в разговоре лица значительно отличаются, причем эти отличия во многом зависят как от ролевых позиций собеседников, так и тех культурно-этикетных речевых правил, принятых в данном обществе, которые говорящие либо выполняют, либо игнорируют. Последний фактор нередко становится причиной появления ярких, весьма неожиданных выражений и высказываний эвфемистического и дисфемистического свойства. Об этом ясно свидетельствует та небольшая выборка в 200 контекстов из НКРЯ, первичному анализу которой посвящена наша статья.

Следует заметить, что в преподавании русского речевого этикета (особенно в иноязычной аудитории) важное значение имеет прагматический анализ конкретной коммуникативной ситуации, вскрывающий обусловленность выбора говорящим той или иной приблизительной «возрастной номинации». Ряд известных нам лингвистических работ, описывающих наименования возраста (причем — на сопоставительном языковом материале), к сожалению, почти не содержит необходимых в преподавании РКИ замечаний о речевой функции обозначающих приблизительный возраст номинаций [Митев 2012; Чупрына 2020], об их этикетной и культурно-речевой обусловленности, что составляло основную задачу (безусловно) начального этапа нашей работы. Полагаем, что предложенный в статье подход к рассмотрению способов выражения приблизительности при номинации возраста человека имеет как практические, так и теоретические перспективы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее: иллюстративный материал извлечен из основного подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ) // <https://ruscorpora.ru>

² Почтенный, -ого; м. Устар. Эй, п., где здесь аптека? (фамильярное обращение к мужчине [Кузнецов]).

ИСТОЧНИК

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [National corpus of the Russian language] [электронная версия] /<https://ruscorpora.ru>

ЛИТЕРАТУРА

Адамович 2011 — Адамович С.В. *Семантическая категория аппроксимации и система средств её выражения*. Гродно: Изд-во Гродненского государственного университета, 2011. 183 с.

Болдырев, Дубовицкая 2006 — Болдырев Н.Н., Дубовицкая Е.Ю. Когнитивный механизм формирования смысла «приблизительность». *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2006, (1): 55–60.

Бузаров 1991 — Бузаров В.В. Что такое аппроксимация в лингвистике. *Иностранные языки в школе*. 1991, (2): 100–102.

Васильева 2009 — Васильева Л.В. Категория аппроксимации и языковые способы ее реализации в новостном дискурсе. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2009, (38): 29–32.

Дубовицкая 2006 — Дубовицкая Е.Ю. *Категория аппроксимации в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук*. Тамбов, 2006. 182 с.

Митев 2012 — Митев Д. *Категория возраста в аспекте номинативной деятельности языка (на материале русского и болгарского языков)*. Велико Тырново: Фабер, 2012. 552 с.

Николина 2015 — Николина Н.А. Способы выражения количественной приблизительности в русском языке. *Русский язык в школе*. 2015, (1): 67–72.

Подлеская, Стародубцева 2013 — Подлеская В.И., Стародубцева А.В. О грамматике средств выражения нечеткой номинации в живой речи. *Вопросы языкознания*. 2013, (3): 25–41.

Сахно 1983 — Сахно С.Л. Приблизительное именование в естественном языке. *Вопросы языкознания*. 1983, (6): 29–36.

Чупрына 2020 — Чупрына О.Г. Особенности номинации по признаку *молодой — старый* в языке и дискурсе (на материале английского и русского языков). *Вестник Московского государственного областного университета*. 2020, (1): 130–137.

СЛОВАРИ

Кузнецов — Кузнецов С.А. *Большой толковый словарь русского языка* [электронная версия] / <https://gufo.me/dict/kuznetsov>

REFERENCES

Адамович 2011 — Adamovich S.V. The semantic category of approximation and the system of means of its expression. Grodno: House of Grodno State University Publ., 2011. 183 p. (In Russian).

Болдырев, Дубовицкая 2006 — Boldyrev N.N., Dubovitskaya E. Yu. The cognitive mechanism of the formation of the meaning «approximation». *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 2006, (1): 55–60. (In Russian).

Бузаров 1991 — Buzarov V.V. What is approximation in linguistics. *Inostrannyye yazyki v shkole*. 1991, (2): 100–102. (In Russian).

Васильева 2009 — Vasil'yeva L.V. The category of approximation and linguistic methods of its implementation

in news discourse. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2009, (38): 29–32. (In Russian).

Дубовицкая 2006 — Dubovitskaya E. Yu. *Approximation category in modern English: dissertation of the candidate of philological sciences*. Tambov, 2006. 182 p. (In Russian).

Митев 2012 — Mitev D. *Category of age in the aspect of the nominative activity of the language (based on the Russian and Bulgarian languages)*. 2012. 552 p. (In Russian).

Николина 2015 — Nikolina N.A. Ways of expressing quantitative approximation in Russian. *Russkiy yazyk v shkole*. 2015, (1): 67–72. (In Russian).

Подлеская, Стародубцева 2013 — Podlesskaya V.I., Starodubtseva A. V. On the grammar of means of expressing fuzzy nomination in living speech. *Voprosy yazykoznaniiya*. 2013, (3): 25–41. (In Russian).

Сахно 1983 — Sakhno S.L. Approximate naming in natural language. *Voprosy iazykoznaniiya*. 1983, (6): 29–36. (In Russian).

Чупрына 2020 — Chupryna O.G. Features of the nomination on the basis of *young — old* in language and discourse (on the material of English and Russian languages). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. 2020, (1): 130–137. (In Russian).

DICTIONARIES

Кузнецов — Kuznetsov S.A. Great Dictionary of Russian language [electronic version] / <https://gufo.me/dict/kuznetsov>

НАТИВНАЯ РЕКЛАМА В ЖАНРЕ СТАТЬИ В ИНТЕРНЕТ-СМИ

XU HANTI

NATIVE ADVERTISING IN THE GENRE OF ARTICLE IN ONLINE MEDIA

Данная работа посвящена анализу и выявлению речевых особенностей нативной рекламы в аналитическом жанре «статья» в интернет-изданиях «Коммерсантъ» и «Медуза» и их связей со стилиобразующей концепцией этих изданий.

В теоретической части статьи излагаются состояние изучения нативной рекламы как новой формы рекламы и стилиобразующая концепция СМИ. В аналитической части статьи сопоставляются: 1) стилиобразующая концепция «Коммерсанта» и «Медузы»; 2) статьи нативной рекламы, размещенные в двух изданиях. Рассматриваются содержательно-композиционные особенности, типичные функционально-смысловые единицы речи текстов нативной рекламы и их речевое воплощение.

Делается вывод о том, что, во-первых, основное различие стилиобразующей концепции двух изданий заключается в их экспрессивно-стилистической модели, в том числе в формах заголовка, дистанции между автором и читателем, в особенностях употребления речевых приемов и т. д. Во-вторых, композиция аналитических жанров текстов нативной рекламы в целом соответствуют композиции обычной газетной статьи, написанной в соответствии с определенной стилиобразующей концепцией того или иного издания, тем не менее, обладает и своеобразными особенностями рекламного текста, особенно в способе подачи рекламного содержания нативной рекламы. В-третьих, имеется вариативность речевого воплощения аналитических жанров нативной рекламы в разных интернет-изданиях. Так, например, отношения автора статьи нативной рекламы в «Медузе» с читателем ближе, чем в «Коммерсанте», что отражается в использовании определенных речевых приемов.

Тексты нативной рекламы в разных СМИ имеют как общие, так и оригинальные характеристики, которые адаптируются к стилиобразующей концепции той или иной площадки.

Ключевые слова: текст нативной рекламы, аналитический жанр, статья, стилиобразующая концепция, функционально-смысловые единицы речи.

Сюй Ханьти

Аспирант

► xuhanti1995@yandex.ru

Санкт-Петербургский государственный университет

199034 Санкт-Петербург,
Университетская наб., 11

Xu Hanti

Saint Petersburg State University

11, University Embankment,
St. Petersburg, 199034

The article is devoted to the analysis and identification of the speech features of native advertising in the analytical genre “article” in in online publications “Kommersant” and “Medusa” and their relationship with the style-forming concept of these publications.

The theoretical part of the article outlines the state of the study of native advertising as a new form of advertising and the style-forming concept of the media. The analytical part of the article compares 1) the style-forming concept of “Kommersant” and “Medusa”; 2) native advertising articles published in these two editions. Content-compositional features, typical functional-semantic speech units of native advertising texts, and speech embodiment are considered.

It is concluded that, firstly, the main difference between the style-forming concept of the two editions lies in their expressive and stylistic model, including the forms of the title, the distance between the author and the reader, in the peculiarities of speech techniques used, etc. Secondly, the composition of the analytical genres of native advertising texts as a whole corresponds to the composition of an ordinary newspaper article written by a certain style-

forming concept of a particular publication, however, it also has peculiar features of the advertising text, especially in the way the advertising content of native advertising presentation. Thirdly, there is variability in the speech embodiment of the analytical genres of native advertising in different online publications. For example, the relationship between the author of a native advertising article in “Meduza” and the reader is closer than in “Kommersant”, which is reflected in the use of certain speech techniques.

In a word, the texts of native advertising in different media have both common and original characteristics that adapt to the style-forming concept of a particular site.

Key words: native advertising text, analytical genre, article, style-forming concept, functional and semantic units of speech.

1. Введение

В последние годы пользователи интернета перестали реагировать на традиционные прямые формы рекламы, что вынудило рекламодателей изменить форму подачи рекламных объявлений и найти новые эффективные способы воздействия на потенциальных потребителей. Большую популярность получила новая форма рекламы — нативная реклама (далее: НР), которая привлекает внимание современных исследователей в русскоязычном научном сообществе.

Нативная реклама — это реклама, которая «выглядит естественно в окружении нерекламного контента» [Козлова, Карпучин 2017: 243] и «соответствует формату, функциям и тематике платформы, на которой размещается» [Мелехова 2015: 243].

В настоящее время перед исследователями нативной рекламы встает несколько вопросов: во-первых, как отличить нативную рекламу в потоке других текстов СМИ, в чем сходство и отличия нативного рекламного контента и нерекламного контента определенной СМИ-платформы; во-вторых, как определить стилиобразующую концепцию издания и то, как НР в жанре статьи встраивается в эту стилиобразующую концепцию.

Целью нашего исследования является выявление особенностей аналитических жанров нативной рекламы и их речевой реализации в рамках определенной стилиобразующей концепции издания.

Для реализации поставленной цели используются следующие **методы** исследования: выборочный метод, метод контекстуального анализа,

метод коммуникативно-прагматического анализа, метод семантического анализа, сравнительный метод и описательный метод.

Материалом нашего исследования служат: газета «Коммерсантъ» (<https://www.kommersant.ru/>); русскоязычный медиа-ресурс «Медуза» (<https://meduza.io/>).

2. Теоретическая база исследования

Теоретическую базу исследования НР составил целый ряд трудов российских и зарубежных ученых. В первую очередь НР широко изучена в сфере журналистики, рекламы и связей с общественностью (О.А. Козлова, Д.П. Карпучин, А.И. Османова, А.И. Макарина, К.В. Маркелов, М.А. Amazeen, S. Austin, B.W. Wojdyski, E.E. Schauster и др.) и маркетинга (А.С. Мелехова, С.И. Нестерова, Н.С. Складан, М. Эйнштейн, С. Campbell и др.). В области медиалингвистики НР в качестве нового типа материала рассматривается с точек зрения дискурсивных, речевых, стилистических и коммуникативных особенностей (О.В. Хорохордина, В.Е. Анисимов, Е.И. Горюшко, Е.В. Быкова, А.А. Афонина и др.).

Бюро интерактивной рекламы (IAB) выделило 3 самых распространенных и перспективных вида НР: 1) реклама в соцсетях или в новостной ленте; 2) реклама в поисковиках; 3) спецпроекты, спонсорская или брендирующая реклама. Третий вид НР может быть представлен любыми форматами журналистских жанров: статьей, статьей с привлечением известных личностей, редакционной статьей, игрой и тестом [Родимцева 2017: 44–45].

Характерной чертой текста НР является то, что рекламный контент гармонично встроен в публикуемый материал издания, так, значительная часть текстов НР относится к публицистическому стилю, функционирующему «в определенных устойчивых тематических, композиционных и стилистических формах — жанрах» [Попова 2020: 113]. Текст НР соответствует стилиобразующей концепции того или иного размещенного им издания.

В монографии «Русская речь в средствах массовой информации: стилистический аспект» отме-

чаются следующие основные параметры описания стилиобразующей концепции издания: 1) идеология издания (приверженность той или иной политической, экономической, культурной идее); 2) тип издания (главные задачи, особенности аудитории, периодичность, объем); 3) тематика и содержание, структура издания (принципы размещения материалов, постоянные и факультативные компоненты, графический образ); 4) структура редакции (состав редакции, авторов, особенности планирования и организации работы); 5) экспрессивно-стилистическая модель издания, включающая в себе жанровую модель, структурные признаки (характеристики построения полосы, подробки и отдельного текста, особенности заголовочного комплекса), стиль издания (в том числе дистанция общения с читателем), систему используемых экспрессивных средств [Коньков 2007: 19].

Далее мы рассмотрим стилиобразующую концепцию интернет-изданий «Коммерсанта» и «Медузы», затем с позиции содержательно-композиционных особенностей, функционально-смысловых единиц речи и их языкового воплощения рассмотрим тексты НР в жанре статьи, размещенные на двух площадках.

3. Анализ материала

3.1 Стилиобразующая концепция «Коммерсанта» и «Медузы»

3.1.1 Стилиобразующая концепция издания «Коммерсантъ»

«Коммерсантъ» — российская общественно-политическая газета, основанная в 1989 году Владимиром Яковлевым. Интернет-версия газеты была выпущена в 1995 году.

Идеология издания. Основные принципы «Коммерсанта» — «оперативность, достоверность, объективность» [Коммерсантъ]. Издание стремится к объективному отношению к фактам, осторожности в оценках по отношению к описываемым событиям.

Тип издания. «Коммерсантъ» представляет собой первую в России ежедневную деловую газету, имеющую не только печатную, но и онлайн-форму. В нашей работе мы ориентируемся именно на сайт издания, имеющий широкую ауди-

торию. По статистике международной исследовательской группы TNS, аудитория «Коммерсанта» преимущественно состоит из интеллигентных, высокопоставленных, платежеспособных людей. Возрастной диапазон читателей издания широк, при этом среди читателей больше мужчин, чем женщин [TNS 2021].

Рис. 1. Демографические показатели аудитории сайта «Коммерсантъ», октябрь 2021 г.

(<https://webindex.mediascope.net/report?id=118>)

Тематика и содержание, структура издания. Постоянные рубрики «Коммерсанта» установлены по темам: экономика, политика, мир, бизнес, финансы, потребительский рынок, общество, культура, спорт, авто и др. Тексты НР публикуются на сайте с такими пометками, как «партнерский материал/проект», «промо», «на правах рекламы».

Экспрессивно-стилистическая модель издания. Поскольку «Коммерсантъ» относится к серьезному деловому изданию, отношения между газетой и ее читателями носят официальный характер, который воплощается в том, что, в частности, в статьях издания часто упоминаются лица по официальной должности, профессии и т. д. Доминирует семантика факта и событий. Публикации в данном издании относятся к жанрам традиционного типа: заметка, корреспонденция, интервью, репортаж, статья и др. Наиболее частыми в данном издании являются аналитические жанры. Соответственно, доминирующая функционально-смысловая единица речи — рассуждение. А в значительно меньшем количестве — описание и повествование.

Заголовочный комплекс статьи «Коммерсанта» обычно состоит из двух частей: заголовок сопровождается подзаголовочной частью, которая расшифровывает заголовок или анонсирует основное содержание текста. Заголовок представляется как законченное предложение или словосочетание. Для привлечения внимания читателей используются такие типические черты заголовков, как употребление прецедентных текстов («Луна не приходит одна»), употребление цитаты («Процесс переобучения в нашей отрасли бесконечный»), яркое стилистическое оформление («Президент разрубил авиаузел») и т. д.

Что касается специфики экспрессивных средств текста данного издания, то она соответствует общим закономерностям речевой концепции, сложившейся «в сфере кодифицированной книжной письменной литературной речи» [Коньков 2007: 57] — распространяются типовые, общеупотребительные средства выражения экспрессии, в том числе такие синтаксические средства, как «сложноподчиненные с придаточным изъяснительным, вводные слова, модальные частицы, а также использование разговорных конструкций, которые на фоне книжных воспринимаются как средства выражения экспрессии» [Коньков 2007: 58-59].

3.1.2 Стилеобразующая концепция «Медузы»*

«Meduza»* (СМИ-иноагент с 23.04.2021) — русскоязычное интернет-издание, стартовавшее 20 октября 2014 года, созданное Галиной Тимченко.

Идеология издания. Идеология издания «Медузы»* сконцентрированно отражается в «Кодексе редакции “Медузы”» на сайте издания. Это не только правила для сотрудников издания, но также объяснение и обещание перед общественностью относительно содержания публикации: «независимость, объективность и беспристрастность, правдивость и достоверность, ответственность, работа в команде» [Медуза* 2019]. Кроме того, создатель издания Г. Тимченко в интервью отметила, что «в знак уважения к читателям следует дать им максимально возможное количество информации

и возможностей для взаимодействия с моим проектом, чтобы они потом сами делали выводы <...> У меня нет задачи изменить мир — есть задача сделать свое медиа качественным и успешным» [Спиридонов 2019].

Тип издания. «Медуза»* представляет собой интернет-издание с ежедневно обновляющимся контентом. Издание давно работает с нативной рекламой. По состоянию на 2020 год уже выпущено более полутора тысяч нативных материалов [МедиакиТ 2020]. По статистике издания 69% читателей младше 45 лет. В гендерном отношении большая часть аудитории сайта — мужчины (см. рис. 2).

Рис. 2. Демографические показатели аудитории сайта «Медуза»*, 2020 г. (<https://meduza.io/static/ads/mediakit-2020.pdf>)

Тематика и содержание, структура издания. Рубрикация «Медузы»* установлена по жанрам (строго говоря, «наджанрам»). Издание разделяется на следующие постоянные рубрики: новости (публикуются новостные материалы, включающие в себя краткие новостные тексты и новые опубликованные материалы других рубриках); истории (представляются мультимедийные элементы: длинные тексты и, рассказывающие какие-то истории); разбор (вопросы и ответы на их); шапито (показываются видео). Видно, что издание предлагает своеобразные рубрики

подачи информации, и опубликованные статьи в каждой рубрике имеют стандартные стилеобразующие формы. Нативные рекламные тексты выпускаются под рубрикой «новости» с пометкой «партнерский материал».

Экспрессивно-стилистическая модель издания. По сравнению с «Коммерсантом», дистанция между читателем и автором «Медузы»* более близкая. Личное коммуникативное пространство открыто для участников общения. Публикации «Медузы»* представляют собой синтез традиций и инноваций. Опубликованные материалы «Медузы»* представлены как традиционными жанрами СМИ (репортаж, статья, новостная заметка и др.), так и элементами новых жанров (тест, игра). Категория диалогичности сконцентрирована в таких новых жанрах, как тест, игра.

Заголовок в «Медузе»* обычно состоит из двух предложений, которые сочетают разные варианты шрифтового (жирного и обычного) выделения («**Почему вы никак не можете выучить английский: 7 неочевидных причин** Одна из них — вы считаете, что он может быть идеальным»). В материалах издания часто встречаются подзаголовки, представляющие собой параллельные синтаксические конструкции, что позволяет «структурировать текст, разбить его на отдельные смысловые фрагменты, дозировать информацию, <...> удерживается и активизируется внимание читателя» [Кадырова 2017: 6].

Язык публикаций «Медузы»* характеризуется «пределно информативным заголовочным комплексом с двухчастной структурой; членением текста на небольшие фрагменты и использованием подзаголовков; активным использованием возможностей гипертекста; применением медиаконтента в публикациях (фотографий, видеозаписей) для обоснования и иллюстрирования сказанного; преобладанием общеупотребительной и книжной лексики; малым количеством языковых средств, выражающих сниженную экспрессию; частотностью заимствований из английского языка, которые функционируют как обозначения разнообразных технических средств и реалий, связанных с Интернет-средой» [Кадыро-

ва 2017: 8–9]. По сравнению с «Коммерсантом», в «Медузе»* много бытовых выражений из сферы разговорной речи.

3.2 Содержательно-композиционные особенности текстов НР в жанре статьи

В целом структура статьи НР соответствует обычной газетной статье: введение (постановка проблемной ситуации) — основная часть (анализ проблемы) — заключение.

Кроме того, структура статьи НР имеет и своеобразный компонент — рекламный контент, ведь в центре внимания автора по-прежнему находится именно он. Подробно рассмотрим сходства и различия средств размещения рекламного контента НР «Коммерсанта» и «Медузы»*.

Место размещения рекламного контента в текстах НР «Коммерсанта» и «Медузы»* не фиксированно: в начале, в конце или в основной части текста.

Формы подачи рекламного контента в текстах НР «Коммерсанта» и «Медузы»* многообразны. Мы делим формы представления рекламного контента на три категории, в то же время в двух изданиях они имеют отличия.

1) **Указание на объект рекламирования в начале статьи.** Такая форма представления рекламной информации закрепляет название объекта рекламирования в сознании читателя неприметным образом уже в начале статьи.

В «Коммерсанте»:

а. Название объекта рекламирования появляется в заголовочном комплексе (обычно в подзаголовочной части): «*Почему бизнесу стоит присмотреться к ASUS Expertbook B7 Flip*»¹.

б. Во введении статьи рекламируемые продукты отражаются в способе представления специалистов, которые над ними работают: «*Что ждет бизнес и как заранее подготовиться к изменениям, разбираемся с заместителем директора продукта T1 EasyTax Лидией Черновой и методологом продукта Майей Воробьевой*»². Это также отражает строгость данного издания в написании статьи.

В «Медузе»:*

Название объекта рекламирования появля-

ется почти во введении каждой статьи в качестве соавтора (помощника) при подготовке текста. При упоминании объекта рекламирования употребляются следующие устойчивые синтаксические конструкции:

Вместе с + назв. объекта рекламирования + глаг. 1-го лиц. мн. числ. ... («*Вместе с компанией Reckitt Benckiser рассказываем...*»);

Вместе с + назв. объекта рекламирования — определение объекта рекламирования — мы глаг. 1-го лиц. мн. числ. ... («*Вместе с Mango Office — компанией, которая помогает бизнесу организовать и настроить удаленную работу — мы разобрались, как...*»);

Вместе с + определение объекта рекламирования + назв. объекта рекламирования + глаг. 1-го лиц. мн. числ. ... («*Вместе с сервисом доставки готовой еды justfood разбираемся...*»);

Этот материал мы подготовили вместе с + назв. объекта рекламирования.

2) **Описание объекта рекламирования в качестве части основного содержания текста НР.**

В «Коммерсанте»:

Рекламный контент НР в «Коммерсанте» обычно участвует в рассуждении всей статьи. Например, в статье НР «Подписка на здоровый сон»³ рекламируется сервис «Askona Upgrade», подробно описывается, как работает этот сервис.

В «Медузе»*:

В «Медузе»* рекламный контент НР часто представляется как дополнительная информация к обсуждаемому содержанию текста. Например, в статье «Медузы»* «Стоит ли отказываться от сахара? И почему обычная соль не хуже морской? Рассказываем о продуктах, у которых неоправданно плохая репутация»⁴ под подзаголовком «Майонез» сначала описываются состав майонеза и здоровый способ его употребления, потом рекомендуется майонез «Слобода», представляются его состав и «бережная» технология.

3) **Невербальные способы привлечения внимания к объекту рекламирования.**

В «Коммерсанте»:

а. В основной статье мелким курсивом описывается объект рекламирования (см. рис. 3).

T1 EasyTax — электронный сервис, обеспечивающий взаимодействие между ФНС и налогоплательщиком в рамках новой формы налогового контроля. Система позволяет реализовать все требования ФНС РФ для участников налогового мониторинга, как текущие, так и вступающие в силу с 2024 года, включая прямое подключение к АИС «Налог-3». T1 EasyTax обеспечивает получение, размещение и хранение исходных данных и расшифровку показателей налоговой и бухгалтерской отчетности, а также имеет удобные пользовательские интерфейсы и пул инструментов для работы и настройки.

Рис. 3. Рекламный контент среди статьи НР «Коммерсанта» (<https://www.kommersant.ru/doc/5141178>)

б. В конце статьи мелким курсивом прилагается название компании, адрес и другая информация о объекте рекламирования (см. рис. 4).

ООО Торговый Дом Аскона
Адрес: Владимирская область, г. Ковров, ул. Комсомольская,
д. 116-г, стр.25
ОГРН 1043302207508
*Askona Upgrade - «подписка на спальное место Аскона»
*LTV (Lifetime Value) — пожизненная ценность клиента

Рис. 4. Рекламный контент в конце статьи НР «Коммерсанта» (<https://www.kommersant.ru/doc/5173240>)

в. Фотографии товара вставлены в статью.

В «Медузе»*:

Обзац рекламной информации в статье отмечен желтым фоном (см. рис. 5).

Для производства майонеза «Слобода» используются только проверенные ингредиенты. Среди них, например, подсолнечное и оливковое масла — источники ненасыщенных жиров, необходимых для сбалансированного рациона. Как их проверяют? Компания разработала и запатентовала специальную систему контроля качества «Органик-Контроль» — она подразумевает применение бережных технологий и допускает в производство только натуральные ингредиенты и безопасное сырье.

Рис. 5. Рекламный контент в статье НР «Медузы»* (<https://meduza.io/feature/2020/06/30/stoit-li-otkazyvatsya-ot-sahara-i-pochemu-obychnaya-sol-ne-huzhe-morskoj>)

Таким образом, в целом можно выделить основные составляющие композиции: введение (постановка проблемной ситуации) — основная часть (анализ проблемы) — заключение — рекламный контент. Место размещения рекламного контента в текстах НР «Коммерсанта» и «Медузы»* не фиксировано, причем средства подачи рекламного контента многообразны, что отражается как в языке, так и в невербальных элементах.

3.3 Анализ типичных ФСЕР в текстах НР в жанре статьи и их речевые особенности

Адресант — адресат.

Отношения между адресантом и адресатом статьи НР в «Коммерсанте» официальные. Во-первых, при упоминании лица часто указывается его должность или профессия. Например, «*генеральный директор компании Forward Leasing Алексей Гуров*»³. Во-вторых, обращения типа «ты» или «вы» редко используются в статье. Автор констатирует объективные факты или анализирует объективные явления, менее непосредственно взаимодействуя с читателями.

Адресант и адресат статьи НР в «Медузе»*, по сравнению с «Коммерсантом», ближе друг к другу. Это заключается в том, что, во-первых, именование не стандартизировано, а иногда даже не указывается, например, «по словам производителя...»; во-вторых, в статье имеется больше общения с читателями, употребляя глагол 2-го лиц. мн. числ. («как видите, ...») или императивной конструкции («Программирование — это спорт. Не верите? Сейчас докажем»⁵).

Типичные ФСЕР статьи НР и их речевые особенности

Традиционно в отечественной лингвистике выделяются три функционально-смысловые единицы речи (далее: ФСЕР): описание, повествование, рассуждение. По сравнению с описанием и повествованием, рассуждение обращается не к внешнему миру действительности, а к внутреннему мыслительному миру, с помощью которого построена логическая речь. Рассуждение разделено на три типа: объяснение, аргументация, инструкция [Кибрик 2015: 598].

Самыми типичными ФСЕР в текстах НР в жанре статьи «Коммерсанта» и «Медузы»* (и вообще статьи) являются объяснение и аргументация. В то же время в ФСЕР объяснение и аргументация в двух изданиях отражается неодинаковая экспрессивно-стилистическая модель издания.

Объяснение

Объяснение в высказывании, с содержательной стороны, представляет суть предмета, явления или процесса, раскрывает их функции и признаки; с коммуникативно-прагматической стороны, реализует интенцию адресанта объяс-

нить феномен действительности, чтобы адресат понял его [Вознесенская, Шкурина 2017: 157].

Объяснение в статье НР Коммерсанта используется обычно в рекламном контенте. Объект объяснения — объект рекламирования. Приведем в качестве примера рекламный контент, размещенный в статье НР «Коммерсанта» «*Тихая революция в налоговой системе*»²:

(1) *T1 EasyTax — электронный сервис, обеспечивающий взаимодействие между ФНС и налогоплательщиком в рамках новой формы налогового контроля.* (2) *Система позволяет реализовать все требования ФНС РФ для участников налогового мониторинга, как текущие, так и вступающие в силу с 2024 года, включая прямое подключение к АИС «Налог-3». T1 EasyTax обеспечивает получение, размещение и хранение исходных данных и расшифровку показателей налоговой и бухгалтерской отчетности, а также имеет удобные пользовательские интерфейсы и пул инструментов для работы и настройки.*

Цифрами в скобках отмечены различные типы объяснений с учетом характера выражения данной интенции. (1) Объяснение представлено как квалификация объекта (Что такое *T1 EasyTax*?). (2) Объяснение функций (Для чего служит *T1 EasyTax*?). В тексте употребляются сложноподчиненные с придаточным изъяснительным. Автор стремится использовать нейтральные предложения, чтобы объективно познакомить читателей с сервисом. Тем не менее, слова с положительной оценкой, такие как «удобные», «...реализовать все требования...», неизбежно появляются. Помимо этого, здесь употребляются аббревиатуры имен собственных (ФНС, АИС «Налог-3»), обладающие специальными характеристиками.

По сравнению с «Коммерсантом», ФСЕР объяснение чаще встречается в статьях НР «Медузы»*, близких к научно-популярному стилю. Посмотрим фрагмент статьи НР «Медузы»* «*Глаза сохнут, в горле першит. Это из-за сухого воздуха дома? Разбираемся вместе с Вопесо*»⁶:

Что такое влажность и почему ее не хватает в квартире

(1) *Влажность — это водяной пар в воздухе.* (2) *Количество этого пара может отличаться*

в зависимости от погоды и температуры. Зимой в квартире воздух становится особенно сухим. Во-первых, его сушит естественная вентиляция и проветривание: когда в дом попадает холодный воздух с улицы, он нагревается, его влагоемкость (способность вмещать пар) растет, но насытиться влагой ему неоткуда. Усугубляют ситуацию обогреватели и батареи: они поднимают температуру и усиливают естественную вентиляцию, что делает воздух еще суше. Кондиционеры — как в режиме «нагрев», так и в режиме «охлаждение» — забирают из воздуха влагу, собирая ее в конденсат (он сливается через трубку).

<...>

В линейке *Вопесо* есть 4 модели очистителей воздуха для разных площадей. У вас комната меньше 20 квадратных метров, за окном нет оживленных трасс, а пыль и сажа на подоконнике редкость? Тогда вам подойдет модель *Вопесо P340*. Если живете в более оживленном городском районе, обратите внимание на *Вопесо P400*. (3) Очиститель работает почти беззвучно (на минимальном режиме не громче 25 децибел) и потребляет около 30 ватт. Один фильтр может служить целый год. За свой лаконичный дизайн *Вопесо P400* удостоен премии *Red Dot Design*.

В первом абзаце объект объяснения — влажность и причина ее нехватки в квартире. (1) Объяснение представлено как квалификация объекта (Что такое влажность?). (2) Объяснение представлено как демонстрация причины явления (Почему в квартире не хватает влажности?). Потом идет рекламный контент, в который введена климатическая линейка *Вопесо*. (3) Объяснение представлено как качественная характеристика товара (Какой этот товар? Как он работает?). Чаще используются простые предложения, и явление объясняется доступным языком. При рассуждении автор иногда прямо общается к читателям (обратите внимание на подчеркнутые выражения).

Видно, что объяснение в статье НР «Медузы»* выполняет не только информационную функцию, но и реализует интенцию убеждения: заставляет человека лучше помнить о рекламируемых продуктах, их функциях, достоинствах и т. д.

Аргументация

Аргументация является самой типичной ФСЕР в статье НР, ее цель заключается в том, чтобы убедить реципиента в правомерности определенного мнения. В статье используются факты для проведения анализа на основе установленного тезиса/подтезиса для того, чтобы читатели приняли ту или иную точку зрения. «В качестве аргументов выступают либо факты, либо фрагменты текста-повествования, текста-описания и иногда текста-инструкции» [Колесова 2017: 226]. Среди них, разумеется, наиболее часто используются факты.

При приведении фактов в качестве аргументов в статье НР «Коммерсанта» можно выделить следующие основные речевые особенности:

- Частое употребление цитаты с точным указанием источника.

При цитировании слова человека, имя и должность цитируемого лица будут четко объяснены с помощью устойчивой конструкции «...», — поясняет / объясняет / комментирует кто. Например, «*Нашими приоритетами в работе всегда являются клиент и забота о его удовлетворенности нашими сервисами, это диктует необходимость сотрудничать только с лидерами рынка*», — объясняет директор венчурной студии и RnD Askona Ксения Шоломина².

При цитировании какой-либо информации или статистики также будет указано название соответствующей организации: «Согласно результатам исследований Федерального научного центра гигиены им. Ф. Ф. Эрисмана, домашняя пыль — среда обитания бактерий, грибов, актиномицетов, которые могут стать причиной развития аллергии»².

Такой прием помогает улучшить достоверность аргумента и усилить убедительность выдвинутой точки зрения.

- Употребление имен собственных (названий компаний или организаций) и их аббревиатур. Например, «*Федеральная налоговая служба (ФНС) последовательно идет по пути отказа от интерпретаций Налогового кодекса (НК) к полной стандартизации налогового учета*»². Это также является характерной чертой деловой

прессы, которая помогает улучшить точность и специальность сообщения.

- Употребление вводных слов для создания строгой логической цепочки, соответствующей схеме аргументативного текста «тезис — аргументы — вывод». Например, «*во-первых, во-вторых, наконец, таким образом*» и т. д.

Кроме вышеперечисленных пунктов, заголовки статьи НР в «Коммерсанте» также наследует стиль заголовка газеты. Так, например, используются прецедентные тексты («*«Сады Пекина»: свой среди своих*»⁷), цитаты (часто используется в качестве заголовка НР в жанре интервью), яркие стилистические средства, в том числе метафора («*Настоящая магия*»⁸), олицетворение («*Британский связной*»⁹) и т. д.

При приведении фактов в качестве аргументов в статье НР «Медузы»* можно выделить следующие основные речевые особенности:

- Редкое употребление цитаты. В отличие от «Коммерсанта», даже если некоторые данные или информация иногда цитируются в статье НР «Медузы»*, источник информации указывается не обязательно четко. Встречаются такие выражения, как «*По некоторым исследованиям, ...*», «*По статистике, ...*».

- Редкое употребление терминов. Темы статьи в основном затрагивает проблемы в области повседневной жизни.

- Частое употребление разговорной лексики и выражений. Например, «*Если еще несколько лет назад хлеб ругали за углеводы, то теперь ругают за глютен. И в обоих случаях зря. Любой хлеб — это опять-таки источник углеводов, которые насыщают организм и дают энергию*»⁴.

- Экспрессивное, яркое выражение эмоции или оценки автора по отношению к обсуждаемому явлению. Это воплощается в том, что используются восклицательные предложения, лексика с экспрессивной окраской («*Только в России свалки занимают площадь, равную территории средней европейской страны или всего Азовского моря!*»¹⁰), «*Наиболее важно другое: консервированные продукты — сюрприз! — сохраняют пищевую ценность*»⁴, «*Рубль зависит не только от цены на нефть!*»¹¹.

- Употребление заимствованных слов и иностранных слов.

Как заголовок обычной статьи в «Медузе»*, так и заголовок статьи НР в издании состоит из двух частей, сразу резюмирующих основное содержание статьи. Причем в «Медузе»* используются заголовки, построенным по модели: Тезис — не верите? — докажем: «*«Программирование — это спорт. Не верите? Сейчас докажем*»⁵.

Таким образом, при речевой реализации ФСЕР объяснения и аргументации в статьях НР проявляются речевые особенности двух изданий с учетом их разных стилиобразующих концепций.

4. Выводы

Статья как распространенный жанр текстов НР имеет как общие стилистические черты обычной газетной статьи, так и оригинальные содержательно-композиционные особенности. Так, у текстов НР в жанре статьи, размещенных в интернет-изданиях «Коммерсантъ» и «Медуза»* имеется устойчивая композиция, которая, с одной стороны, соответствует обычной газетной статье; с другой стороны, имеет оригинальные особенности по отношению к средствам размещения рекламного контента НР.

Самыми распространенными ФСЕР в статье НР являются объяснение и аргументация, с помощью которых создается логическая структура текста. Однако особенности применения этих ФСЕР в двух изданиях отличаются, что отражается в различных речевых приемах и в отношениях между автором и читателем.

Таким образом, проведенный анализ особенностей аналитических жанров нативной рекламы и их речевой реализации в «Медузе»* и «Коммерсанте», показал, что эти особенности непосредственно связаны со стилиобразующей концепцией каждого из изданий. Наличие общих стилиобразующих средств в реализации нативной рекламы в жанре аналитической статьи в разных изданиях доказывает, что это уже сложившийся жанр рекламы. Выявленные оригинальные характеристики нативной рекламы в жанре аналитической статьи в разных изданиях подтверждают ее главную стилиобразующую особенность, а имен-

но — адаптацию к стилиобразующей концепции той или иной платформы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Является средством массовой информации, выполняющим функции иностранного агента.

¹ <https://www.kommersant.ru/doc/5129978>

² <https://www.kommersant.ru/doc/5141178>

³ <https://www.kommersant.ru/doc/5173240>

⁴ <https://meduza.io/feature/2020/06/30/stoit-li-otkazyvatsya-ot-sahara-i-pochemu-obychnaya-sol-ne-huzhe-morskoy>

⁵ <https://meduza.io/slides/programmirovaniye-eto-sport-ne-verite-seychas-dokazhem>

⁶ <https://meduza.io/feature/2020/02/05/glaza-sohnut-v-gorlepershit-eto-iz-za-suhogo-vozdusha-doma>

⁷ <https://www.kommersant.ru/doc/5089392>

⁸ <https://www.kommersant.ru/doc/5131600>

⁹ <https://www.kommersant.ru/doc/5127625>

¹⁰ <https://meduza.io/slides/hotite-kupit-novuyu-vesch-podozhdite-my-poprobuem-vas-pereubedit>

¹¹ <https://meduza.io/feature/2020/06/18/ot-chego-zavisit-rost-ili-padenie-rublya-vot-spisok-faktorov>

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Галина Тимченко, Meduza: «Валюта рынка медиа — внимание и время читателя, а главный враг — его апатия» / Спиридонов М., 2019. Режим доступа: <https://vc.ru/media/75780-galina-timchenko-meduza-valyuta-rynka-media-vnimanie-i-vremya-chitatelja-a-glavnyu-vrag-ego-apatija>

Кодекс редакции «Медузы» / Медуза*, 2019. Режим доступа: <https://meduza.io/pages/codex> (дата обращения: 22.12.2021)

О «Коммерсанте» / Коммерсантъ. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/about> (дата обращения: 12.01.2022)

МедиакиТ 2020. Режим доступа: <https://meduza.io/static/ads/mediakit-2020.pdf>

IAB Native Advertising Playbook 2.0 / IAB, 2019. Режим доступа: <https://www.iab.com/insights/iab-native-advertising-playbook-2-0/> (дата обращения: 02.12.2021)

TNS, 2021. Режим доступа: <https://webindex.mediascope.net/report?id=118>

ЛИТЕРАТУРА

Анисимов, Горошко 2018 — Анисимов В. Е., Горошко Е. И. Нативная реклама как инструмент digital-коммуникации бренда. *Медиалингвистика*. 2018, (5 (4)): 409–423.

Афони́на 2019 — Афони́на А. А. *Нативная реклама как тип рекламного текста: лингво-прагматический аспект (на материале информационных Интернет-ресурсов)*: маг. дис. СПб, 2019. 97 с.

Быкова 2018 — Быкова Е. В. Нативная реклама: речевые особенности презентации информации. *Медиалингвистика*. 2018, 5(4): 534–544.

Кадырова 2017 — Кадырова Н. В. *Языковые особенности «новых медиа»*: автореф. ВКР бакалавра. Саратовский Нацио-

нальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. Саратов, 2017. 10 с.

Козлова, Карпухин 2017 — Козлова О. А., Карпухин Д. П. Нативная реклама: теория и практика современных инструментов онлайн-рекламы. *Реклама. Теория и практика*. 2017, (4): 242–249.

Макарина, Маркелов 2021 — Макарина А. И., Маркелов К. В. Особенности использования нативной рекламы в современных русскоязычных интернет-изданиях. *Медиаскоп*. 2021, (1). Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/2697>

Мелехова 2015 — Мелехова А. С. Нативная реклама как элемент digital коммуникационной стратегии бренда. *Вестник экономики, права и социологии*. 2015, (3): 242–245.

Нестерова, Складан 2017 — Нестерова С. И., Складан Н. С. Нативная реклама как эффективный инструмент взаимодействия с потребителями. *Экономика и менеджмент инновационных технологий*. 2017, (2 (65)): 54–57.

Попова 2020 — Попова Т. И. Жанровая дифференциация, отбор языковых средств в публицистике: Речевая агрессия и речевая манипуляция в СМИ. В кн.: *Русский язык и культура речи: учебник и практикум для вузов*. Голубева А. В. (ред.). М.: Юрайт, 2020. С. 112–126.

Османова 2018 — Османова А. И. Нативная реклама в коммуникационной деятельности российских банков. *Медиа-скоп*. 2018, (1): 8–9.

Родимцева 2017 — Родимцева В. А. *Журналистский текст как способ подачи рекламной информации (на примере интернет-изданий «Медуза»* и «Vc.ru»)*: маг. дис. С.-Петербург. гос. ун-т. СПб., 2017. 98 с.

Коньков 2007 — Коньков В. И., Потсар А. Н., Митрофанова И. А., Корнилова Н. А., Редькина Т. Ю., Прохорова К. В., Непуюкеева О. В., Быкова Е. В. *Русская речь в средствах массовой информации: стилистический аспект*. Коньков В. И. (ред.). СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. 272 с.

Хорохордина 2021 — Хорохордина О. В. Эмотивность в новостном дискурсе с компонентом нативной рекламы. *Мир русского слова*. 2021, (3): 14–21.

Эйнштейн 2017 — Эйнштейн М. *Реклама под прикрытием: нативная реклама, контент-маркетинг и тайный мир продвижения в интернете*. Т. Мамедова (пер. с англ.). М.: Альпина Паблишер, 2017. 299 с.

Amazeen, Wojdyski 2018 — Amazeen M. A., Wojdyski B. W. The effects of disclosure format on native advertising recognition and audience perceptions of legacy and online news publishers. *Digital Journalism*. 2018, (6 (2)): 1–20.

Austin, Newman 2015 — Austin S., Newman N. Attitudes to sponsored and branded content (native advertising). In: *Reuters Institute Digital News Report 2015: Tracking the Future of News*. Oxford: Reuters Institute for the Study of Journalism. 2015: 100–107.

Campbell, Mark 2015 — Campbell C., Mark L. J. Good native advertising isn't a secret. *Business Horizons*. 2015, (58 (6)), 599–606.

Schauster, Patrick, Neill 2016 — Schauster E. E., Patrick Ferrucci P., Neill M. S. Native Advertising is the New Journalism:

How Deception Affects Social Responsibility. *American Behavioral Scientist*. 2016, (60 (12)): 1408–1424.

Wojdyski, Evans 2016 — Wojdyski B.W., Evans N.J. Going Native: Effects of Disclosure Position and Language on the Recognition and Evaluation of Online Native Advertising. *Journal of Advertising*. 2016, (45 (2)): 157–168.

REFERENCES

АНИСИМОВ, ГОРОШКО 2018 — Anisimov V.E., Goroshko E.I. Native advertising as a tool for digital brandcommunication. *Medialingvistika*. 2018, (5 (4)): 409–423. (In Russian)

АФОНИНА 2019 — Afonina A.A. *Native advertising as a type of advertising text: linguistic and pragmatic aspect (based on information Internet resources)*: master's thesis. St. Petersburg, 2019. 97 p. (In Russian)

БЫКОВА 2018 — Bykova E.V. Native advertising: speech presentation. *Medialingvistika*. 2018, (5 (4)), 534–544. (In Russian)

КАДЫРОВА 2017 — Кадырова Н.В. *Языковые особенности «новых медиа»*: автореф. ВКР бакалавра. Саратовский Национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. Саратов, 2017. 10 с.

КОЗЛОВА, КАРПУХИН 2017 — Kozlova O.A., Karpukhin D.P. Native Advertising: Theory and Practice of Contemporary Online-Advertising Instruments. *Reklama: Teoriya & Praktika*. 2017, (4): 242–249. (In Russian)

МАКАРИНА, МАРКЕЛОВ 2021 — Makarina A. I., Markelov K. V. Features of the use of native advertising in modern Russian-language Internet publications. *Mediascope*. 2021, (1). URL: <http://www.mediascope.ru/2697>. (In Russian)

МЕЛЕХОВА 2015 — Melekhova A. S. Native advertising as an element of digital communication strategy of the brand. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*. 2015, (3): 242–245. (In Russian)

НЕСТЕРОВА, СКЛАДАН 2017 — Nesterova S.I., Skladan N.S. Native advertising as an effective tool of interaction with customers. *Ekonomika i menedzhment innovatsionnykh tekhnologii*. 2017, 2(65): 54–57. (In Russian)

ПОПОВА 2020 — Popova T. I. Genre differentiation, selection of linguistic means in journalism: Speech aggression and speech manipulation in the media. In: *Russkiy yazyk i kul'tura rechi: uchebnik i praktikum dlya vuzov*. Golubeva A. V. (ed.). Moscow: Yurayt, 2020. P. 112–126. (In Russian)

ОСМАНОВА 2018 — Osmanova A.I. Native Advertising in the Communication Activities of Russian Banks. *Mediascope*. 2018, (1): 8–9. (In Russian)

РОДИМЦЕВА 2017 — Rodimtseva V.A. Journalistic text as a way of presenting advertising information (on the example of the Internet editions «Meduza» and «Vc.ru»): master's thesis SPBU. St. Petersburg, 2017. 98 p. (In Russian)

КОНЬКОВ 2007 — Konkov V. I., Potsar A. N., Mitrofanova I. A., Kornilova N. A., Redkina T. Iu., Prokhorova K. V., Neupokoeva O. V., Bykova E. V. Russian speech in the media: stylistic aspect. ed. by Konkov V.I. St. Petersburg: SPBU, 2007. 272 p. (In Russian)

ХОРОХОРДИНА 2021 — Khorokhordina O. V. Emotivity in news discourse with a component of native advertising. *Mir russkogo slova*. 2021, (3): 14–21. (In Russian)

ЭЙНШТЕЙН 2017 — Einstein M. Black Ops Advertising: Native Ads, Content Marketing and the Covert World of the Digital Sell. T.Mamedova (transl. from English). Moscow: Alpina Publisher, 2017. 299 p. (In Russian)

АМАЗЕЕН, ВОЙДЫНСКИ 2018 — Amazeen M. A., Wojdyski B. W. The effects of disclosure format on native advertising recognition and audience perceptions of legacy and online news publishers. *Digital Journalism*. 2018, (6 (2)): 1–20.

АУСТИН, НЕЙМАН 2015 — Austin S., Newman N. Attitudes to sponsored and branded content (native advertising). In: *Reuters Institute Digital News Report 2015: Tracking the Future of News*. Oxford: Reuters Institute for the Study of Journalism. 2015: 100–107.

КАМПАБЕЛЛ, МАРК 2015 — Campbell C., Mark L. J. Good native advertising isn't a secret. *Business Horizons*. 2015, (58 (6)), 599–606.

ШАУСТЕР, ПАТРИК, НЕЙЛ 2016 — Schauster E. E., Patrick Ferrucci P., Neill M. S. Native Advertising is the New Journalism: How Deception Affects Social Responsibility. *American Behavioral Scientist*. 2016, (60 (12)): 1408–1424.

ВОЙДЫНСКИ, ЭВАНС 2016 — Wojdyski B.W., Evans N.J. Going Native: Effects of Disclosure Position and Language on the Recognition and Evaluation of Online Native Advertising. *Journal of Advertising*. 2016, (45 (2)): 157–168.

КРИТИЧЕСКИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ МЕДИАДИСКУРС: СПОСОБЫ ОЦЕНОЧНОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЫ

OLGA I. KOLESNIKOVA

CRITICAL PROFESSIONAL MEDIA DISCOURSE:

WAYS OF EVALUATIVE CONCEPTUALIZATION OF MODERN PROSE WORKS

Статья посвящена выявлению прагматилистических способов оценочной концептуализации произведений русскоязычной современной прозы в медиатекстах раздела «Критика» электронного литературно-критического журнала «Literatura». В результате дискурс-анализа критических статей, в которых репрезентируется оценка литературных новинок прозаических жанров, на материале текстов выпусков за 2019–2021 гг. выявлены признаки усиления авторского субъективного начала и доминирование лично-оценочного отношения к освещаемому материалу. Наряду с данными признаками, до сих пор актуален традиционный стиль статей и рецензий, характеризуемый стандартными номинациями терминологического поля литературной критики и рациональными основаниями развертывания оценки. С помощью прагматилистического анализа текстов установлены, с одной стороны, признаки интеллектуализации языковой медиасреды и, с другой стороны, факты разговорной речи. Интеллектуализация обнаруживается в фактах создания вертикального контекста, метафоризации и перифразирования. При этом оценочные средства языка имеют имплицитный характер передачи отношения критика к интерпретируемому произведению. Основными элементами разговорной речи в исследуемом медиадискурсе выступают профессиональные жаргонизмы и средства ироничной оценки. Автор приходит к выводу, что ведущими тенденциями развития языка профессионального критического дискурса в медийном пространстве являются взаимопроникновение дискурсов (научного, художественного и разговорного) и широкое распространение фактов эмоционально-оценочной субъективации критического медиастила при рефлексии эмоционального состояния автора-критика как субъекта чтения. Установлена зависимость выбора прагматилистических способов репрезентации оценки от позиции интерпретатора: «аналитика» или «читателя». Ведущая прагматическая составляющая современной литературной критики в медиадискурсе, которую можно считать новшеством, связываемым с влиянием блог-дискурса, — рефлексия эмоционального состояния автора текста, оценивающего прозу с позиций ярко выраженного авторского «я», с откровенным субъективизмом в оценочных интерпретациях предмета речи. Степень субъективизации профессионального критического дискурса определяется предпочтительной для критика дискурсивной практикой, в которой нередко проявляются интенции продемонстрировать свой творческий потенциал как личности, «независимо» оценивающей произведение.

Ключевые слова: критический медиадискурс, концептуализация прозы, оценка, прагматический подход, субъект дискурса.

The article is devoted to the identification of pragmatilistic ways of evaluative conceptualization of Russian-language modern prose works in the media texts of the section

**Ольга Ивановна
Колесникова**

Доктор филологических наук, доцент

► usr08728@vyatsu.ru

Вятский государственный университет

610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36

Olga I. Kolesnikova

Vyatka State University

36, Moskovskaya str., Kirov, 610000

“Criticism” in the online literary-critical journal “Literatura”. The discourse analysis of critical articles, in which the evaluation of literary novelties of prose genres is represented, on the material of the texts of the issues for 2019-2021, the author reveals signs of strengthening of the author’s subjectivity and the dominance of the personal-evaluative attitude to the material. Along with these features, the traditional style of articles and reviews is still relevant, which is characterized by standard nominations of the terminological field of literary criticism and rational grounds for developing an assessment. Pragmastic analysis of texts has revealed, on the one hand, the signs of intellectualization of speech media sphere, and, on the other hand, facts of colloquial speech. Intellectualization manifests itself in creating a vertical context, metaphORIZATION and periphrasing. The evaluative means of language have an implicit character of conveying the critic’s attitude to the interpreted work. The main elements of colloquial speech in the studied media discourse are recognized as professional jargon and means of ironic evaluation. The main trends in the development of the language of professional critical discourse in the media space are the interpenetration of discourses (scientific, artistic and colloquial) and the widespread dissemination of the facts of emotional and evaluative subjectivation of critical media style. The author demonstrates the dependence of the choice of pragmastic ways of representing the assessment on the position of the interpreter, either “analyst”, or “reader”. The leading pragmatic component of modern literary criticism in media discourse, which can be considered an innovation associated with the influence of blog discourse, is the reflection of the emotional state of the author of the text, evaluating prose from the standpoint of a pronounced author’s “I”, with frank subjectivism in evaluative interpretations of the subject of speech. The degree of subjectivation of professional critical discourse is determined by the discursive practice preferred by the critic, in which intentions are often manifested to demonstrate their creative potential as a person who “independently” evaluates the work.

Key words: critical media discourse, conceptualization of prose, evaluation, pragmaesthetic approach, subject of discourse.

Введение

Медийные платформы стали едва ли не основным источником получения информации о происходящих в литературном мире событиях, главное из которых — появление новых произведений. Отечественные литературные журналы в нашей стране всегда были центром литературной критики; их феномен связан с ролью духовного ориентира читателей, эстетической целостностью критического анализа. В современном интернет-пространстве возникли новые проекты, привлекающие внимание всех, кто интересуется литературой, и один из них — электронный литературный журнал «Литература».

Материал исследования составила выборка текстов, посвященных современной прозе, в разделе «Критика». Авторами критических статей являются писатели и поэты, литературоведы, журналисты, ученые. По определению, профессиональный критический дискурс должен отличаться от «встроенных» в новые медиа текстов о книгах в социальных сетях, блогах, микросайтах, вики-страницах, тем более что журнал «Литература» входит в рубрикатор научной электронной библиотеки «Elibrary.ru». В отличие от стилистической реальности книжного блогинга как конкурирующего медиаконтента в сфере продвижения книги и чтения, тексты критических статей должны отражать основные тенденции развития языка **профессионального критического дискурса**.

Необходимо четко разграничивать литературно-художественную критику и медиакритику: первую обычно относят к «толстым» журналам, авторы которых способны квалифицированно соотнести произведение художественной литературы с социокультурным контекстом; вторая, особенно сетевая, получает научную интерпретацию только в последние десятилетия.

К «новой» (медиа-) критике исследователи относят два пласта освещения литературных произведений: 1) журналистские тексты, считающиеся «непрофессиональными», так как их создают журналисты-нелитературоведы, и 2) так называемую сетевую — непрофессиональную критику. К первому пласту относятся, например, авторские колонки в СМИ, которые представляют «арт-журналистику» [Теплышина, Pavlushkina 2017], а также рецензии на книги (отметим, далеко не «новое» явление в журналистике). «Новыми» скорее можно назвать формы репрезентации оценки произведения, в том числе показатели «мутаций» в речевых практиках освещения «вопросов... художественной культуры», таких как «языковая раскрепощенность» и словесный «беспредел» [Саенкова-Мельницкая 2018: 153–154]. Для текста современной литературной рецензии характерны обусловленные массмедийным характером дискурса ослабление аналитического начала в пользу информационного, «осложненный пересказ»; пренебрежительный тон повествования,

создаваемый разговорно-просторечными формами; различные способы проявления авторского начала [Петрова, Морева 2014].

Второй пласт составляет «сетевая» критика, которая представлена 1) так называемыми «интернет-рецензиями» (особенности медиастилистики этого жанра охарактеризованы в работе [Молитвина 2016]); 2) текстами многочисленных малых жанров (комментариями, отзывами, анонсами). Стилистика таких, условно говоря, критических текстов определяется интенцией адресанта: в них либо продвигается, либо, наоборот, подвергается резкой негативной оценке книга того или иного автора. Исследователи отмечают «сервильный, меркантильный, поверхностный, упрощенческий уклоны» даже журналистских медиапродуктов [Величкина, Семилет 2021: 11]). Сетевой же блог-критике, где любой блогер в непринужденной форме высказывает свое мнение о книге, предстоит пройти процесс медиастилистического осмысления.

Дискурсивный подход требует внимания к медиальности критика как активного участника дискурса и носителя языка, выполняющего прежде всего культурно-просветительскую функцию проводника смыслов и ценностей, заявленных в произведении, а также их интерпретатора, комментатора, «судьи» [Башкатова 2013]. Критики определяют литературные вкусы, формируют ценностные смыслы, способствуют вхождению произведения в культурное поле. Освещая новые модели коммуникации в медиа и связывая их со стилистическими приоритетами современного медиадискурса, В.И. Ивченков справедливо отмечает, что «через речевую индивидуальность усиливается стилистический эффект медиатекста как основного носителя дискурсивных стратегий и тактик, аккумулятора когнитивных структур» [Ивченков 2019: 137].

Методика исследования

В условиях конвергентных СМИ применяется целый диапазон методов изучения медиарегиона [Добросклонская 2020]. Поставленная нами цель — выявить особенности оценочной концептуализации художественного произведения в профессиональном критическом дискурсе —

реализуется с помощью прагмастилистического анализа. Специфика этого метода заключается в рассмотрении характерных стилистически значимых средства языка с точки зрения прагматических интенций (задач) автора. Не случайно в фокусе внимания оказывается языковая личность рецензента-критика, который выбирает определенные способы оценки художественных качеств представляемого произведения. Разработанная нами концепция прагмаэстетического подхода к тексту предполагает поиск и выделение в материале дискурса особых (эстетически значимых) средств речи, способных, по замыслу автора, оказать воздействие на читателя, интенсифицируя его рецептивную деятельность [Колесникова 2016].

Анализ материала. Неотъемлемым свойством критического дискурса, реализуемым в статьях о новых произведениях, является интеллектуализация языка оценки художественного целого. Рассмотрим наиболее характерные прагмастилистические способы оценочной концептуализации представляемых произведений отечественной прозы.

1. К одному из типичных в профессиональном критическом тексте интеллектуализированному способу репрезентации оценочного поля относится интертекстуальность, благодаря которой создается **вертикальный контекст**, требующий от адресата богатой культурной памяти и знаний мировой литературы. Прецедентные имена (от Гомера и Данте до В. Сорокина), названия, — в основном, шедевров мировой литературы, а также прямое и косвенное цитирование выступают здесь способом конструирования такого контекста через создание ассоциативно-семантических полей, в которых реализуется субъективное отношение критика к представляемому произведению.

Можно отметить два приема введения в критический дискурс интертекстуальных знаков: косвенную оценочную характеристику объекта и аналогизирование. Косвенная характеристика имеет как позитивную, так и негативную оценочность. Например, в первом случае репрезентируется положительное восприятие произведения критиком: *Роман «Латгальский крест» —*

«**трифононский**» в самом хорошем смысле этого слова. Внимательный к нюансам внутреннего мира героев, к нюансам взаимоотношений, вообще к нюансам, самым разным (Е. Фетисов). Подобная мотивировка выбора знака фиксируется не всегда: адресат, как правило, эрудированная личность; так, он способен понять, что во внешней языковой простоте героя, который не хочет взрослеть, отголоски Платонова и того же Горенштейна (Е. Фетисов о книге Р. Сенчина «Дождь в Париже»). Негативная косвенная оценка также может репрезентироваться в аналогии, как в следующем примере: названия рассказов <...> художественно незначимы: они не замечаются и стираются в потоке **сартровской** тошноты, тоски и одиночества (А. Жучкова).

Второй прием создания вертикального контекста — прием аналогизирования — состоит во включении отсылок к известным литературным источникам, например: Сюжет вполне в духе позднего Сорокина (А. Коголовский). Данный прием может реализоваться в параллелизмах: «Как можно проходить мимо дерева и не быть счастливым?» — вопрошал князь Мышкин. Как можно жить в мире и не уметь разглядеть его волшебство? — спрашивает эта книга. (Э. Сокольский), а также в трансформированных прецедентных феноменах, преимущественно в заголовках: **Божественная трагедия** (Е. Фетисов), часто с сохранением точного названия, но в расширенном виде: **Ремейк «Утиной охоты»** (Е. Фетисов); **На дне пропасти во ржи: исповедь разбившегося** (А. Жучкова).

Аналогизирование также реализуется на чувственной основе, вызывая зримый образ содержания произведения, например: сюжет здесь — матрица из событий, а не логическая змея. **Это как множество одновременно мерцающих светлячков**. Все происходит одновременно, так в жизни и бывает (М. Квадратов). Специфика аналогии обнаруживается в прагматической направленности на эмоциональное «заражение» адресата, доверяющего критику.

2. Следующий способ концептуализации элементов рецензируемого критиком произведения, отмеченный более высокой степенью интел-

лектуализированности, — **метафоризация**. Прагматической значимостью обладают факты передачи субъективных впечатлений критика в метафорических координатах, причем на когнитивном уровне не исключена бытовая основа предмета переноса: **Расходящиеся трактовки хочется собрать в связку ключей, нанизать на подходящее концептуальное кольцо** (В. Пустовая о романе А. Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него»); **Вслушавшись, увидим, что в тесте повествования подмешаны былина, сказ, плач, байка (не ткань), жестокий романс и воровская песня, и, горстью изюма, — эпистолярный роман** (Т. Ризденко о книге В. Тучкова «Протяжные песни Среднерусской возвышенности»). На фоне жаргонизации критического дискурса авторы нередко позволяют себе иронично пошутить: **В одном флаконе у нас и целый веер жанров, из которых сплетены эти розановские короба: афоризмы, игра слов, дневник, юморески, парадоксы — и все их возможные родители, родственники и дети** (А. Чанцев). Термины родства привлечены здесь, с одной стороны, для компрессии, а с другой — ради проведения онтологических связей разного рода жанров, объединяемых эстетически общей формой.

Доминирующим средством акцентуации оценочного суждения посредством переноса выступают **метафоры чувственные**, транслирующие субъективное восприятие произведения или его элементов критиком и «задающие» конкретные направления для восприятия смысловой основы оценки.

Метафоры чувств и ощущений создают интерпретационное поле оценки через а) зрительное пространство той ситуации, в которую именно его, критика как читателя, переносит рецензируемое произведение: **Так настраивается оптика текста** (Е. Вежлян); **Первая часть миниатюры выглядит как абсурдистская иллюстрация к мифу** (А. Куляпин); б) осязательное пространство, часто с абстрактным смыслом: **Эти книги разогревают и плавят понятия, составляющие реестр человеческого самоописания** (В. Пустовая); в) слуховой канал восприятия: **Это негромкий голос, спокойный и очень убедительный** (В. Глебова — о Л. Юзефовиче); г) физиологическое со-

стояние: *иногда возникает острая нехватка Набокова в организме* (Д. Лебедева); д) синкретичное по модальности пространство: *Рассказ Андрея Баранова... будто сухой остаток выжатых эмоций, в который каждый может добавить каплю своего растворителя, оживив краски* (Ю. Серебрянский, редактор отдела прозы).

Критики абстрагируются от конкретного содержания, предлагая читателям ключ к концептуально важным смыслам через переход в иные когнитивные плоскости, призванный помочь им ярче представить, острее почувствовать атмосферу произведения, убедиться в неповторимости писательского варианта видения мира.

Не случайно при описании восприятия рецензируемого произведения критики часто прибегают к сравнениям, например: *«Будто меняется стадия сна, не кошмар, но некое странное, трудноопределимое сновидение затягивает в свои тени, не вырваться»*, — пишет А. Чанцев о книге Л. Наумова «Пловец Снов». В таких случаях концептуализируется не произведение как культурный продукт, а состояние пишущего рецензию при чтении. Критик-литературовед Е. Вежлян (псевдоним Е.И. Воробьевой) назвала это явление в современной критике языком «фиксации собственного “читательского иррационального”» [Воробьева 2018: 26]. Важно отметить, что чувственная интерпретация в рецензии реализуется через языковой материал, стилистически близкий к исходному. Можно сказать, что художественное бытие рецензируемого произведения определяет сознание пишущего критическую статью автора: нередко он сам «творит» свой мир, конструируя в своем тексте вторичную реальность. В этом случае характерной особенностью стиля критика становится своеобразная творческая имитация стиля писателя: книга и рецензия нередко оказываются «зеркальными близнецами», как выразилась о двух рецензируемых романах А. Сальникова критик В. Пустовая. Не столь категоричную, но близкую к ней трактовку высказывает в научной статье исследователь кинокритики: рецензия предполагает «взаимодействие как минимум двух стилевых планов — принадлежащих рецензенту с одной стороны и автору рассматриваемого произведения —

с другой» [Басовская 2018: 123]. Не удивительно, что воображение как часть речевой способности медиальности критика порождает факты субъективной интерпретации процесса чтения произведения как продукта художественной рецепции в символическом ключе: *читать... как смотреть на «работу по стеклу»* (М. Неаполитанский о книге Ш. Абдуллаева «Другой юг»); *Набранные последовательно, и как в гармонической гамме, наши эмоциональные составляющие выстраиваются в анатомический атлас страдания* (А. Аркатова о романе И. Кузнецовой «Изнанка», написанном «от лица коронавируса»).

Рефлексируя, критик, видимо, пытается дать какой-то «шифр» читателю (если, конечно, ориентируется на него, выходя из эгоцентричной позиции), тем самым задавая когнитивные рамки восприятия произведения. При этом оценка в таких концептуальных метафорах-аналогиях не эксплицируется, как и в следующем способе оценочной интерпретации текста, который также входит в группу интеллектуализирующих дискурсов средств.

3. **Перифрастические номинации** в критическом дискурсе профессиональных критиков создают особую коммуникативную ситуацию, апеллируя к пресуппозициям читателя, готового к декодированию множественных смыслов. *Почему же Советский период дан у Янева в ретроспективе и чуть ли не в качестве инфернальной пародии на Средневековье?* — задает себе вопрос автор статьи о романе Киора Янева «Время янтаря» В. Геронимус и подробно объясняет свою трактовку художественной идеи писателя. Прагматический эффект возникает благодаря ассоциативному полю, порождаемому в сознании воспринимающего речь субъекта. Информационный фонд позволит адресату декодировать выражение: в отличие от оценочных перифраз рекламного дискурса о книгах (например, *жемчужина магического реализма*), в критическом тексте данный прием служит цели семиотизации художественного мира, создаваемого писателем в его книге, и выступает эмоционально-оценочным приемом. Установлено, что посредством перифразирования критики а) раскрывают роль произведения

в сборнике: открывающая книгу история «*служит ей художественно-нравственным камертоном*» (Е. Сафронова); б) характеризуют направление творческого поиска: *алхимическая формула новой прозы* (В. Пустовая); в) передают оценку окололитературных событий: *издательский пул* (о присуждении литературных премий — Е. Вежлян) и т.д. В «сгущенном» виде результат концептуализации анализируемых произведений благодаря перифрастичности ярко представлен в некоторых заголовках критических разборов: *Время опоздать; Аутсайдер на острове; Разгадка зги загробной; Питомцы тамагочи; Триумф интроверта; Мухи, отделенные от котлет* и др. Факты этого порядка можно расценить и как приемы продвижения — прежде всего идею критика, его оценку, позицию.

Все рассмотренные интеллектуализированные способы оценочной концептуализации можно считать эстетически значимыми средствами вербализации оценки объекта (произведения), которые мы называем «сигналами эстетической информации» [Колесникова 2014: 102]. Как элементы лингвокреативных дискурсивных практик, такие средства «сигнализируют» о художественной ценности элемента медиаречи, в которой они объективируются, и переводят восприятие текста статьи или рецензии в режим распознавания особого знака языка, то есть служат средством идентификации дискурса как художественно преобразованного коммуникативно-речевого целого. Характеризуя художественную литературу как лингвокреативную деятельность и акцентируя эстетическую функцию языковой креативности, В. В. Фещенко опирается при этом на понятие индивидуального авторства; художественный дискурс трактуется им как результат «сознательного созидания художественного знака и художественного сообщения отдельным субъектом в соответствии с его концептуальным миром» [Фещенко 2021: 211]. Именно эти знаки служат отражению художественной рефлексии критика, далеко не всегда занимающего позицию эксперта, представляющего «плюсы» и «минусы» произведению. Автор-субъект современного медиадискурса главным образом пытается творчески воссоздать наи-

более значимые элементы текста через собственную интерпретацию прочитанного.

В «нехудожественной» области дискурса современной литературной профессиональной критики, по данным проанализированного материала, прежде всего, выделяются тексты с **сугубо личными реакциями автора статьи, с ярко выраженным авторским «я», откровенным субъективизмом** в оценочных интерпретациях предмета речи. Субъект дискурса часто оценивает произведение (его содержание и творческую манеру писателя) с точки зрения своих читательских интересов и потребностей, идеалов и целей, а не литературного процесса. Эта черта проявляется на фоне признаков разной степени влияния устной разговорной речи на профессиональный критический дискурс, включающий, по данным анализа, как литературные, так и нелитературные элементы, например, общий жаргон с доминированием молодежного, а также профессионализмы жаргонного характера. О стилистической сниженности речи, явно сближающей данный дискурс с его медийными «братьями» — непрофессиональными блог-текстами о книгах — свидетельствуют прежде всего жаргонизмы (*лидерка, авторка; зацепил один эпизод; феномен автофикшин, закольцовывая сюжет; пресловутая «чернушная» реалистичность; в разы больше...; глум*). Еще одна характерная черта — обилие внедряемых в контекст англоязычных слов с разной степенью терминованности; полужаргонные профессионализмы маркируют концептуализируемое культурное поле, придавая номинативной сфере актуальное звучание: *месседж книги, дисклеймер, дауншифтинг героя, флешбеки, спойлер, спойлерить* и др.

Жаргонизация придает дискурсу черты неофициального раскованного общения: оставаясь в поле критики как литературоведческого жанра, то есть в сфере книжной культуры, многие авторы «снимают» условности в передаче оценки, акцентируют особенности писательского метода в манере лишенного формальностей рассуждения. Приведем пример из текста «Критического сериала» ведущего аналитика раздела В. Пустовой. Говоря о «ехидном “Рюрике”» Анны Козловой, которую, заметим, на сайте «ЛитРес» представляют как ав-

тора ультрашоковой литературы¹, авторитетный критик отмечает: *Не сразу понимаешь, что это (насмешка) часть коммуникативной стратегии романа. Козлова провоцирует: злит, хамит, троллит, — вызывая первичную раскачку эмоций.*

Чаще всего стилистически сниженные вкрапления приносят в текст иронизирующую тональность: *Сюжет и, правда, крутой, полный кинематографической движухи* (Ю. Рудченко); *Широко взял автор* (Е. Фетисов); *...в кои-то веки перед нами роман, показывающий адекватное отношение к наркотикам, как к части повседневной жизни* (А. Коголовский), *маршрутка как символ тупикового отчаяния* (А. Аркатова), *здесь не надо нагонять количество знаков, чтобы забить ими роман* (М. Квадратов о мини-рассказах В. Харченко «Пылинки»), *в том числе в форме диалогизированной речи, например: «Ну, куда без идеологии, пишешь про перелом эпох, скажи четко, что раньше было ужасно, а теперь пре-красно, или наоборот* (М. Квадратов).

Языковые средства этого типа резко отличаются от описанных выше и выступают типичными показателями дискурса обыденной разговорной речи с признаками профессионального неформального общения. Отметим, что стилистическая неоднородность языка критического дискурса «задается» прочитанным произведением. Можно объяснить выбор оценочных фактов речи стилем и новациями новой прозы, которую представляет критик. В аналитическом контексте подобные факты оправданны — так, критически оценивая сатирический роман-памфлет Д. Кубракова «Ваня-Любаня в стране вежливых людей», В. Жучков в манере «новой критики» находит, за что похвалить писателя:

Если же читатель разбирается в современной повестке, удовольствие кратно возрастает, поскольку становится зрима актуальная стилистика гиперссылок и «пасхалок»,

в целом оставаясь «в унисоне» с очередным произведением «черного юмора» и представляя свой замечательный остроумный критический разбор с вполне адекватных и аргументированных позиций.

Результаты исследования

Все проанализированные тексты критических статей можно разделить на 2 категории, исходя из тональности изложения, формируемой стилистическими доминантами, а также с учетом прагматических установок их авторов. К первой категории относятся медиатексты, в которых авторы в стиле изложения, в основном, следуют традициям литературоведческого анализа (М. Бушева, Н. Подосокорский, Е. Фетисов, О. Балла-Гертман, М. Стеркина, О. Девш и многие другие). Их отличают четкость выражаемой мысли, прозрачность смысла, ясность высказываемых оценок, рациональные основания оценки, наличие стандартных номинаций терминологического поля критики. Авторы используют традиционный инструментарий: прямо обозначена тема оцениваемого произведения (*тема художника, тема личной вины*), мотив произведения (*мотив свободы*), лейтмотив, особенности построения (*«сквозной сюжет»*). При характеристике стиля, системы персонажей, жанра, содержания используется книжная лексика (*лаконизм, антономии, иммерсивность, мизогиния, вуайеризм, соответствующий габитус, коммуникативная стратегия автора, культурные коды, речевые характеристики персонажей исключительны, интеллигенция излома эпохи* т. д.). Замечены штампы профессиональной речи (*В романе сквозит надежда...; Красной линией через книгу проходит...; любовная линия; ... придают органичную целостность и др.*), но они не разрушают специфическую лингвоэстетику критической статьи.

Тексты второй категории чаще отражают черты иной языковой среды — современного медиадискурса, характеризуемого инновационным подходом к оцениванию литературных произведений, реализуемого в иных концептуальных рамках. К ним относятся рецензии авторов, подчеркнуто независимых от стилистических канонов создания критической статьи: В. Пустовой, М. Неаполитанского, П. Разумова, О. Скорлупкиной, А. Коголовского и многих других. Оценочность «развертывается», как правило, в чувственных метафорических полях, возникающих при передаче субъективных эмоций. Следует подчеркнуть,

что в них представлена рефлексия критика не столько на произведение в целом, сколько на процесс его чтения.

Статьи отличает достаточно изысканная ткань повествования и рассуждения, с частотными фактами метафорических репрезентаций авторских идей и концепций, которые нередко требуют усилий по дешифровке, например: *эстетизм двойной возгонки; ... в художественном схватывании часто доходят до невероятных скоростных режимов* (о современных авторах прозы).

Отдельное место в медийном критическом тексте «новой формации» занимает такой, на наш взгляд, инновационный прием передачи критической оценки, как **иносказательные формы выражения оценки в нарративном стиле**. Передачу интерпретации сюжетных форм рецензируемого произведения автор превращает в повествование «от себя»: он словно участвует в создании другой реальности, подобной создаваемой в оцениваемом произведении. В рефлексии рождается новый сюжет, но воспроизводится интонация оцениваемого текста. Такое воспроизведение можно назвать, как предлагает Е. Вежлян, «техникой», «объяснительной схемой», творческой имитацией авторского (писательского) решения.

Большой интерес представляет самоанализ этой особенности современного критического профессионального дискурса. В статье «О профессии критика» М. Галина рассуждает о трех видах критиков с разными установками: первыми движет желание рассказать людям о достойных книгах, вторые «хотят как-то анализировать текущий процесс», третьи хотят влиять на него (что возможно, по мнению Галиной, только «при очень мощной харизме»). Четвертый вид критиков, к которым автор относит себя, — «такой критик-аутист, который, если что-то понравилось, просто хочет посредством попыток понять, почему оно понравилось, как бы перечитать текст еще раз, встретиться с ним еще раз». Еще точнее излагает сущность позиции пишущего А. Пермяков в статье «О литературной критике»: *со стороны критика тут возникает не берклианский, а, скорее, буддистский такой подход: не существует отдельно солнца и человека, а существует человек, глядящий*

на солнце. Критика становится вторичным литературным творчеством, вдохновленным предшествующими ему произведениями искусства.

Можно говорить о доминировании в анализируемом дискурсе средства выражения определенного вида субъективности в языке. Вслед за Е. В. Падучевой, описавшей эгоцентрические валентности в речевом дискурсе с имплицитным говорящим, назовем участника исследуемой коммуникативной ситуации наблюдателем в «роли субъекта восприятия» [Падучева 2011: 7]. Элементы, которые указывают на его присутствие (детали, которые моделируют ситуацию наблюдения), расцениваются как сигналы эгоцентризма автора. Доминирование субъективизма обусловлено эгоцентрической позицией языковой личности нарратора: такие сигналы весьма характерны для развертывания субъективно-оценочного плана критических текстов. Заметим, что одной из этноспецифических характеристик коммуникативного поведения русскоговорящих авторов литературно-критических эссе можно считать, по мнению исследователей, «более выраженную эмоциональность, экспрессивность и импульсивность по сравнению с американскими монолингвами» [Нечаева 2014: 124]. Думается, именно эти черты объясняют элементы сниженности, которые свидетельствуют о продолжении расшатывания норм стиля канонического жанра литературно-критической статьи.

Безусловно, между данными категориями текстов, выделенными нами в зависимости от доминирования свойств традиционно-литературоведческого / инновационного характера оценочной концептуализации в критических медиатекстах, можно найти материал, содержащий элементы текстов как первой категории, так и второй. К ним можно отнести, на наш взгляд, колонки Е. Вежлян, М. Неаполитанского, Е. Фетисова, А. Чанцева, Д. Грицаенко и др.

Выводы

Дискурс-анализ одного из сегментов цифровой периодики на примере сайта журнала «Literratura» показал, что оценочная концептуализация литературных произведений служит продвижению ценностей книги и чтения. Изда-

ние выполняет миссию отечественных печатных «толстых» журналов, ушедших из поля зрения массового читателя. Можно говорить о следующих основных тенденциях развития языка профессионального критического дискурса в медийном пространстве, опираясь на выявленные особенности медиастилия критиков.

1. Взаимопроникновение дискурсов проявляется, в основном, в использовании элементов дискурсивных практик, характерных для трех разных типов дискурса: научного, художественного и разговорного.

2. Широкое распространение разнообразных фактов эмоционально-оценочной субъективации критического медиастилия в текстах статей и рецензий определяется влиянием повседневного дискурса и характеризуется эгоцентрической позицией медиальности автора.

3. Прагматилистические способы репрезентации позиции автора критического медиатекста зависят от выбранной роли интерпретатора: «аналитика» или «читателя». Носители оценки эстетически маркированы, причем выбор концептуально важных средств языка определяется либо близостью к традиционному критическому жанру периодики, либо доминированием субъективно-оценочных средств, часто отмеченных стилистической сниженностью.

Общим лингвомедийным признаком профессионального критического дискурса является интеллектуализация речевого выражения взглядов, мнений и суждения критика.

В «новом критическом медиатексте» способы оценочной концептуализации трансформируют акт чтения в эмоциональную коммуникацию, в которой отправитель сообщения (критик-рецензент) рассчитывает на аффективные реакции адресата — при условии, если он мыслится, а критический дискурс в поле литературы не превращается в автокоммуникацию с целью самовыражения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Об авторе // сайт «ЛитРес» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litres.ru/anna-kozlova/ob-avtore/> (дата обращения 21.02.2022)

ЛИТЕРАТУРА

Басовская 2018 — Басовская Е.Н. Жанр интернет-рецензии: взаимодействие стилиевых стихий. *Актуальные проблемы стилистики*. 2018, (4): 122–126.

Башкатова 2013 — Башкатова А.Г. *Литературная рецензия в контексте современных тенденций развития культуры*. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 300 с.

Величина, Семилет 2021 — Величина Е.А., Семилет Т.А. Специфика литературной критики в современном медиaprостранстве. *Медиаисследования*. 2021, (8): 11–17.

Воробьева 2018 — Воробьева Е.И. Современная литературная критика: новые медиа как фактор реабилитации читательских эмоций. В сб.: *Медиаизация культуры: конструирование новых текстов и практик: Материалы международной научной конференции, 30 ноября – 02 декабря 2018 г.* М. В. Ахметова (ред.). М.: Изд. дом «Неолит», 2018. С. 25–26.

Добросклонская 2020 — Добросклонская Т.Г. *Медиалингвистика: теория, методы, направления*. М.: «КДУ», «Добросвет», 2020. 180 с.

Ивченков 2019 — Ивченков В. И. Новые модели коммуникации и стилистические приоритеты современного медиадискурса. *Медиалингвистика*. 2019, 6 (1): 135–144.

Колесникова 2016 — Колесникова О.И. Медиакommunikация и читатель: аспекты речевого воздействия и взаимодействия. В кн.: Колесникова О. И. Русских Е. В. *Медиакоммуникация в сфере продвижения литературно-художественной книги: проблемы воздействия на читателя*. Киров: Науч. изд-во ВятГУ, 2016. С 10–110.

Колесникова 2014 — Колесникова О.И. Сигналы эстетической информации как факторы персуазивности в книжной рекламе. *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2014, (4): 100–108.

Метельков 2019 — Метельков А.С. Литературно-художественные журналы: комплексный взгляд на природу явления. *Текст. Книга. Книгоиздание*. 2019, (21): 129–142.

Молитвина 2016 — Молитвина Н.Н. Лингвостилистические особенности современной литературной рецензии. *Сибирский филологический журнал*. 2016, (3): 230–237.

Нечаева 2014 — Нечаева Н. В. Особенности речевого поведения авторов литературно-критических эссе – представителей русской и американской лингвокультуры. *Научное мнение*. 2014, (2): 117–124.

Падучева 2011 — Падучева Е. В. Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего. *Вопросы языкознания*. 2011, (3): 3–18.

Петрова, Морева 2014 — Петрова Н.Е., Морева А.Н. Прагматика современной литературной рецензии как разновидности медийного текста. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2014, 13 (6): 116–123.

Саенкова-Мельницкая 2018 — Саенкова-Мельницкая Л. П. Литературно-художественная критика в СМИ: изменение смысловых доминант и авторских стратегий. *Культура в фокусе научных парадигм*. 2018, (6): 152–158.

- Фещенко 2021 — Фещенко В.В. Лингвокреативность в художественном и научном дискурсах. В кн.: *Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности*. Москва: Р. Валент, С. 190–257.
- Шильникова, Белолипская 2019 — Шильникова О.Г., Белолипская Г.С. Литературно-художественный журнал: социокультурная миссия и функции в литературно-художественной коммуникации. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*. 2019, 18 (3): 262–275.
- Teplyashina, Pavlushkina 2017 — Teplyashina A.N., Pavlushkina N.A. Media criticism as a form of literary journalism: updating theoretical approaches to a meta-genre. *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*. 2017, 7: 283–310.
- REFERENCES**
- Basovskaya 2018 — Basovskaya E.N. Genre of Internet reviews: interaction of stylistic elements. *Aktual'nye problemy stilistiki*. 2018, (4): 122–126. (In Russian)
- Bashkatova 2013 — Bashkatova A.G. *Literary review in the context of modern trends in the development of culture*. Dis. ... Candidate of Philology sciences. M., 2013. 300 p. (In Russian)
- Velichkina, Semilet 2021 — Velichkina E.A., Semilet T.A. The specifics of literary criticism in the modern media space. *Mediaissledovaniia*. 2021, (8): 11–17. (In Russian)
- Vorobyova 2018 — Vorobyova E.I. Modern Literary criticism: New media as a factor of rehabilitation of readers' emotions. In: *Mediatizatsiia kul'tury: konstruirovaniie novykh tekstov i praktik: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 30 noiabria – 02 dekabria 2018 g.* M. V. Akhmetova (ed.). M.: Publishing House «Neolith», 2018. pp. 25–26. (In Russian)
- Dobrosklonskaya 2020 — Dobrosklonskaya T.G. *Media linguistics: theory, methods, directions*. M.: «KDU», «Dobrosvet», 2020. 180 p. (In Russian)
- Ivchenkov 2019 — Ivchenkov V.I. New communication models and stylistic priorities of modern media discourse. *Medialingvistika*. 2019, 6 (1): 135–144. (In Russian)
- Kolesnikova 2016 — Kolesnikova O.I. Media communication and the reader: aspects of speech influence and interaction. In: Kolesnikova O. I. Russian E. V. *Mediakommunikatsiia v sfere prodvizheniia literaturno-khudozhestvennoi knigi: problemy vozdeistviia na chitatelia*. Kirov: VyatGU Scientific Publishing House, 2016. P. 10–110. (In Russian)
- Kolesnikova 2014 — Kolesnikova O.I. Signals of aesthetic information as factors of persistence in book advertising. *Vestnik Viatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. 2014, (4): 100–108. (In Russian)
- Metelkov 2019 — Metelkov A.S. Literary and artistic journals: a comprehensive view of the nature of the phenomenon. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie*. 2019, (21): 129–142. (In Russian)
- Molitivina 2016 — Molitivina N. N. Linguistic and stylistic features of a modern literary review. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. 2016, (3): 230–237. (In Russian)
- Nechaeva 2014 — Nechaeva N. V. Features of speech behavior of authors of literary and critical essays - representatives of Russian and American linguistic cultures. *Nauchnoe mnenie*. 2014, (2): 117–124. (In Russian)
- Paducheva 2011 — Paducheva E. V. Egocentric valence and deconstruction of the speaker. *Voprosy iazykoznaniiia*. 2011, (3): 3–18. (In Russian)
- Petrova, Moreva 2014 — Petrova N.E., Moreva A.N. Pragmatics of modern literary review as a kind of media text. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Istoriia, filologiiia*. 2014, 13 (6): 116–123. (In Russian)
- Saenkova-Melnitskaya 2018 — Saenkova-Melnitskaya L.P. Literary and Artistic Criticism in the Media: Changing Semantic Dominants and Author's Strategies. *Kul'tura v fokuse nauchnykh paradigmat*. 2018, (6): 152–158. (In Russian)
- Feshchenko 2021 — Feshchenko V.V. Linguocreativity in artistic and scientific discourses. In: *Lingvokreativnost' v diskursakh raznykh tipov: Predely i vozmozhnosti*. Moscow: R. Valent. P. 190–257. (In Russian)
- Shilnikova, Belolipskaya 2019 — Shilnikova O.G., Belolipskaya G.S. Literary and Artistic Journal: Socio-cultural mission and functions in Literary and Artistic communication. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Iazykoznanie*. 2019, 18 (3): 262–275. (In Russian)
- Teplyashina, Pavlushkina 2017 — Teplyashina A.N., Pavlushkina N. A. Media criticism as a form of literary journalism: updating theoretical approaches to a meta-genre. *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*. 2017, 7: 283–310.

ДОМ КАК ЦЕНТР ПОЭТИЧЕСКОГО МИРА А. А. ТАРКОВСКОГО

OLGA A. TSARIOVA

HOME AS THE CENTER OF THE ARSENY TARKOVSKY'S POETIC WORLD

В данной статье рассматривается роль образа дома в поэтическом мире Арсения Тарковского. Именно концепция дома является ключевой для мировоззрения поэта и его поэтической картины мира. Все базовые поэтические позиции глубоко связаны с идеей жилища как места вдохновляющего, защищающего и раскрывающего глубинные связи лирического субъекта с миром. Мир, воссозданный поэтическим воображением А. Тарковского, — место бесприютное и небезопасное, поэтому дом становится особой ценностью. Необходимость найти точку опоры, почувствовать себя защищенным порождает поиск убежища и стремление создать вокруг себя пространство уюта.

В поэтическом мире А. Тарковского дом представлен в разных воплощениях. Функцию жилища выполняют разные здания, шалаш, гнездо. В определенном контексте роль дома берут на себя теплушка, гостиничный номер и больничная палата.

Но особое значение для субъекта имеет дом детства. Это место, с которым связаны лучшие воспоминания.

Наряду с поиском субъектом убежища и защиты от опасностей мира присутствует противоположное стремление, основанное на желании постигнуть мир, каким бы безжалостным и холодным он зачастую не виделся одинокому и потерявшему человеку, сделать его своим, родным и «домашним». Лирическим субъектом владеют два желания: восстановить и сохранить утраченный мир счастья и любви в прошлом, и, дойдя до сущности мироздания, найти истоки гармонии в мире настоящем и реальном. И именно образ дома становится духовным центром, который позволяет объединить разные пласты поэтического мироздания и примирить субъекта с миром.

Ключевые слова: Лирический субъект, образ дома, Арсений Тарковский, поэтический мир, философия дома и бездомности.

**Ольга Александровна
Царёва**

Преподаватель русского языка
и литературы

► eliana.amalia@mail.ru

ГБОУ СОШ 318 с углубленным изучением
итальянского языка

г. Санкт-Петербург,
ул. Будапештская, 64, корп. 2

Olga A. Tsariova

The State Budgetary Educational institution
"The Secondary School 318"

64/2, Budapeshtskaya Street,
Saint-Petersburg, 192286

The article explores the role of "home" notion and image in the poetic world of Arseny Tarkovsky. The conception of the house is the key one to the poet's worldview and his map of the world. All the basic poetic positions are deeply connected with the idea of dwelling place as the most inspirational and guarding, revealing initial connections of the lyrical subject with this world. The world recreated by the poetic imagination of Arseny Tarkovsky is a lonely and dangerous place, so the notion of home becomes a special value. The need to find strong foothold and safety provokes search for asylum and pursuit for some kind of person's cozy fortress.

In the poetic world of A. Tarkovsky, the home is presented in different incarnations. The function of the dwelling is performed by various buildings, a hut, a nest. In a certain context, the role of the house is assumed by a heated freight car, a hotel room, or a hospital ward. But the crucial role for the poet plays the home of his childhood, which is the place with which all the best remembrances are connected.

Along with quest for cover from all the world's dangers, there is an opposite pursuit, based on wish to understand this world, no matter how ruthless and cold it looks to a lonely and lost man, the wish to make this world "your native home." So the lyrical subject is haunted by two wishes: to restore and keep lost world of love and happiness in the past and, when reaching

the essence of the universe, just find the origins of harmony in the world present and real. The image of home becomes spiritual core unifying different layers of the poetic universe to make peace with this world.

Key words: lyrical subject, image of the home, Arseny Tarkovsky, poetic world, philosophy of home and homelessness.

Введение

Для феноменологического и литературоведческого исследования глубинных ценностей и смыслов замкнутого поэтического пространства дом представляет определенную привилегированную, сакральную сущность. Это одна из самых мощных сил, интегрирующих чувства, мысли, воспоминания, мечты, чаяния человека, и связующим принципом этой интеграции является воображение. Для личности пространство дома исключительно притягательно, оно переживается человеком со всей страстью, на которое способно наше воображение. Воспоминания о внешнем мире никогда не имеют такой эмоциональной тональности, какая свойственна воспоминаниям о доме: они нас волнуют больше, чем можно предположить. Дом обладает необыкновенной психологической и смысловой емкостью: вокруг него формируется множество образов, и картин, связанных с ощущением уюта, тепла и защищенности.

Дом как концепт, вбирающий в себя огромное количество ассоциаций, часто становился объектом исследований в области философии, психологии, филологии.

Целью настоящего исследования является рассмотрение образа дома во всех его ипостасях в поэтическом мире Арсения Тарковского, а также функций и коннотаций, которыми этот образ наделен. Чтобы наиболее полно раскрыть внутреннюю структуру данного образа и его место в картине мира Тарковского, необходимо рассмотреть способы конкретного воплощения в текстах, а также соотносимость данного «домашнего» концепта с другими пространственными образами и символами.

Методология. Методы исследования обусловлены поставленными целями и задачами. Они также определяются опытом, который был накоплен литературоведением при изучении поэтического текста. В работе использо-

вались такие методы анализа, как образный, мотивный, сравнительно-сопоставительный, функционально-типологический, а также элементы целостного анализа лирического стихотворения.

Обсуждение и результаты. Образ дома, несомненно, является одним из центральных, ключевых в творчестве А. Тарковского. Об этом свидетельствует частотность его использования. Даже поверхностный взгляд на заголовки текстов показывает, насколько часто поэт обращается к данному образу и как внимательно и глубоко фокусирует на них внимание: «Дом», «Дом напротив», «Дом без жильцов заснул...», «Новоселье», «Был домик в три оконца...», «Живите в доме, — и не рухнет дом...» и многие произведения, по названиям которых очевидно, что рассматриваемый образ является в них центральным. Сюда же примыкают произведения, в которых «домашняя» тема является одной из важных, сопутствующей.

Дом предстает в творчестве Тарковского как целостно, так и в виде отдельных, разрозненных образов. Сразу необходимо отметить, что не во всех текстах упоминание тех или иных бытовых подробностей, которые можно считать маркерами жилого пространства, имеет отношение к идейному содержанию и символическому наполнению стихотворения. Часто обозначенность места действия является самоцелью. Например, стихотворение «Перед листопадом»:

Только осталась мне самая малость
Шороха осени в доме моем...

[Тарковский 1991: 27]

Образ дома создается в контексте творчества Тарковского эксплицитно и метонимически имплицитно. В первом случае дом обозначается с помощью непосредственного очерчивания пространства на лексико-тематическом уровне: дом, комната, коридор.

Тарковский не стремится подробно воссоздать ни внешний облик возникающих в его стихах домов, ни внутреннее убранство. Внешние контуры, с помощью которых дом вписан в окру-

жающий ландшафт, условны. Поэту важно обозначить границу перехода, констатировать факт наличия двух соприкасающихся пространств, которые разным образом взаимодействуют между собой.

Что касается внутреннего обустройства, поэт чаще всего ограничивается двумя-тремя деталями. Читатель, чье воображение стимулируется поэтическими грезами, может и должен «обустроить» предлагаемое ему жилище по собственному вкусу и желанию, согласно своему опыту, воспоминаниям и представлениям.

Во втором случае исследуемый нами образ можно воссоздать по разного рода метонимическим художественным деталям, имеющим отношение к дому, интерьеру: крыша, дверь, окно, ворота, стол. Например, в стихотворениях «Позднее наследство» и «Ночной дождь»,

Рдеет занавеска
В прорези окна

[Тарковский 1991: 31]

И дождь всю ночь стучит о крышу,
Как и тогда стучал всю ночь.

[Тарковский 1991: 36]

Одна конкретная деталь позволяет герою перенестись из невыносимой для него реальности настоящего в прошлое. Эта деталь специфична, так как проводником в прошлое становится не материальный образ, который рождает воспоминание, а звук, возникающий в результате взаимодействия мира дома, образ которого свернут в одну деталь, с миром природы (дождь). Именно этот момент взаимодействия внутреннего и внешнего, нахождения на грани между пространствами становится ключевым и раскрывает замысел автора. Таким образом, дом становится переходным пространством между хронотопами, своего рода проводником.

Дом может выполнять различные функции в поэтическом мире Тарковского и выступать в разных ипостасях.

Во-первых, образ дома используется автором по своему прямому назначению. Это жилище,

место обитания лирического субъекта или персонажа. Жилище может быть и деревенский дом, и городская квартира, комната, абстрактный дом без указания подробностей, некое обжитое пространство с привычными предметами. В таких случаях дом становится местом, в котором происходят события, или частью антуража, ландшафта. В текстах Тарковского появляются совершенно различные жилые помещения, дома разных периодов его жизни, маркированные по-разному с временной точки зрения. Единый комплекс мыслей и ассоциаций формирует образ дома. Границы отдельных сегментов пространства становятся взаимопроницаемыми и тем самым образует единый символический контекст.

Именно в текстах, где образ дома представлен имплицитно-метонимически можно заметить, что больше внутреннего убранства дома автора интересуют его границы с внешним миром — окна, двери, ворота. Мотив перехода из одного пространственного поля в другое становится ключевым. Этот мотив связан с процессом познания. Стены дома — это стены «я», сквозь которые (с помощью окон и дверей) поэт видит мир, таким образом границы дома становятся своего рода призмой, делающей реальность личностной и субъективной. Но одновременно такой способ осматривания ограничивает обзор и искажает взгляд, поэтому стремится поэт к разрушению, стиранию границ, идея домашнего очага не уничтожается, напротив она культивируется, но пространство дома должно расшириться и вместить в себя мир.

Дом-субъект. Он имеет антропоморфную структуру, становится своего рода зеркалом для лирического субъекта, его внутреннего мира. Он отражает общий строй его души, кроме того, принимает некоторые черты человеческого облика, человеческие привычки. Самой важной точкой соприкосновения является наличие и у человека, и у дома внешнего облика и внутреннего мира. У дома есть свои воспоминания, мысли, чувства, но они напрямую зависят от внутреннего мира хозяина, что налагает на человека ответственность за реальность, на которую он оказывает влияние.

Наиболее пронзительно мотив «живого» дома звучит в стихотворении «Дом напротив», в котором описание «старого деревянного дома» обнажает душу этого жилища:

Остались в доме сны, воспоминанья,
Забывшие надежды и желанья.
Сруб разобрали, бревна увезли.
Но ни шаг от милой им земли
Не отходили призраки былого,
И про рябину пели песню снова...
[Тарковский 1991: 178]

Дом остается субъектом, существом, имеющим дух и плоть. Дом для поэта — не только материя, физический предмет, стены и окна, это еще и одухотворенная материя, он способен мыслить и чувствовать, правда, эти мысли и чувства переходят от человека в окружающее пространство. В этом смысле дом неразрывно связан со своими обитателями, даже если они покидают его.

Таким образом, в мире Тарковского мир есть отражение субъектного начала, а дом — сердцевина, внутренний мир субъекта. На образ дома переносятся черты и особенности внешней и внутренней жизни человека. Дом обживается человеком и воспринимает от него способность любить, страдать, чувствовать, мыслить.

Представления Тарковского о глубинных отношениях духовного и материального аспекта в феномене дома находятся в центре внимания поэта. Поэт озвучивает мысль о существовании внутренней, потусторонней жизни дома, инициированной присутствием в нем людей, но более от этих людей не зависящей. Дом продолжает жить собственной жизнью даже после отъезда из него хозяев и разрушения.

Похожая мысль развивается в стихотворении «Здесь дом стоял...». Факт трагической гибели во время войны ребенка и старика репрезентирован не напрямую, несколько остраненно. Обозначены люди, которые жили в уничтоженном доме, названа причина смерти — «бомба сто кило». Поэт ставит читателя перед ужасающим фактом, который невозможно проигнори-

ровать. Но в тексте этот факт окружен детально описанной домашней утварью:

Куча серых тряпок, на ней самовар,
Шкафчик, рядом лошадь.
[Тарковский 2015: 406].

Таким образом достигается максимальный эффект воздействия на читателя. В этих вещах сохранилась та жизнь, которая была насильственно оборвана, но ее отголоски остались в предметах. Здесь навсегда поселятся бедные духи войны — констатирует поэт. Вещи, составляющий внутренний уклад дома, становятся проводниками духа из мира потустороннего в мир реальный.

Не только человеческие жилища присутствуют в поэтическом ландшафте Тарковского. Дома, убежища, пространства покоя и относительной безопасности есть также у птиц, зверей, насекомых. Особенно внимателен поэт к «домам» птиц, то есть гнездам.

Гнездо пробуждает в человеке мечты о защищенности и покое, хотя и является с объективной точки зрения вещью хрупкой. В этом есть противоречие, что является типичным для полных парадоксов мира поэта.

В поэтическом мире Тарковского образ дома-гнезда используется в привычном значении, о чем свидетельствует расхожая формулировка «семейное гнездо». Также фразеологизм «свить гнездо» появляется в стихотворении «Сколько листы надело...» в прямом значении «обосноваться», но в совершенно непривычном контексте. С идеей уюта птичьего гнезда связана и важная для поэта концепция жизни, спасительной и великодушной к субъекту.

Даже далеко отходя, на первый взгляд, от собственных онирических переживаний, поэт продолжает мыслить образами, связанными с темой жилища, в данном случае птичьего. Обретение/создание дома, как укромного уголка в необъятном, порой пугающе-опасном мире — это путь, который проходят все формы жизни. Будь то человек, мифологический герой, животное в физическом воплощении или даже жизнь идеи в духовной плоскости.

Появляется этот образ всегда в поэтической ситуации, сопряженной с вечной борьбой всего живого за жизнь, с проявлением мужества перед лицом испытаний, которые постоянно приходится преодолевать каждому живому существу. Посредством этого образа поэт сталкивает с судьбой обитателей мира природы, подчеркивая, что и над ними постоянно довлеет рок. Этим роком является сама природа с ее жестокими законами.

Например, в зловещей сказке-стихотворении «Серебряные руки» гнездо становится мишенью для судьбы:

Птичьи гнезда и сучки сухие
Обирает поверху судьба.

[Тарковский 1991: 31]

Гнездо стоит в одном ряду с сухими сучьями. Этим подчеркивается его хрупкость. Жилище, которое птицы создают кропотливым трудом, на самом деле может быть уничтожено в любой момент. Сопоставление созданного живыми существами дома для защиты, сохранения жизни с засохшими сучьями, в которых нет жизни, выявляет и подчеркивает незащищенность перед судьбой всего хрупкого и недолговечного. Судьба никак не персонифицирована, она представлена в виде безличной силы, вершащей бессмысленное уничтожение.

Так мир в понимании Тарковского — место, полное тревог, несправедливости, жестокого равнодушия первым, прямым и важнейшим предназначением дома в поэтическом мире Тарковского является его способность выполнять функцию убежища.

Это может быть дом, комната, шалаш, гостиничный номер, теплушка, вокзал, греческая кофейня. Все эти помещения в определенном контексте наделяются необходимыми характеристиками (субъективные ощущения безопасности, тепла и уюта), позволяющими отнести их к временным или постоянным жилищам. Например, в стихотворении «Хорошо мне в теплушке...». В условиях разрушенного мира, в котором сбиты все ориентиры и уничтожены те точки в пространственно-временном поле, благодаря которым человек на-

ходит в себе силы мыслить, чувствовать, любить, помнить, не может существовать дом, как образно-смысловой комплекс в полном смысле этого понятия. Так как дом в сложном и тонко устроенном мире является духовным центром, при его разрушении или утрате личность оказывается угнетена и почти уничтожена. Поэтому пространство, в какой-то степени сохраняющее те или иные «домашние» маркеры, оставляет за собой лишь самые простые свои функции — формальное физическое укрытие от внешнего мира, сомнительное ощущение безопасности, тепла и уюта, ибо никакие другие функции человеком, лишенным всего, оказываются не востребуемыми, все надежды, желания и стремления атрофированы:

Хорошо мне в теплушке
Тут бы век вековать

[Тарковский 1991: 124]

В этом стихотворении представлена в совершенно новом ключе уже ставшая привычной парадигма «дом (обычно детства) — рай». Оба элемента этой парадигмы присутствуют в тексте и названы непосредственно.

Да, теплушка не может быть пристанищем духа, но для человека, павшего духом, потерявшего связь с собой, этот дом на колесах, движущаяся точка в пространстве, переходный участок жизненного пути, плоскость небытия становится раем. Из этой зоны небытия есть только два выхода «на фронт» или «домой», но ни один из них не представляется лирическому субъекту желанным.

Особенно пронзительно звучит нота любви к дому, когда она сопряжена с мотивами бездомности и изгнанничества.

Способность оберегать и защищать реализуется любым пространством, ограниченным какими-то стенами, с помощью которой автор отгораживает субъекта от мира. Здесь всегда присутствует оппозиция пространства жилого, безопасного, дарящего ощущение уюта и тепла, и мира враждебного. Парадоксально этот факт подтверждается тем, что в мире Тарковского нет ни одного неуютного дома: все дома в разной степени выполняют свои главные функции: защищать и дарить покой.

Но особое место в мире Тарковского занимают дома, с которыми связаны воспоминания о ничем не нарушаемом счастье. Такое пространство превращается в духовное пристанище, своеобразный духовный музей, где человек хранит образы, всецело принадлежащие только ему: образы дорогой и сокровенной жизни. Следовательно, это пространство ценно как место нашего уединения и нашего одиночества. Образы, связанные с домашней жизнью, даруют личности иллюзию устойчивости, они идентифицируют человека, открывают для него сокровища прошлого, память о других домах, в которых он был счастлив. Единство фантазий и воспоминаний создает образы, которые идентифицирует внутренний мир человека в его предельных ценностях. Считается, что первый дом — это мечта (для Тарковского таковым является дом детства), а последний — это размышления. Но и эти размышления неотделимы от воображения, которое «связывает» прошлое, настоящее и будущее. Образы дома внушают чувство устойчивости. Но это уже другой поэтический образ — художественный, связанный с творческим воплощением. Этот образ создает новую реальность, выражает новую сущность, он возвращает к истинному бытию.

Дом предстает средоточием ярких вспышек воображения субъекта, высвечивающих синтез воспоминаний и того, что лежит вне памяти. Субъект одновременно рисует картины, которые имели место быть в реальности, но представлены они в преломленном свете художественного восприятия. Кроме предметов, которые маркируют пространство жилища, закрепляя его тем самым в определенном временном пласте, как это происходит в стихотворении «Вещи», поэт часто апеллирует к некоему иллюзорному пространству, переместившись в которое, субъект возвращается к истокам, к своему глубинному «я», к ощущениям, которые находятся вне сознания и непосредственных воспоминаний.

Так тексты о доме детства полны бытовых и культурных деталей и намеков. Автору важно создать не просто обобщенный образ счастливого детства, домашнего пространства, наполненного счастьем, ему важно конкретизировать этот об-

раз, воспроизвести быт, привычки, дорогие сердцу мелочи, отношения конкретной семьи.

Наполненный счастьем и теплом дом детства немислим без домочадцев, создающих особую атмосферу. Пространство дома символически разделено между отцом и матерью. Каждый из них выводит дом в свою плоскость: отец — рационально-интеллектуальную, мать — иррационально-чувственную.

История детства в целом осмыслена через духовное родовое наследие субъекта — материнское и отцовское. [Тарковская 1999: 46] В детской реальности А. Тарковского нет привычного для многих поэтов, создающих концепцию познания мира сквозь призму младенческого, первозданного восприятия, противопоставления матери и отца. Оба они вносят в мир ребенка свое, но их миры, бесконфликтно сосуществуя, живут по разным, не зависящим друг от друга законам. Материнское начало растворено повсюду и отвечает за эмпирическое постижение реальности. Отцовское сконцентрировано в интеллектуальной, рассудочной сфере. Отец — фигура статичная. Активно он живет только в пространстве внутреннего мира. Это мысли, воспоминания. Внешняя статичность восполняется внутренней, богатой, разнообразной, напряженной работой:

Зато у отца, как в Сибири у ссыльного,
 Был плед Гарибальди и Герцен под локтем.
 [Тарковский 1991: 290]

С матерью связана прихотливая, яркая картина детства, домашняя атмосфера, сотканная из запахов, цветов, неосознанных ощущений и эмоций:

У матери пахло спиртовкой, фиалкою,
 Лиловой накидкой в шкафу, на распялке...
 [Тарковский 1991: 290]

Как истинная хозяйка дома, именно мать задает общий тон и создает индивидуальную домашнюю атмосферу, Поэт подводит итог, сводя все детские впечатления к двум ключам и к образу матери, и к эпохе в целом:

Все детство мое, по-блаженному жалкое,
В горящей спиртовке и пармской фиалке...
[Тарковский 1991: 290]

В творчестве Тарковского в идиллическом звучании дом как образ семейного уюта и гармонического порядка, радостей любви и дружбы выступает в статусе утраченной ценности.

Образ дома (особенно дома детства, который позже трансформируется в образ гораздо более абстрактный, менее эмоционально, но более рационально, мистически и философски насыщенный) детализирован, описания, связанные с детскими годами, сохраняют множество милых сердцу автора бытовых мелочей и субъективных впечатлений [Мансков 2001: 68]. Но стремлению уйти от мира и закрыться от враждебных бурь и ветров в этом «маленьком рае» автор противопоставляет желание постигнуть мир, избавиться от страха передним. [Касавин 1997: 82] Лирическим субъектом владеют два желания: восстановить и сохранить утраченный мир счастья и любви в прошлом, и, дойдя до сущности мироздания, найти истоки гармонии в мире настоящем и реальном. Даже отбрасывая страх и находя в себе мужество не искать убежище, субъект не готов отказаться от концепта дома, организующего его реальность. Концепт не отбрасывается, а трансформируется.

Материальный облик жилища, воссоздаваемый путем обозначения конкретных бытовых деталей, перестает быть важным для поэта, на первый план выходит обобщенный образ, либо в более широком смысле некое пространство, необязательно заключенное в рамки стен и окон, атмосфера которого соответствует представлению о домашнем уюте. Тогда в качестве «дома» может выступать и лес, и степь, и природа в целом, к которым поэт обращается за поддержкой, помощью и опорой, пространство, находящееся в оппозиции к миру, окружающему субъекта и не удовлетворяющему его как поэта и как личность.

Обретение дома предполагает собирание внешнего пространства в образные «сгустки», улы, благодаря которым пространство преоб-

разуется, трансформируется во внутреннее, более приватное и «теплое». Пространство дома — плотное, насыщенное множеством прямых и скрытых, явных и полузабытых, бессознательных смыслов, знаков и символов. Дом становится окончательно своим, когда, наконец, создается прочный образ дома, связывающий воедино внутренние и внешние пространства человека, семьи или сообщества.

С архетипом дома в вышеназванном аспекте неразрывно связан архетип дороги, он примыкает к нему и в смысловом, и в пространственном отношении. Обретение, построение и утрата, потеря собственного дома, уход из родного дома и возвращение домой, дом неподвижный, как бы въевшийся в дорогое место, и дом кочевой, передвижной, дом в дороге — вот наиболее известные архетипические оппозиции, порождающие устойчивое и расширяющееся пространство все новых смыслов, символов, мифов и образов. На первый взгляд, эти оппозиции неравновесные, асимметричные — дом, казалось бы, гораздо более «весомый» образ-архетип; это, видимо, так и есть, однако дорога (или путь) — это та несущая образная конструкция, без которой и сам образ дома становится неполноценным, ущербным, «убыточным». Только дом, «прорастающий» в мир, отказывающийся от собственных границ способен стать источником гармонии.

Не только концепт дома, но и концепция бездомности осмысливается Тарковским. Бездомность — особая философская категория в его поэтическом мире. Несколько раз повторяется слово «бездомный». Вместо привычного «бездомный» устаревшее и просторечное, тем самым привлекающее внимание читателя, слово постоянно возвращает его к оппозиции «дом» — «не дом».

Этот эпитет встречается в стихотворении, насквозь проникнутым ощущением бездомности, «Хорошо мне в теплушке...» и в одном из текстов «ахматовского» цикла.

Брать крутой кипяток —
Бездомный напиток

[Тарковский 1991: 124]

Проживание ощущения дома и бездомности в цикле, посвященном памяти А. Ахматовой, представляется логичным. [Бак 2005: 271–281] Одной из ярчайших черт личности Ахматовой, по свидетельствам современников, была ее «бездомность», заключающаяся как в вынужденном неимении собственного жилища, так и в отсутствии привязанности к вещам, равнодушии к быту. Это отражено Корнеем Чуковским: «... она была бездомной кочевницей... Даже в юные годы, в годы краткого своего «процветания», жила без громоздких шкафов и комодов, зачастую даже без письменного стола... Вокруг нее не было никакого комфорта, и я не помню в ее жизни такого периода, когда окружавшая ее обстановка могла бы назваться уютной.

Самые эти слова «обстановка», «уют», «комфорт» были ей органически чужды — и в жизни, и в созданной ею поэзии. И в жизни, и в поэзии Ахматова была чаще всего неприютна. ... Не расставалась она только с такими вещами, в которых была запечатлена для нее память сердца». [Виленкин, Черных 1991: 49] Исследованию места образа дома и концепции бездомности в творчестве Анны Ахматовой посвящена также статья Л. Г. Кихней. [Кихней 2004: 198–204]

Тарковский не мог не знать о равнодушии Ахматовой к миру материального, так как входил в круг ее друзей. В цикле памяти эта черта навязчиво обыгрывается в трех текстах из шести. Таким образом, личность Ахматовой включена в одну из важнейших для Тарковского парадигм, становясь в один ряд с Григорием Сковородой, который мог чувствовать себя уютно и безопасно, не имея спасительного укрытия. Это высшая степень развития духа, по мнению Тарковского.

Субъект же, напротив, предстает мечтателем, который грезит об очаге, и воображение открывает ему область, лежащую за пределами самого раннего пласта памяти. Автор рисует перед нами не только картины конкретных событий, людей и мест, которые четко и последовательно воспроизводятся в его памяти. Дом — это опора субъекта в испытаниях, ненастьях, бурях житейских.

Фазиль Искандер в статье «Размышления писателя», выделяя архетип дома, как один из ключевых, основополагающих в художественном мире того или иного творца, делит литературу на «литературу дома» («литература достигнутой гармонии») и «литература бездомья» (литература тоски по гармонии). Искандер пишет: «Литература дома имеет ту простую человеческую особенность, что рядом с ее героями хотелось бы жить, мы под крышей дружеского дома, ты укрыт от мировых бурь, ты рядом с доброжелательными, милыми хозяевами. И здесь в гостеприимном и уютном доме ты можешь с хозяином поразмышлять и о судьбах мира, и о действиях мировых бурь.

Литература бездомья не имеет стен, она открыта мировым бурям, она как бы испытывает тебя в условиях настоящей трагедии, ты заморожен, затянут видением бездны жизни, но всегда жить рядом с этой бездной ты не хочешь». Далее Ф. Искандер подчеркивает, что процесс детализации поэтического пространства и предметная насыщенности в большей степени актуальны для «литературы дома». [Искандер 1999: 342–434]

Это противопоставление не столь однозначно, оно основывается в большей степени на субъективных впечатлениях, нежели на четких критериях, поэтому невозможно говорить об однозначном разделении поэтов на эти две группы. Для творчества Тарковского характерны черты как первого, так и второго способа построения образного ряда, связанного с «домашней» символикой.

Дом — это нечто невесомое, открытое ветрам всех времен, субстанция, которая вечна и способна материализоваться в любом времени и в любом пространстве, соединять разные хронотопы, служить проводником в реальности, которые дороги субъекту, но физически для него недоступны. [Башляр 2020: 32] Дом как абсолют дарит субъекту ощущение защищенности и мужество отказаться от поиска убежища, в котором можно спрятаться от реальности, и превратить весь мир в домашнее пространство.

Выводы

Дом в поэтическом мире Тарковского занимает центральное место, так как является, во-первых,

источником гармонии, во-вторых, убежищем, в котором можно укрыться от опасностей мира.

Особое значение имеет для лирического субъекта дом детства, пространство, являющееся средоточием счастливых моментов, светлых воспоминаний.

Концепт дома не ограничивается физическим, реальным воплощением, он «вырастает» в поэтическом мире Тарковского в абсолют, связывающий внутренний мир с внешней реальностью, разные временные пласты и пространственные области.

ЛИТЕРАТУРА

- Бак 2005 — Бак Д. «Ахматовский цикл» Арсения Тарковского: к истории текста. *Контрапункт*. М., 2005. С. 271–281.
- Башляр 2020 — Башляр Г. *Поэтика пространства*. М., Ad Marginem, 2020. 320 с.
- Касавин 1997 — Касавин И. Т. «Человек мигрирующий»: онтология пути и местности. *Вопросы философии*. 1997, (7): 74–84.
- Кихней 2004 — Кихней Л. Г. *Локус «дома» в лирической системе Анны Ахматовой. Восток-Запад: Пространство русской литературы*. Волгоград: Перемена, 2004. с. 198–204.
- Мансков 2001 — Мансков С. А. Предметный мир поэзии Арсения Тарковского. *Вестник Барнаульского гос. пед. ун-та. Серия Гуман. науки*. Барнаул, 2001. № 1. С. 63–69.

ИСТОЧНИКИ

- Виленкин, Черных 1991 — Виленкин В. Я., Черных В. А. (ред.). *Воспоминания об Анне Ахматовой*. М., Советский писатель, 1991. 720 с.
- Искандер 1999 — Искандер Ф. *Ласточкино гнездо. Проза, поэзия, публицистика*. М., Фортунa Лимитед, 1999. 435 с.
- Тарковская 1999 — Тарковская М. *Осколки зеркала*. М.: Дедалус, 1999. 284 с.
- Тарковский 1991 — Тарковский А. *Собрание сочинений*. В 3 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1991. 462 с.
- Тарковский 2015 — Тарковский А. А. *Стихотворения и поэмы*. М., 2015. 512 с.

REFERENCES

- Bak 2005 — Bak D. «*Akhmatov cycle*» Arseniy Tarkovsky: to the history of the text *Kontrapunkt*. Moscow, 2005. P. 271–281.
- Bashlyar 2020 — Bashlyar G. *Poetics of space*. Moscow, Ad Marginem, 2020. 320 p.
- Kasavin 1997 — Kasavin I. T. «Man migrating»: ontology of path and terrain. *Voprosy filosofii*. 1997, (7): 74–84.
- Kikhney 2004 — Kikhney L. G. *Locus of «home» in the lyrical system of Anna Akhmatova. Vostok-Zapad: Prostranstvo russkoy literatury*. Volgograd: Peremena, 2004. P. 198–204
- Manskov 2001 — Manskov S. A. The Object World of Arseniy Tarkovsky's Poetry. *Vestnik Barnaul'skogo gos. ped. un-ta. Seriya Guman. nauki*. Barnaul, 2001, (1): 63–69.

SOURCES

- Виленкин, Черных 1991 — Vilenkin V. Ia., Chernyh V. A. *Memories of Anna Akhmatova*. Moscow, Sovetskiy pisatel', 1991. 720 p.
- Искандер 1999 — Iskander F. *The swallow nest. Prose, poetry, journalism*. Moscow, Fortuna Limited, 1999. 435 p.
- Тарковская 1999 — Tarkovskaya M. *Mirror shards*. Moscow: Dedalus, 1999. 284 p.
- Тарковский 1991 — Tarkovskiy A. *Collected Works*. V. 1. Moscow: Khudozh. lit., 1991. 462 p.
- Тарковский 2015 — Tarkovskiy A. A. *Poems*. Moscow., 2015. 512 p.

АНАЛИЗ ЖАНРОВОЙ ПРИРОДЫ ТВОРЧЕСТВА В.В.РОЗАНОВА НА ФОНЕ РАЗВИТИЯ ТЕКСТОВ ИНТЕРНЕТ-СРЕДЫ

DARIA V. KOLESOVA, WANG HUI
ANALYSIS OF THE GENRE NATURE OF VASILY ROZANOV'S WORKS
AGAINST THE BACKGROUND OF THE DEVELOPMENT OF THE INTERNET TEXTS

Данная статья посвящена анализу жанровой природы творчества В.В. Розанова на фоне развития текстов интернет-среды с точки зрения китайского русиста. Материалом статьи послужили художественно-философская трилогия В.В. Розанова: «Уединенное», «Опавшие листья» (короб первый, второй) и блоги в социальных сетях. Сравнительный анализ некоторых жанрообразующих признаков творчества В.В. Розанова и текстов интернет-среды, таких, как темы, композиция, стиль речи, образ автора, коммуникативная цель и др., демонстрирует ряд сходств и различий. Описание частной жизни и мимолетных моментов, фрагментарно-ассоциативный тип повествования, разговорный тон, сочетание разных аппаратов восприятия, диалогичность эффекта творчества, сильное проявление авторского «я» и другие сходства делают жанры текстов Розанова близкими к текстам интернет-среды, в чем проявляется новаторство и предвосхищение будущего и почему можно назвать его первым «блогером» до эпохи Интернета. Тем не менее различия между образцами его творчества и текстами в интернете также имеют место, в чем как раз проявляется принадлежность текстов Розанова художественной культуре, а не сиюминутной злобе дня. Жанры интернета являются результатом развития современных технологий и, в основном, нацелены на самопрезентацию, обсуждение гипертемы «я», творчество, самоидентификацию, сплочение и удержание общественных связей, распространение информации и т.д. Трилогия же Розанова имеет другие основания. Как сторонник творчества «до Гутенберга», автор считал, что «литература (печать) прищемила у человека самолюбие». Он писал только «для себя». Таким образом, Розанов является и «антиблогером». И в результате «вся литература моя как-то некрасива», зато «моя». Как нам видится, одна из значительных ценностей Розанова в том, что он является примером для современных людей, попавших под влияние материальных ценностей, помогая оценить свою реальную жизнь, уча делиться настоящим «я» и описывать мгновенное движение своей души, и таким образом, в частности, оказывая глубокое влияние на здоровое развитие онлайн-коммуникации.

Ключевые слова: художественно-философская трилогия; В.В. Розанов; тексты интернет-среды; темы; композиция; стиль речи; образ автора; коммуникативная цель.

This article is devoted to the analysis of the genre nature of Vasily Rozanov's works against the background of the development of the Internet texts from the point of view of a Chinese Russianist on the material of Rozanov's artistic and philosophical trilogy: "Solitary", "Fallen Leaves" (boxes first and second), and social networks blogs. Comparative analysis of some Rozanov's genre-forming features with texts of the Internet environment, such as themes, composition, style of speech, image of the author and communicative purpose, demonstrates a number of similarities and differences. Description of private life and fleeting moments,

Исследование проводится при финансовой поддержке Государственного комитета по стипендиям Министерства образования КНР (грант № 202106040001).

**Дарья Владимировна
Колесова**

Доцент

► d.kolesova@spbu.ru

Ван Хуэй

Аспирант

► khuei.van@yandex.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет

Санкт-Петербург,
Университетская наб., 9-11

**Wang Hui,
Daria V. Kolesova**

St. Petersburg State University

9-11, Universitetskaya emb., Saint-Petersburg

fragmentary-associative type of narration, conversational tone, combination of different perception devices, dialogicity of the effect of creation, strong manifestation of the author's "I" and other similarities make Rozanov's genres close to the Internet texts, demonstrating innovation and anticipation of the future by the thinker, who can be called a "blogger before the Internet era". Nevertheless, the differences between the genres of his work and the Internet texts also do exist, and it proves that Rozanov's texts belong to artistic culture, not to the momentary topic of the day. Internet genres are the result of the development of modern technologies and are mainly aimed at self-presentation, discussion of the "I" hypertheme, creativity, self-identification, consolidation and retention of public relations, dissemination of information, etc. Rozanov's trilogy has other grounds. As a supporter of "before Guttenberg" position, he believed that "literature (print) has pinched a person's self-esteem". He wrote only "for himself". So, Rozanov is also an "anti-blogger", who confessed that "all my literature is somehow ugly", but remains "my own". The authors argue that one of Rozanov's significant values is that he is an example for modern people who have fallen under the influence of material values. He helps them to evaluate their real life, teaching to share the real "I" and describe the instant movement of their soul, and thus have a profound impact on the healthy development of online communication.

Key words: artistic and philosophical trilogy, Vasily Rozanov, Internet texts, themes, composition, style of speech, image of the author, communicative purpose.

Конец XIX — начало XX века — период наивысшего общественно-политического и социального напряжения в русской истории, когда и человеческий, и социальные факторы были одинаково значимы. Василий Васильевич Розанов (1856–1919) — одна из сложнейших и особенных фигур из числа философов и писателей данного периода. Его трилогия, включающая в себя разные жанры, такие как дневник, исповедь, рассказ, афоризм и др., синкретична по форме. Необычный характер его творчества не раз исследовался и интерпретировался русскими и зарубежными учеными, например, А. Д. Сивянский определил его творческий процесс как «преодоление литературы», В. Б. Шкловский назвал его книгу «героической попыткой уйти из литературы», Ю. П. Иваск считает его творчество «медиумичной литературой», В. А. Келдыш принимает его трилогию как «условно дневниковый жанр». Можно сказать, разнообразие видов интерпретации творчества Розанова как раз и доказывает его магию и ценность. При всех возможностях интерпретации творчество мыс-

лителя у нас постоянно ассоциируется с текстами интернет-среды сегодняшнего дня. М. А. Маслин также в своей статье метафорически назвал Розанова «первым русским блогером до эпохи интернета», имея в виду сторонника интерактивного способа распространения философских идей [Маслин 2017: 104]. Однако отношения между жанром текста Розанова и текстами интернет-коммуникации с филологической точки зрения более сложные. Наша статья ставит целью рассмотрение сходств и различий этих жанров, и следовательно, раскрытие главных принципов и актуального значения творческого метода В. В. Розанова, а также выявление важных ценностей, оставленных писателем современной интернет-коммуникации.

Итак, сначала обратимся к теории речевых жанров (далее РЖ). По мысли М. М. Бахтина, «... три момента — тематическое содержание, стиль и композиционное построение — неразрывно связаны в целом высказывания и одинаково определяют специфику данной сферы общения... каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы таких высказываний, которые мы и называем речевыми жанрами» [Бахтин 1997: 159]. Выделяем три важных параметра РЖ: тематическое содержание, стиль и композиционное построение. Т. В. Шмелева склоняется к тому, что РЖ — особая модель высказывания, и для модели РЖ важны, по крайней мере, семь жанрообразующих признаков: коммуникативная цель, образ автора, образ адресата, образ прошлого и образ будущего, событийное содержание и языковое воплощение [Шмелева 1997: 91–98]. Мы обращаемся, с одной стороны, к художественно-философской трилогии В. В. Розанова: «Уединенное», «Опавшие листья» (первый и второй коробки) и, с другой стороны, к постам современных активных блогеров (в основном, это страница Евгения Гришковца и страница Татьяны Толстой в фейсбуке) в социальных сетях как к материалу для сравнения, и рассмотрим главные признаки РЖ, выдвинутые М. М. Бахтиным и Т. В. Шмелевой: тема, композиция, стиль, коммуникативная цель, образ автора и т. д.

1. Резонанс в разные века: описание частной жизни и мимолетных моментов

В самом названии произведений «Уединенное» и «Опавшие листья» показываются главные темы Розанова: случайные, порой мимолетные впечатления, мысли, душевные размышления о себе, о семье, о жизни, о философии, о религии, о литературе и, самое главное, о любви. Розанов старается показать истинное состояние жизни и обожает описывать частную семейную жизнь. Он считает, «Семья есть самая аристократическая форма жизни» [Розанов 2010: 46]. «Частная жизнь выше всего. ...Это общее религии... Все религии пройдут, а это останется: просто — сидеть на стуле и смотреть вдаль» [Розанов 2010: 40]. Посты активных блогеров интернет-среды также являются разнообразными в темах. Например, современный драматург, режиссер, блогер Евгений Гришковец на своей странице фейсбука раскрывает некоторые детали своей биографии и фрагменты дневников, пишет про фильмы, спектакли, свой опыт чтения, мимолетные мысли, свои истории, произошедшие в жизни и т. д. (подробнее: <https://www.facebook.com/EvgenyGriskovets>). Еще сходство жанра блога с жанром трилогии Розанова — в описании моментов именно своей личной жизни или личной жизни близких, то есть, в доминанте гипертемы «я». Если повседневность у Розанова имеет онтологическое значение, то тенденция эстетизации повседневной жизни в XXI веке оправдывает появившуюся популярную тему личной жизни в блоге социальной сети. Тематическая определенность, дополнительная информация при тексте (у Розанова рукописность и датировка записей, у блогов социальной сети фотографии и т. д.) придают текстам разных веков характер документальности. В обоих жанрах «тонкая динамика внутреннего состояния человека в определенные моменты жизни» [Захарова 2016: 10] передается разрозненными мыслями, которые объединяются авторским «я».

2. Фрагментарно-ассоциативный тип повествования

Как общепризнанный преемник жанра произведения «Дневник писателя» Ф. М. Достоевско-

го, Розанов обладает талантом абсолютно свободно мыслить и выражать свои мысли в любой момент и на любом месте. «В нем не было органической цельности. Розанов весь в хаосе, в минутах, в переживаниях, в проблесках. Все его книги точно дневник. Ему всего свойственнее было писать именно афоризмами, короткими фразами, отрывочками, обломками. Редко ему удаются большие картины» [Флоровский 2009: 583]. Оценка Г. В. Флоровского показывает нам особые формы творчества Розанова. Фрагментарностью и незавершенностью характеризуются некоторые произведения В. В. Розанова, в которые включается его художественно-философская трилогия. Мы здесь редко видим статью, занимающую целую страницу. Текст часто представлен одним предложением, двумя-тремя предложениями, одним, двумя абзацами, маленьким диалогом и т. д. Можно утверждать, что такая форма обусловлена особенностями мышления о литературе и творчестве Розанова. Более того, данный фрагментарно-ассоциативный тип повествования показывает философское мировоззрение мыслителя. Очевидно, фрагментарность повествования Розанова живо нам напоминает тексты блогеров сегодняшнего дня. Тексты блогера Евгения Гришковца на странице фейсбуке часто состоят из трех-четырех абзацев. Посты на странице Татьяны Толстой мы часто видим в форме нескольких предложений (подробнее: <https://www.facebook.com/TatyanaTolstaya>). Когда собирались опубликовать трилогию, Розанов предложил печатать каждый фрагмент его книг — «Уединенное» и «Опавшие листья» — с новой страницы. Данный факт, с одной стороны, укрепил закономерность его фрагментарной литературы. С другой стороны, «концептуально важный для формирования визуальной модели прозы с начала XX в. и до сегодняшнего дня» [Семьян 2008: 86] Кроме фрагментарного оформления текста, такие характеристики визуального восприятия творчества Розанова, как кавычки, которые рассчитаны на чтение текста глазами, а не вслух, сокращенная форма слова «м» — «мамочка», «б» — «бабушка», «Б» — «Бог», также делает его текст близким жанрам блога социальных сетей.

Кроме того, Розанов постоянно под записями пишет точную дату, место, ситуацию, где была сделана запись: глубокая ночь, мама засыпает за спиной, за копией с письма Чехова, вагон, еду в Халилу, в трамвае и т. п., что делает его творчество тоже похожим на блог, содержащий датированные записи мультимедийного характера, расположенные в обратном хронологическом порядке. Таким образом, композиционное построение его творчества обеспечивается с помощью структурообразующего элемента — датировки, причем обязательно наличие «метатекстовой» даты, которая соответствует моменту записи. Как заметил его современник Э. Голлербах: «В его писаниях много чисто <литературного> в буквальном смысле слова <littera>: их нужно воспринимать непременно зрительно, со всеми сносками, примечаниями, скобками, кавычками и пр. Одного слухового восприятия было бы недостаточно. Будучи прочитаны <ex-cathedra>, писания Розанова много проиграли бы в своей выразительности. Недаром Розанов избегал публичных выступлений и не любил ораторства» [Голлербах 1976: 66].

3. Разговорный тон, теплая атмосфера для диалога

На обложке книги «Уединенное» автор написал «почти на праве рукописи». И на первой странице также ясно объяснил свою цель: «Шумит ветер в полночь и несет листья... Так и жизнь в быстротечном времени срывает с души нашей восклицания, вздохи, полумысли, полочувства... Которые, будучи звуковыми обрывками, имеют ту значительность, что <сошли> прямо с души, без переработки, без цели, без преднамеренья, — без всего постороннего... Записанное все накапливалось. И вот я решил эти опавшие листья собрать» [Розанов 2010: 7]. Рукописность как стиль повествования Розанова сделала писателя настоящим новатором в начале XX века и придала его творчеству много других особенностей, в том числе, разговорный тон повествования. Или точнее, Розанов придает письменному тексту устное звучание для лучшей передачи своей эмоции и мысли. «Демонстративно отрекаясь от книгопечатания, Розанов впал в разговорный тон. Но это не просто переход

на устную речь. Розанов и в разговорном тоне остался, задержался, так сказать, на среднем, на рукописном уровне» [Синявский 1982: 119]. Для прозы В.В. Розанова типична ситуация взаимодействия книжной стихии с разговорно-просторечной лексикой, их своеобразный синтез, в чем и состоит магия его творчества.

Что касается блога, то там в основном характерно преобладание явлений кодифицированного литературного языка. «Не спонтанность общения дает принципиальную возможность для более тщательного отбора языковых средств» [Колокольцева 2016: 101]. Но разговорные элементы как важный фактор интернет-пространства здесь тоже занимают не менее важное место. Тем более темы блога часто касаются повседневной жизни человека и сами посты потенциально диалогичны, а степень разговорности как раз зависит от фактора адресанта. Есть блогеры, которые не так часто реагируют на комментарии и больше всего публикуют пост со ссылкой с целью распространения информации о мероприятиях, о новых книгах. С другой стороны, есть блогеры, которые постоянно общаются с подписчиками. Так, Татьяна Толстая на странице фейсбука часто начинает свой пост со слов обращения: «друзья», «дамы и господа», «добрый день» и т. д., часто задает вопросы или рассказывает о дискуссионных историях, и сама писательница часто отвечает на вопросы в комментариях к постам. Например:

Насколько хорош фильм Вадима Перельмана «Дом из песка и тумана», — вот прямо очень, очень хорош, всем рекомендую, — настолько же ужасен его же минисериал на Кинопоиске «Пропавшая».

... Не смотрите. На этом фоне «Топи» — вообще «Война и мир».

Комментарии по посту:

Макс Вэлл: И Мишуков в таком говне заснялся.

Татьяна Н. Толстая: Макс Вэлл К актерам претензии нет. Им надо играть, мало кто выбирает.

.....

20. сен. 2021 <https://www.facebook.com/TatyanaTolstaya>

Розанов очень ценил произведение Ф. Достоевского «Дневник писателя» и поклонялся Достоевскому всю жизнь. Стиль Достоевского сильно повлиял на его творческие принципы и повествовательные стратегии. «Полифонический роман» — это определение, данное Бахтиным при интерпретации произведений Достоевского. Трилогия Розанова также полифонична. Мир полифоничности — это мир, в котором множество голосов ведут диалог на равноправной основе. Суть полифонии заключается в том, чтобы показать разные свободные независимые сознания, имеющие одинаковую ценность и равный статус. В своей трилогии Розанов реализовал диалог как между автором и самим собой, так и между автором и его потенциальными читателями. Для автора любой, кто читает эту книгу — не «он», не «я», а «ты» как собеседник диалога, и он рассматривает диалог как важнейшее средство демонстрации ценности человеческих существ и тайны человеческой души. В диалоге он также поставил себя в равное положение с читателем, отказался от авторского авторитета и осмелился раскрыть свое истинное «я». В то же время полифония Розанова отражается в незавершенности его сознания и мысли. В трилогии Розанова много тем обсуждается, но ни по одной теме не дается окончательного заключения. Стабильности нет, только перемены. Истина существует только в одно мгновение.

Если основным значением «полифонии» Бахтина является «диалогичность», то можно сказать, что онлайн-тексты, такие, как блог, именно этого достигли или стараются достичь с точки зрения языкового воплощения и построения композиции. Конечно, это в основном определяется характером интернет-платформы. Интернет сам по себе является открытой платформой для творчества, распространения и обмена информации с социальными атрибутами. Его природные атрибуты (социальное общение) и сам механизм стимулирования требуют, чтобы дискурс был более диалогически ориентированным, тем самым привлекая больше лайков, комментариев и ретвитов.

4. Коммуникативная цель

От коммуникативной цели, как от самого важного и типологически значимого жанрообразующего признака, прямо и существенно зависят различия между жанрами творчества Розанова и текстов блога в интернет-коммуникации. Розанов так писал о своей цели творчества: «Всякое движение души у меня сопровождается выговариванием. И всякое выговаривание я хочу непременно записать. Это — инстинкт. Не из такого ли инстинкта родилась литература (письменная)? Потому что о печати не приходит мысль; и следовательно, Гутенберг пришел совсем <потом>» [Розанов 2010: 32]. Как сторонник «до Гутенберга», писатель считал, что «литература (печать) прищемила у человека самолюбие». «Литературность ужасна». Он писал только «для себя», не для читателя. «А для чего иметь «друга читателя»? Пишу ли я «для читателя»? Нет, пишешь для себя» [Розанов 2010: 52]. Зная, что его книга в итоге будет обращена к читателю, он ставит перед собой цель разрушить творческую традицию, не стать рабом читателей. Писать не для читателей и стало его повествовательной стратегией. Он старается избегать участия читателей и не менять свое творчество, исходя из симпатий и антипатий читателей. От коммуникативной цели Розанова непосредственно зависят главные свойства его произведений: необработанность (или ее иллюзия), рукописность и фрагментарность. Он показывает изначальное, мгновенное состояние своей души. Он не столько сочиняет, сколько записывает. Он не столько описывает свои мысли, сколько передает свое чувство и настроение. Он настаивает на том, что только творчество в рукописном виде и не с целью печатать и публиковать сможет открыть границу между человеком и языком, мыслью и словом.

Жанры интернета являются результатом развития современной технологии. Жанр блог как составляющийся текстов Интернета, в основном, нацелен на «самопрезентацию, обсуждение гипертемы <я>» [Усачева 2010: 56], творчество, самоидентификацию, сплочение и удержание общественных связей, распространение информации и др. Приведем примеры:

Пост для сплочения и удержания общественных связей:

Всех, всех, всех — с наступающим!!!

Пусть он смоем всю печаль, все обиды, все страхи!

Всем — мир и любовь!

31, дек. 2021 <https://www.facebook.com/TatyanaTolstaya>

Пост для распространения информации:

О спектакле «Предисловие» и романе «Театр отчаяния».

Отрывок из интервью.

Ближайший спектакль — 27 января в Москве.

Билеты продаются онлайн <https://clck.ru/Z6NWM>

25, янв. 2022. 14:17 <https://www.facebook.com/EvgenyGriskovets>

Пост для творчества:

И, как всегда:

ПУСТОЙ ДЕНЬ

Это утро не похоже ни на что, оно и не утро вовсе, а короткий обрывок первого дня: проба, бесплатный образец, авантитул. Нечего делать. Некуда идти. Бессмысленно начинать что-то новое, ведь еще не убрано старое: посуда, скатерти, обертки от подарков, хвоя, осыпавшаяся на паркет.

01, янв. 2022 <https://www.facebook.com/TatyanaTolstaya>

Цели таких интернет-текстов показывают нам: данные жанры не предполагают отсутствие читателей, наоборот, опосредованно или прямо ориентированы на читателей, стремятся к большему распространению среди пользователей интернета, авторы хотят вызывать реакцию читателей и вовлекать их в сотворчество.

5. Образ автора

Трудно четко различить автора, образ автора и лирического героя в трилогии Розанова. Часто лирического героя отождествляют с самим автором. Однако рассказчик в тексте, то есть лирический герой, не совсем эквивалентен автору. Творчество Розанова, как бы ни было оно близко к натуральному состоянию жизни и души человека, все равно остается художественным творени-

ем. По мнению Бахтина, «образ автора» как «вторичный автор» является продуктом читательского сотворчества и существует только в сознании читателя. В.В. Виноградов писал, что «непосредственная речь автора несет печать выбранной им маски (позы, стилизации). Эти маски, собственно, и есть выбранные инструменты образа автора» [Виноградов 1971: 203]. Образ автора в творчестве Розанова является соединением нескольких масок: юродствующего, исповедующегося, маски публициста и др.

Лирический герой «я», которого он сформировал, очень похож на самого автора. Автор намеренно сформировал реальное и достоверное «я», чтобы читатели могли получить более близкий и аутентичный опыт чтения. При создании образа лирического героя Розанов специально нарушил условности традиционной литературы, смело описав уродство и подлость героя, и одновременно представив его великодушную и высокомерную сторону. Лирический герой Розанова, объединяющий в себе самоиронию, честность, искренность и др., напоминает нам героев романов Достоевского (сам Розанов это тоже признает), главных героев карнавальных романов, и юродивых русской традиции. И. Волгин считает, что Розанов «сам готов порой подыграть почтенной публике и занять отводимую ему нишу. Его самоуничижительные (или, напротив, самовосхваляющие) характеристики — это литературные маски, правда, почти приросшие к лицу», а «розановский протезизм — одно из условий его литературной игры» [Волгин 2009: 67]. Розанов именно «некрасивой» формой, подшучиванием и насмешками бросает вызов литературной традиции своей эпохи. Как созерцатель, сидящий в углу, и галка, слетевшая с крыши, его новаторство отражается как в форме, так и в содержании, что делает очевидным его значение в истории русской литературы.

Нужно отметить, образ автора как часто появляющийся фактор в текстах интернет-среды тоже немало исследуется. Блог, видимо, является важнейшим пространством для проявления образа автора. По сравнению с творчеством Розанова, образ автора здесь также создается специ-

ально автором. Образ автора в популярных блогах чаще «информирован и компетентен в своей области, способен увлечь и заинтересовать читателей, вовлечь его в коммуникацию» [Попова, Вознесенская, Колесова, Савотина 2012: 56] При этом они характеризуются разными особенностями. Кто-то серьезный, спокойный, кто-то общительный, много открывает себя перед подписчиками, кто-то часто думает о серьезных вопросах, кто-то обожает повседневные детали. А насколько он похож на самого автора, — это выбор персональности и искусства блогера. И создав свой оригинальный образ автора, блогер формирует свой стиль жанра.

Заключение

В целом проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Невозможно линейно сопоставить творчество В.В. Розанова с сегодняшним жанром блога в интернете. Если речь идет о приоритетах текстов интернет-среды в средствах массовой информации и новой современной технологии, то Розанов — дитя другой коммуникативной среды с другими возможностями и ценностями. Однако характеристики, такие как политематичность при наличии гипертемы «я», фрагментарное оформление текста, поликодовость текста при использовании и вербальных, и графических средств, эксплицитное присутствие образа автора и впечатление «устности» в стили текста, делают творчество Розанова и тексты интернет-среды близкими друг другу, в чем проявляется и новаторство, и предвосхищение будущего Розанова, и логичность, и необходимость существования текстов интернет-среды. В целом, и книги Розанова, и проанализированные тексты интернет-среды являются схожими в какой-то степени культурными явлениями. Оба объекта наблюдения обладают импрессионистическим, интимным стилем повествования, что создает минимальную дистанцию между читателями и текстом. Открытость, сознательная незавершенность и диалогичность текстов дают читателям возможность совместного творчества. И соответственно, они оба проявляют равноправный и близкий к жизни дух творчества, характеризующийся и сво-

бодой творить, и свободным творчеством (стиль, темы, идеи и т. п.). Оба они сильно изменили образ общения и формы самовыражения человечества, показали как не верить и отвергать власть писателя над читателем, дать каждому равные права выражать себя, показывать истинные переживания в жизни и эмоциях и в результате — пришли к возможности не удовлетворять читателя, а показывать ему то, что есть (или то, что видит автор).

Хотя мы начали исследование, выявляя основание сходства объектов, но небезынтересно отметить различия между жанрами произведений Розанова и текстов интернет-среды. И за сходствами тематического содержания, композиции, стили речи и образа автора двух объектов стоит большое различие главного жанрообразующего признака — коммуникативная цель, в чем как раз проявляется принадлежность текстов Розанова художественной литературе, а не сиюминутной злобе дня. Рождение трилогии Розанова нацелено, во-первых, на преодоление литературности и возражение против «печати». Именно поэтому он писал «почти на праве рукописи», использовал графические средства и отстаивал спонтанность и необработанность выражения. Во-вторых, на максимальное сокращение дистанции мысли и речи. Он понимает творчество как священный акт и постоянную молитву: смысл не в вечном, а в мгновениях. Он ловит и почти синхронно записывает мимолетное измененное состояние сознания и души. В-третьих, на рассказ об единственной открывавшейся действительности: я. «Собственно, каждый человек обязан о себе написать. Это есть единственное наследие, какое он оставляет миру и какое миру от него можно получить, и мир вправе его получить» [Розанов 1998: 25]. Жанры интернета являются результатом развития современных технологий и изменения образа жизни человечества. Жанр блог, в основном, нацелен на самопрезентацию, самоидентификацию через призму обсуждения гипертемы «я», сплочение и удержание общественных связей с людьми способами самовыражения и общения в комментариях, или на распространение информации (реклам, мероприятий, точек зрения на события и новости) и, иногда чисто на творчество и совместное

творчество. Вот в чем и состоит задача большинства блогеров: решение «противоречия между установкой на автокоммуникацию, искренность и открытой адресованностью текста; между автобиографичностью и фикциональностью (вымышленностью) содержания; между спонтанностью, естественностью, непосредственностью изложения и его литературной «выделенностью», стилистической обработанностью, желанием «писать красиво»» [Сидорова 2004: 119–120]. Как следствие — блогер обрабатывает речь до последней минуты отправки в интернет, а Розанов нет. Карнавалый характер интернет-общения сложился благодаря виртуальности пространства, а Розанов достиг того же созданием особого лирического героя «я», деконструкцией авторитета автора и традиционных литературных принципов. Если фрагментарность как форма оформления текста у текстов интернет-среды сложилась по причине быстрого темпа жизни и привычки фрагментарного чтения, то лучше бы определить творчество Розанова бесформенным, поскольку для писателя форма совсем не важна.

Философские взгляды Розанова встречают и поддержку, и возражение. А в таланте Розанова в области литературного новаторства невозможно сомневаться (оговоримся: если трилогия Розанова — это блог до эпохи Интернета, то «Литературные изгнанники» по теме — ранний филологический роман, по жанру — современный скриншот с комментариями или репост с комментариями). В какой-то степени можно сказать, что Розанов не только писатель прошлого, но и писатель настоящего, будущего. Его работа не теоретична, а погружена в реальность. Она рождается из столкновения мысли и практики.

Прогресс и новые технологии — это всегда обоюдоострый меч. Когда мы рады и благодарны достигнутому в интернете, мы одновременно с тревогой видим, что под действием средств массовой информации и современных технологий личность человека теряется в однообразии жизни, модном потребительском поведении и поверхностном эстетическом вкусе. В результате «развлечение» как эффект чтения заменяет «размышление». Поэтическое стремление исчезает. Мы начали думать

фрагментарно и неглубоко. Мы забываем сами с собой общаться и записывать слова своей души. Творчество Розанова основано на повседневной жизни, семейных событиях и личном духовном и житейском опыте. Он соединяет в идеальной пропорции свободный оригинальный стиль, важные темы жизни и глубокие оригинальные мысли. При своем предвосхищении будущего он является хорошим примером для современных людей, попавших под влияние материальных ценностей, помогая оценить свою реальную жизнь, уча делиться настоящим «я» и описывать мгновенное движение своей души, и таким образом, в частности, оказывая глубокое влияние на здоровое развитие онлайн-коммуникации.

ИСТОЧНИКИ

Страница Евгения Гришковца фейсбука [Электронный ресурс] URL: <https://www.facebook.com/EvgenyGriskovets> (дата обращения 21.02.2022)

Страница Татьяны Толстой фейсбука [Электронный ресурс] URL: <https://www.facebook.com/TatyanaTolstaya> (дата обращения 21.02.2022)

ЛИТЕРАТУРА

Бахтин 1997 — Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. В сб.: *Работы 1940-х — начала 1960-х годов. Собрание сочинений*. Т. 5. Москва: Издательский Дом ЯСК, 1997. С. 159–206.

Виноградов 1971 — Виноградов В. В. *О теории поэтической речи*. Москва: Высш. шк., 1971. 240 с.

Волгин 2009 — Волгин И. Л. Метаморфозы личного жанра («Дневник писателя» Достоевского и «Опавшие листья» Розанова). В сб.: *Наследие В. В. Розанова и современность. Материалы Международной научной конференции*. А. Н. Николюкин (сост.). Москва: РОССПЭН, 2009. С. 61–72.

Голлербах 1976 — Голлербах Э. В. В. *Розанов. Жизнь и творчество*. Париж: YMCA-Press, 1976. 110 с.

Захарова 2016 — Захарова В. Т. В. *В. В. Розанов: в поисках гармонии*. Нижний Новгород: Мининский университет, 2016. 69 с.

Колокольцева 2016 — Колокольцева Т. Н. Диалогичность в жанрах интернет-коммуникации (чат, форум, блог). *Жанры речи*. 2016, (2 (14)): 96–104.

Маслин 2017 — Маслин М. А. Первый русский блоггер до эпохи интернета. Еще раз о рукописности философии Василия Розанова. *Вестник РХГА*. 2017, (2): 104–112.

Попова, Вознесенская, Колесова, Савотина 2012 — Попова Т. И., Вознесенская И. М., Колесова Д. В., Савотина В. М. *Интернет-пространство: речевой портрет пользователя*. Санкт-Петербург: Эйдос, 2012. 224 с.

Розанов 2010 — Розанов В. В. Листва. В сб.: *Собрание сочинений Розанова В. В.* А. Н. Николюкин (ред.). СПб.: Респубблика, 2010. 591 с.

Розанов 1998 — Розанов В. В. Сахарна. В сб.: *Собрание сочинений Розанова В. В.* А. Н. Николыкин (ред.). СПб.: Республика, 1998. 462 с.

Семьян 2008 — Семьян Т. Ф. Концепция В. Розанова и её роль в формировании визуальной модели прозы неклассического типа. *Вестник ТГПУ*. 2008, (2): 85–90.

Синявский 1982 — Синявский А. Д. «*Опавшие Листья*» Розанова. *Очерки русской культуры 1*. Париж: Синтаксис, 1982. 342 с.

Сидорова 2004 — Сидорова М. Ю. Рефлексия «наивного» говорящего над языком и коммуникацией (по материалам открытых Интернет-дневников). *Сибирский филологический журнал*. 2004, (1): 117–129.

Усачева 2010 — Усачева О. Ю. К определению понятия «Жанр Интернета» и построению модели жанра в среде Интернет. *Мир русского слова*. 2010., (1): 51–57.

Флоровский 2009 — Флоровский Г. В. *Путь русского богословия*. Москва: Институт русской цивилизации, 2009. 848 с.

Шмелева 1997 — Шмелева Т. В. Модель речевого жанра. В сб.: *Жанры речи*. Саратов: Колледж. 1997, (1): 91–98.

REFERENCES

Бахтин 1997 — Bakhtin M. M. The problem of speech genres. In: *Raboty 1940-kh — nachala 1960-kh godov. Sbornie sochinenii*. Vol. 5. Moscow: YASK Publishing House, 1997. p 159–206. (in Russian)

Виноградов 1971 — Vinogradov V. V. *On the theory of poetic speech*. Moscow: Higher School, 1971. 240 p. (in Russian)

Волгин 2009 — Volgin I. L. Metamorphoses of a personal genre (Dostoevsky's "Diary of a Writer" and Rozanov's "Fallen Leaves"). In: *Nasledie V. V. Rozanova i sovremennost'. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. A. N. Nikolyukin (comp.). Moscow: ROSSPEN, 2009. p 61–72. (in Russian)

Голлербах 1976 — Gollerbach E. V. V. *Rozanov. Life and creativity*. Paris: YMCA-Press, 1976. 110 p. (in Russian)

Захарова 2016 — Zakharova V. T. V. V. *Rozanov: in search of harmony*. Nizhny Novgorod: Mininsky University, 2016. 69 p. (in Russian)

Колокольцева 2016 — Kolokoltseva T. N. Dialogism in the genres of Internet communication (chat, forum, blog). *Zhany rechii*. 2016, (2 (14)): 96–104. (in Russian)

Маслин 2017 — Maslin M. A. The first Russian blogger. Once more on epistolary form of Vasily Rozanov's philosophy. *Vestnik RKhGA*. 2017, (2): 104–112. (in Russian)

Попова, Вознесенская, Колесова, Савотина 2012 — Popova T. I., Voznesenskaya I. M., Kolesova D. V., Savostina V. M. *Internet space: a speech portrait of a user*. Saint Petersburg: Eidos, 2012. 224 p. (in Russian)

Розанов 2010 — Rozanov V. V. Foliage. In: A. N. Nikolyukin (ed.). *Sbornie sochinenii Rozanova V. V.* St. Petersburg: Republic, 2010. 591 p. (in Russian)

Розанов 1998 — Rozanov V. V. Sakharna. In: A. N. Nikolyukin (ed.). *Sbornie sochinenii Rozanova V. V.* St. Petersburg: Republic, 1998. 462 p. (in Russian)

Семьян 2008 — Semyan T. F. V. Rozanov's concept and its role in the formation of a visual model of non-classical prose. *Vestnik TGPU*. 2008, (2): 85–90. (in Russian)

Синявский 1982 — Sinyavsky A. D. "Fallen Leaves" Rozanov. *Essays of Russian culture 1*. Paris: Syntax, 1982. 342 p. (in Russian)

Сидорова 2004 — Sidorova M. Iu. Reflection of a «naive» speaker on language and communication (based on the materials of open Internet diaries). *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. 2004, (1): 117–129. (in Russian)

Усачева 2010 — Usacheva O. Iu. The "internet genre": to the problem of linguistic defining and modeling. *Mir russkogo slova*. 2010, (1): 51–57.

Флоровский 2009 — Florovsky G. V. *The Path of Russian Theology*. Moscow: Institute of Russian Civilization, 2009. 848 p. (in Russian)

Shmeleva 1997 — Shmeleva T. V. Model of the speech genre. In: *Zhany rechii*. Saratov: College. 1997, (1): 91–98. (in Russian)

ОБУЧЕНИЕ ПРЕДМАГИСТРОВ МЕТАЯЗЫКУ НАУКИ НА ЭТАПЕ ПРЕДВУЗОВСКОЙ ПОДГОТОВКИ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ С ПОСОБИЕМ «ВВЕДЕНИЕ В МАГИСТЕРСКУЮ ПРОГРАММУ»)

TATIANA V. VASILIEVA

TEACHING SCIENTIFIC METALANGUAGE TO FOREIGN PRE-MASTERS AT THE LEVEL
OF PREPARATORY TRAINING: ON THE BASIS OF THE "INTRODUCTION TO THE MASTER'S PROGRAM" TEXTBOOK

**Татьяна Викторовна
Васильева**

Доктор педагогических наук, доцент

► vasilieva189@yandex.ru

Московский государственный
технологический университет «СТАНКИН»
127055, Москва, Вадковский пер., 1

Tatiana V. Vasilieva

Moscow State Technological University
"STANKIN"

1 Vadkovsky Lane, Moscow, Russia, 127055

Статья посвящена проблемам подготовки иностранных специалистов в российских вузах инженерного профиля. Содержит анализ текущей ситуации, который показывает, что решение проблем напрямую связано с развитием системы преподавания русского языка как иностранного и содержанием обучения на различных образовательных уровнях, таких, как подготовительный факультет, бакалавриат, магистратура, аспирантура. Описаны предпосылки для создания учебного пособия нового типа, построенного на аутентичных учебных материалах по метаязыку науки для предмагистров со слабым владением русским языком. Подчеркнуто, что, опираясь на многолетний практический опыт работы в техническом вузе, автор представляет свое видение решения проблемы преподавания языка в специальных целях на этапе довузовской подготовки и предлагает один из вариантов разработки методического обеспечения для иностранных предмагистров, получивших образование на родном языке или языке-посреднике и приехавших в Россию для обучения в магистратуре. Данный контингент с уже сформированным когнитивным стилем усвоения учебного материала имеет отличные от бакалавров коммуникативные потребности в области метаязыка. В качестве наглядной реализации методической идеи автора используется учебное пособие «Введение в магистерскую программу». Обоснованы актуальность и новизна пособия, описаны его структура, особенности представления аутентичного материала и методика работы с ним. Перечислены компетенции, которые будут сформированы у иностранных предмагистров после изучения предлагаемого курса. В заключение намечены пути дальнейших исследований по разработке аутентичных материалов по метаязыку науки для их использования в учебном процессе в вузах инженерного профиля.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, предвузовский этап обучения, предмагистры, язык в специальных целях, метаязык науки, коммуникативные потребности, формирование коммуникативной компетенции у предмагистров.

The article describes the prerequisites for creating authentic teaching materials on the metalanguage of science for pre-masters. The author presents her vision of solving the problem of language teaching for special purposes at the stage of pre-master's training in engineering universities, and offers an option for the development of methodological support for foreign pre-masters who received education in their native language and have come to Russia to study for a master's degree. The textbook "Introduction to the Master's Program" is used as a visual implementation of the author's methodological idea. The author describes its relevance, novelty, structure and differences from the existing similar materials as well as the ways of presenting

an authentic material and the methodology for working with it. The competencies that will be formed during the course are also enumerated. In conclusion the author outlines some possible ways of further authentic material development in the scientific metalanguage for foreign students at engineering universities.

Key words: Russian as a foreign language, preparatory department, language for specific purposes, pre-master's program at engineering universities, students' linguistic portrait, pre-master's communicative needs, teaching scientific metalanguage.

Введение

В последние годы в связи с реализацией проекта «Экспорт образования» (2017–2025) значительно увеличивается приток иностранных граждан без знания русского языка, приезжающих учиться в магистратуру преимущественно инженерно-технических вузов. Согласно статистике в 2017/2018 учебном году по программам магистратуры в российских вузах обучалось более 21000 иностранцев [Арефьев 2018]. Поэтому вопрос о разработке методического обеспечения для данного контингента учащихся стал особенно актуальным.

В силу объективных причин иностранные предмагистры учатся вместе с бакалаврами, так как большинство вузов не имеет возможности выделять этот контингент в отдельные учебные группы, разрабатывать планы и программы с учетом коммуникативных потребностей данной группы пользователей и их будущей специальности. Поэтому именно для них мы разработали курс по метаязыку науки, который, по нашему мнению, может стать объединяющим для магистрантов инженерного профиля.

В сложившихся условиях многие крупные университеты с начала 2000-х годов стали самостоятельно решать проблемы обеспечения качества обучения на этапе предмагистерской подготовки и добились значительных успехов. Так, Московский автомобильно-дорожный университет (МАДИ) с 2005 года проводит международные научно-практические конференции, на которых обсуждаются различные проблемы обучения иностранных граждан на подготовительном факультете.

Отметим также огромный вклад преподавателей и методистов Томского политехнического университета и СПб политехнического универ-

ситета Петра Великого [Байдак, Головачева, Салосина 2016], которые начали целенаправленно изучать проблемы иностранных предмагистров и предлагать пути их комплексного решения [Гузарева, Кашкан, Шахова 20013; Горбенко, Чуваева 2018; Баранова 2018].

Томский политехнический университет одним из первых заговорил о появлении на подготовительных факультетах нового субъекта обучения — предмагистров и предаспирантов, и стал активно проводить исследования этого феномена, результаты которых ежегодно публикуются в форме коллективных монографий и сборников конференций [Кошелева 2011; Кошелева 2013].

О том, что проблема готовности предмагистров и предаспирантов к обучению на высших ступенях подготовки в вузе является общероссийской, свидетельствует и тот факт, что в 2021 году прошел уже V Международный Конгресс преподавателей и руководителей подготовительных факультетов (отделений) вузов РФ «Довузовский этап обучения в России и мире: язык, адаптация, социум, специальность». Следует отметить, что с каждым годом все больше внимания уделяется обсуждению особенностей постдипломного этапа обучения, совершенствованию программ подготовки иностранных специалистов, предлагаются разнообразные форматы обучения иностранных слушателей общеобразовательным предметам на русском языке. И, как нам кажется, уже можно говорить о формировании межпредметной кооперации русистов и преподавателей специальных дисциплин по профилю вуза.

Отличия предмагистров от традиционного контингента подфака (будущих бакалавров) заключаются в следующем:

- а) наличие высшего образования, полученного в стране проживания на родном языке или на языке-посреднике;
- б) сформированность когнитивного стиля получения профессиональных знаний;
- в) владение предметной и профессиональной составляющей коммуникативной компетенции на языке образования.

Метаязык науки. В лингводидактике под метаязыком науки понимается языковое/ре-

речевое взаимодействие, возникающее в процессе учебно-научной или профессиональной деятельности. Языковое пространство в этом случае ограничивается и определяется тематико-ситуативной обусловленностью, связанной с учебно-научной или профессиональной сферой, т.е. темы, ситуации общения, формулирующие модель речевого поведения пользователя, концептуальное, интенциональное и стилевое пространство данного метаязыка [Ускова 2006: 38].

Метаязык науки, под которым в лингводидактике понимается языковое / речевое взаимодействие, возникающее в процессе учебно-научной или профессиональной деятельности, используется, например, в написании выпускных квалификационных работ (далее — ВКР) — магистерских / кандидатских диссертаций, где от автора требуются:

а) знание логической структуры текста жанра диссертации;

б) владение формализованными языковыми средствами для выражения актуальности, новизны, целей, задач, теоретической значимости, практической ценности, выводов, заключения;

в) умение составлять аннотации и авторефераты.

Предмагистры имеют отличные от традиционного контингента слушателей подфака коммуникативные потребности не только в области метаязыка науки, но и в изучении специальных дисциплин. Так, в период обучения в магистратуре российского вуза иностранные пользователи должны не только сформировать базу знаний по направлению обучения, но и научиться:

1) владеть общенаучной и узкоспециальной терминологией по направлению, использовать лексику и синтаксические конструкции, характерные для метаязыка науки и официально-делового стиля;

2) продуцировать в письменной форме научные тексты (введение, заключение, автореферат, аннотация) и использовать полученные знания, умения и навыки при изучении дисциплин профессионального цикла;

3) самостоятельно и непрерывно повышать уровень знаний в течение всего периода обучения в вузе.

Поскольку предмагистры уже владеют предметной и профессиональной составляющей коммуникативной компетенции, то главной задачей для них является перевод знаний, полученных на языке образования, в код русского языка, т.е. они должны знать, «как это сказать по-русски».

Актуальность разработки курса. Обычно в каждом вузе существует пропедевтический курс, который знакомит российских магистрантов с алгоритмом работы над ВКР, но он читается без учета присутствия в группе иностранцев, слабо владеющих русским языком, поэтому эта категория пользователей даже после такого курса все еще не в состоянии понять, что от них требуется при работе над магистерской диссертацией. Основными проблемами пользователей, мешающими им успешно осваивать программу магистратуры, являются:

1) незнание особенностей российской системы образования, алгоритма обучения в магистратуре и требований, предъявляемых к научной работе выпускника российского вуза;

2) отсутствие опыта общения с российскими учеными (традиции и учет русской ментальности, речевой научный этикет и др.) и навыков сбора материала, а также умений работы с русскоязычными научными текстовыми источниками, их поиск в Интернете;

3) недостаточное владение русским языком в научном и официально-деловом стилях речи (работа с документами, в том числе с приказами, положением о ВКР и др.).

Таким образом, актуальность разработанного и апробированного учебного пособия нового типа по метаязыку науки для предмагистров инженерного профиля не вызывает сомнения.

Новизна предлагаемого курса. Идея создания учебного пособия по метаязыку науки для предмагистров впервые появилась 7 лет назад. Методически его концепция опирается на теорию когнитивных стилей, представленную в работах И.Б. Авдеевой [Авдеева, 2020]. В ее основе лежат реальные коммуникативные потребности пользователей со слабым владением русским языком. В течение 4-х лет проходила его апробация в Том-

ском политехническом университете в рамках преподавания аспекта «Введение в магистерскую программу (просеминарий)» с зачетом в виде итогового контроля [Гузарова, Кашкан 2015:155]. За это время у нас сформировалось понимание того, каким должен быть пропедевтический курс по метаязыку науки на подготовительном факультете. Об актуальности разработанного курса также свидетельствует его востребованность в учебном процессе известных российских вузов Томского политехнического университета, СПб политехнического университета Петра Великого, Московского авиационного института (национального исследовательского университета), Московского государственного технологического университета «СТАНКИН» и др. Пособие «Введение в магистерскую программу» [Васильева 2019] стало лауреатом Всероссийского конкурса на лучшую научную книгу, проводимого Фондом развития отечественного образования.

Новизна предлагаемого курса по метаязыку науки заключается в следующем:

1. Аутентичный материал позволяет сформировать у иностранного предмагистра умения и навыки, необходимые для обучения в магистратуре российского вуза.

2. Текстовый материал структурирован и адаптирован путем сокращения и соответствует уровню владения русским языком предмагистров к моменту окончания подфака.

3. Тексты пособия содержат так называемые отсроченные знания и формируют умения, которые будут востребованы пользователем в период обучения в магистратуре российского инженерно-технического вуза.

4. Универсальность курса заключается в том, что по нему могут работать как преподаватели-русисты, так и преподаватели-предметники (как, например, это делают в Томском политехническом университете), что позволяет назвать его пособием нового типа, т.е. реализуются межпредметные связи языковой и выпускающей кафедр.

Первая часть пособия построена на контенте, предоставленном преподавателями специальных дисциплин, и удовлетворяет коммуникативные потребности пользователей всех направлений

обучения. Тексты второй части включают фрагменты магистерских диссертаций и при сохранении заданий к ним могут заменяться другими материалами в зависимости от профиля подготовки предмагистров.

Напомним, что стратегической целью обучения русскому языку как иностранному в вузе является формирование у обучаемых коммуникативной компетенции (далее — КК), достаточной для решения экстралингвистических задач на русском языке в различных ситуациях в учебно-научной сфере общения.

Предлагаемый курс рассчитан на 72 часа (2 кредита), в том числе на 36 часов аудиторных занятий, которые при определенных обстоятельствах могут быть поделены между русистами и предметниками. К работе следует приступать в конце обучения на подготовительном факультете. Также пособие можно использовать на 1-ом курсе магистратуры.

Пособие состоит из двух частей.

Особенности представления материала в первой части пособия «Описание деятельности магистра по подготовке и защите диссертации».

Эта часть знакомит пользователей с особенностями обучения в магистратуре российского политехнического вуза, готовит их к работе по сбору материала для ВКР и ее защите, в ней содержатся аутентичные тексты не только научного, но и официально-делового стилей, что и явилось определяющим фактором при разработке системы методических заданий, направленных на усвоение содержания. Предложен алгоритм работы над диссертацией, под которой мы понимаем всю деятельность магистранта, кроме написания текста пояснительной записки, т.е. собственно текста ВКР.

Темы и тексты пособия не равнозначны по объему, каждая тема описывает один этап диссертационной работы. Все этапы имеют разную сложность, поэтому используется разный объем контента.

Такое дробление материала вынужденное — запас терминологической лексики и уровень владения русским языком не позволяет пользователям сразу понять весь текст. Поэтому исключительно в методических целях он делится на части,

и перед каждым небольшим фрагментом даются два словаря: словарь терминов и словарь глагольной лексики.

Перед началом работы рекомендуется предложить в виде домашнего / самостоятельного задания перевод словарей на родной язык или язык образования с целью формирования индивидуального терминологического словаря пользователя и записать его в электронном виде.

К настоящему времени уже сделаны переводы словарей на 9 языков: английский, арабский, бирманский, вьетнамский, испанский, китайский, португальский, узбекский, французский. Все переводы выполнены силами магистрантов. Перед началом работы пользователи получают готовые переводные словари.

В формулировках заданий практически отсутствует лингвистическая терминология за исключением заданий на словообразование, а семантизация глагольной лексики отличается от традиционной, когда после инфинитива (формы НСВ и СВ) с помощью вопроса указывается глагольное управление. Мы предлагаем пользователю словосочетание из текста, при этом глагол стоит в форме инфинитива, а глагольная пара отсутствует. Такой способ семантизации позволяет:

1) дважды представить подлежащую усвоению терминологическую лексику: сначала в именительном падеже (*научный поиск, квалификационная функция, общие методы и решения*), а затем показать ее функционирование в тексте;

2) облегчить работу начинающему преподавателю РКИ и предметнику, если последний будет работать с этой частью пособия;

3) сохранять мотивацию изучения курса. Когда через несколько месяцев в магистратуре пользователь вернется к этому материалу, ему будет легче вспомнить изученное на подфаке.

В первой части пособия преобладают задания на развертывание (декомпрессию) текста с опорой на глагольную лексику. Приведем примеры отдельных заданий, которые существенно сокращены.

Задание. *Познакомьтесь с функциями научного руководителя. Расскажите о его деятельности, опираясь на представленную ниже инфор-*

мацию. При пересказе используйте слова для справок.

Научный руководитель выполняет следующие функции:

помогает диссертанту в выборе тематики;

участвует в выборе специальности, по которой выполняется работа;

участвует в обсуждении и конкретизации объекта исследования;

участвует в формировании задач работы;

помогает при работе с литературой;

помогает формулировать выводы по отдельным частям и работе в целом;

рекомендует к защите;

помогает подобрать рецензента;

является вашим «защитником» на экзамене;

представляет отзыв на работу диссертанта.

Слова для справок: оказывать – оказать помощь кому? в чем?; принимать — принять участие в чем?; давать — дать рекомендации кому?; давать — дать отзыв на что? кому?; быть кем?

Другой тип задания: передать содержание фрагмента текста, трансформировав однородные члены в предложения. Упражнение заставляет вспомнить и повторить правило перевода именных словосочетаний в глагольные и наоборот.

Грамматика в самом пособии представлена имплицитно. Однако 4-х летняя апробация пособия подтвердила необходимость создания дополнительных материалов по грамматике, поэтому к каждой теме были разработаны языковые упражнения, направленные на расширение терминологического словаря пользователей и на тренировку типичных для языка науки грамматических явлений. Все грамматические задания созданы на основе текстов темы. Приведем наиболее востребованные типы заданий.

Тема 1. Основные термины и определения

Задание 1. *Образуйте от уже вписанного в таблицу слова другие части речи. Заполните таблицу. Модель выполнения задания дана курсивом.*

Задание. *Составьте словосочетания из данных ниже слов по моделям. Запишите ваши ответы. Если вы испытываете затруднения, пере-*

Существительное Кто / что?	Прилагательное Какой?	Глагол Что (с)делать?	Наречие Как?
выпускник выпуск	выпускной	выпускать/ выпустить	нет
кандидат	кандидатский	нет	нет
	теоретический		
метод			
		уметь	
			актуально

тайте тексты темы и найдите в них представленные в задании словосочетания.

Модель 1. (Выпускной квалификационный) работа. → Выпускная квалификационная работа.

(Образовательный) деятельность; (экспериментально-практический) исследования; (академический) степень магистра; (практический) использование.

Модель 2.

Соискатель (степень магистра) → Соискатель степени магистра.

Квалификация (магистр); направление (научные изыскания); подготовка (магистерская диссертация); характеристика (выпускник).

Модель 3. Обучение (магистерская программа) → Обучение по магистерской программе.

Ступень (научно-исследовательская деятельность); справка (выполнение индивидуального плана); разница (статусы руководителя и магистранта).

Модель 4. Свидетельствовать (наличие умений и навыков у магистра) → Свидетельствовать о наличии умений и навыков у магистранта.

Вести (поступление в аспирантуру); столкнуться (трудности); состоять (две части); лежать (основа научной теории); принимать (внимание).

Изучение каждой темы заканчивается текущим тестовым контролем, проверяющим усвоение содержания текстов темы. В качестве итогового контроля после прохождения 1-ой части пособия пользователям предлагается описать по схеме постановку задачи применительно к организации обучения в магистратуре.

Таким образом, в первой части пособия формируются преимущественно предметная, прагматическая и дискурсивная составляющие КК так как они являются ведущими при обучении в магистратуре российского вуза.

Особенности представления материала во второй части пособия.

Вторая часть «Основные этапы работы над текстом магистерской диссертации» посвящена знакомству с языковыми средствами, которые используются для написания основных разделов ВКР и направлена на формирование языковой составляющей КК. Пользователи анализируют аутентичные фрагменты различных магистерских диссертаций и на основе приобретенных знаний и умений учатся продуцировать собственные научные тексты разных жанров. Грамматический материал этой части не выходит за рамки языковых и речевых явлений, изучаемых на подготовительном отделении, лексика в ней относится к метаязыку науки и узкопрофессиональной терминологии. Эта часть пособия рассчитана на работу с преподавателем РКИ.

Многолетний опыт преподавания языка в специальных целях, убедил нас в том, что главная задача русиста при работе с метаязыком науки — научить пользователей работать с формой, а не с содержанием, т. е. развивать у обучаемых навыки поиска ключевой глагольной и терминологической лексики, формировать умения правильно определять падежи, учить ставить термины в именительный падеж, чтобы посмотреть их значение в словаре, выделять клише научной речи, которые используются для написания введения, заключения, а также для составления аннотации и реферата ВКР.

С нашей точки зрения, форма в данном случае важнее содержания, потому что: во-первых, русисты не обладают предметными компетенциями специалистов инженерного профиля; во-вторых, метаязык науки обеспечивает универсальность языкового материала, т. е. несмотря на разные на-

правления подготовки в каждой ВКР присутствует типовая структура текста, характерная для жанра диссертации: актуальность, новизна, цель, задачи, выводы и др., которая выражается известными языковыми средствами.

Во 2-ой части пособия информация для преподавателя дается в виде лингвометодических комментариев к выполнению творческих заданий, формирующих у пользователей навыки компрессии текста и развивающих умения лингвостилевого анализа научных текстов на примере текстов разных жанров: введение, заключение, реферат, аннотация.

Обучение языковой и смысловой компрессии текста способствует совершенствованию умений сжатия текста до пределов минимальной избыточности, достаточной для его понимания. В дальнейшем эти умения будут востребованы пользователями при составлении аннотаций и рефератов магистерских диссертаций.

Формулировки заданий содержат следующие установки:

- провести лингвокогнитивный анализ названий магистерских диссертаций с целью определения в них ключевых слов и словосочетаний;
- познакомиться с рефератами ВКР: выделить в них основные структурные части: актуальность, новизну, цели, задачи, методы исследования и др.;
- проанализировать языковое выражение формулировок темы, целей, задач и выводов, содержащихся в магистерских диссертациях;
- провести анализ содержательных и языковых особенностей рефератов ВКР.

После выполнения предложенных заданий пользователи будут понимать, как строится связный текст, какова структура магистерской диссертации и какие языковые средства используются для выражения формулировок темы, целей, задач и выводов, после чего они смогут самостоятельно начать работу над текстом диссертации.

Приведем примеры из тем 2 и 3, отражающих установки выполнения заданий, но прежде заметим, что каждая тема начинается с лингвистического комментария, который преподаватель РКИ должен изложить в понятном пользовате-

лю формате. В статье количество предложений для тренировки в заданиях значительно сокращено.

Тема 2. Работа с заголовком (названием) текста диссертации

Комментарий

Название (заголовок) любого научного произведения (текста) содержит очень много информации. Количество информации обычно прямо пропорционально количеству слов, которые содержатся в названии. Чем больше слов, тем подробнее представлена информация.

Название диссертации для магистранта — это руководство к действию. Если проанализировать подробное (многословное) название диссертации, то в нем можно выделить три части: 1) интеллектуальные (когнитивные) операции исследователя; 2) объект/предмет исследования; 3) способы/методы и (или) среда, материал исследования и др. Например:

Исследование // существующих систем вызова удалённых процедур и современных средств разработки компиляторов // для рефакторинга систем автоматизированного проектирования.

1. Исследование.
2. Существующие системы вызова удалённых процедур и современные средства разработки компиляторов.
3. Для рефакторинга систем автоматизированного проектирования

Начало названия содержит информацию об интеллектуальных действиях исследователя (*исследовать, разработать, проанализировать, создать, обработать, реализовать* и т.п.), середина — обозначение объекта/предмета исследования (*мобильные телекоммуникационные системы, дистанционное обучение, веб-приложения* и др.) и конец названия — способы, методы, среду, материал исследования и др. (*на примере инструментальной системы Apple iPhone SDK, на основе стандарта GPRS, в газовом потоке методом частиц, путём применения аппарата искусственных нейронных сетей*).

Задание 1. Прочитайте и проанализируйте названия магистерских диссертаций по на-

правлению «Информатика и вычислительная техника».

Модель: Исследование принципов построения // активных баз данных // в Интернете.

А. Исследование принципов построения.

Б. Активные базы данных.

В. В Интернете.

А) Определите, какие из отглагольных существительных, обозначающих интеллектуальные (когнитивные) операции, наиболее характерны (частотны) для названий диссертаций. Выпишите эти слова.

Б) В каждом названии выделите ключевые слова, которые называют конкретный объект/предмет исследования. Эти слова несут основную смысловую нагрузку для работы над темой диссертации. Выпишите эти слова. Помните, что их формальным показателем является (в большинстве случаев) беспредложный род. пад.

В) Найдите в названиях диссертаций информацию о способах решения поставленной задачи, среде исследования или материале, на котором следует проводить работу. Выпишите эту информацию.

1. Исследование методов и средств репликации современных баз данных на примере СУБД Oracle.

2. Исследование технологий разработки приложений для мобильного корпоративного пользователя на примере инструментальной системы Apple iPhone SDK.

3. Разработка моделей ЛВС для определения соответствия ЛВС стандартам семейства ISO/IEC 8802.

4. Разработка экспериментальной CALS-системы для поддержки жизненного цикла машиностроения.

Тема 3. Способы языкового выражения формулировок названия темы, целей, задач и выводов, содержащихся в магистерских диссертациях

Комментарий

Особенностью написания магистерских диссертаций в техническом вузе является то, как формулируется тема, цели и задачи исследования. Ма-

гистрантам предлагается тема диссертации, а после ее утверждения — задание на выполнение ВКР.

Языковые структуры выражения данной информации:

1. **Тема** диссертации представляет собой именное словосочетание с использованием отглагольных существительных $N_1 + N_2 + N_{(2-6)} + \dots + N_{(2-6)}$.

Например: Исследование возможностей интеграции задач и концептуальное моделирование банковской деятельности на примере операций кредитования.

2. **Задание** всегда формулирует научный руководитель, оно вынесено на титульный лист и его можно считать эквивалентным задачам, которые стоят перед диссертантом. При формулировке задания обычно используются инфинитивные конструкции.

Например: Изучить базовые технологии Интернет-сервисов.

Исследовать принципы построения Интернет-сервисов в среде Microsoft Studio. Net 2003.

Разработать и отладить демонстративный пример.

3. **Цель** исследования — его методологическая характеристика; представление о результате. Ставя перед собой цель, диссертант прогнозирует, какой результат он намерен получить, каким будет этот результат. Цель также часто формулируется с использованием инфинитивных конструкций или с помощью отглагольных существительных.

Например: Улучшить процесс синхронизации данных между удаленными узлами распределенной базы данных путем выбора оптимального метода репликации в предметной области // Разработка рекомендаций по защите корпоративной информационной системы на разных уровнях ее реализации, а также предложение схем защиты для среднестатистической компании.

4. **Выводы** напрямую соотносятся с задачами исследования и представляют собой сжатое обобщенное изложение самых существенных, с точки зрения автора, результатов исследования. Выводы формулируются с использованием кратких причастий совершенного вида.

Например: Разработаны различные типы кодов, имеющих определенные особенности кон-

струирования, в соответствии с которыми они реализуются на тех или иных относительно простых принципиальных схемах в средствах электросвязи.

Таким образом, тема называет объект/предмет исследования; задачи указывают на то, что надо сделать; цель объясняет, зачем это надо сделать; выводы показывают, что сделано в диссертации.

Итоговый контроль после изучения 2-ой части пособия предлагается проводить в письменной форме и вынести на него лингвокогнитивный анализ названия диссертации и составление аннотации на ВКР.

АННОТАЦИЯ на что / чего. Аннотация на вышедшие сборники; Аннотация опубликованных статей.

<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F&all=x>

Таким образом, результаты работы с пособием можно представить в виде знаний и умений, необходимых иностранным магистрантам во время обучения в российском политехническом вузе. Иностранные пользователи будут:

знать:

- основные этапы подготовки магистерской диссертации;
- структурно-композиционные особенности текста ВКР;
- способы языкового выражения формулировок названия темы, целей, задач и выводов, содержащихся в ВКР;

уметь:

- ставить задачу исследования;
- определять объект/предмет, актуальность исследования и оформлять выводы;
- составлять реферат и аннотацию ВКР;
- работать с научной литературой.

Выводы. В заключение отметим, что в представленном пособии предлагается только одно из возможных решений задачи обеспечения учебного процесса предмагистров аутентичными методическими материалами на основе изучения их коммуникативных потребностей в сфере метаязыка науки. Поэтому следует продолжать поиски эффективных методик обучения метаязыку на этапе

предмагистерской подготовки. Для этого требуется проводить серьезные исследования различных контингентов иностранных магистрантов, создавать их языковые портреты, описывать системы образования разных стран, чтобы научить пользователей учиться на русском языке, учитывая их предыдущий опыт образования, полученного на родине или в других странах.

ИСТОЧНИКИ

Васильева 2019 — Васильева Т.В. Введение в магистерскую программу: учебное пособие. Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2019. 114 с.

ЛИТЕРАТУРА

Авдеева, 2020 — Авдеева И. Б. Электронно-опосредованная коммуникация: степень её влияния на пользователей. *Мир русского слова*. 2020, (4): 86–95.

Арефьев 2018 — Арефьев А. Л. *Обучение иностранных граждан в высших учебных заведениях Российской Федерации: Статистический сборник. Выпуск 15.* Министерство образования и науки Российской Федерации. М.: Центр социологических исследований, 2018. 184 с.

Байдак, Головачева, Салосина 2016 — Байдак А. В., Головачева Е. А., Салосина И. В. (ред.) *Международное образование и межкультурная коммуникация: проблемы, поиски, решения.* Сборник международной научно-практической конференции 26–27 октября 2016. Томск, Дельтаплан, 2016. http://iie.tpu.ru/iecc/docs/publication_2016.pdf

Баранова 2018 — Баранова И. И. Актуальные проблемы обучения русскому языку в условиях неязыковой среды. В сб.: *II Международный конгресс преподавателей и руководителей подготовительных факультетов (отделений) вузов РФ «Довузовский этап обучения в России и мире: язык, адаптация, социум, специальность».* III Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные вопросы реализации образовательных программ на подготовительных факультетах для иностранных граждан» (20–21 сентября 2018 года, Москва). М. Н. Русецкая, Е. В. Колтакова (отв. ред.). М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2018. С. 94–101.

Горбенко, Чуваева 2018 — Горбенко В. Д., Чуваева К. М. К вопросу о разработке программы предмагистерской подготовки иностранных граждан в вузах России. В сб.: *II Международный конгресс преподавателей и руководителей подготовительных факультетов (отделений) вузов РФ «Довузовский этап обучения в России и мире: язык, адаптация, социум, специальность».* III Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные вопросы реализации образовательных программ на подготовительных факультетах для иностранных граждан» (20–21 сентября 2018 года, Москва). М. Н. Русецкая, Е. В. Колтакова (отв. ред.). М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2018. С. 231–237.

Гузарова, Кашкан 2015 — Гузарова Н. И., Кашкан Г. В. Планирование учебной деятельности слушателей программы

предмагистерской подготовки: из опыта подготовительного отделения Томского политехнического университета. В сб.: *Международное образование и сотрудничество: сборник материалов международной научно-практической конференции «Профессионально направленное обучение русскому языку иностранных граждан» 28–30 мая 2015*. Т. 1. М.: МАДИ, 2015. С. 152–157.

Гузарова, Кашкан, Шахова 2013 — Гузарова Н.И., Кашкан Г.В., Шахова Н.Б. Программный подход в планировании и организации предмагистерской подготовки иностранных граждан в ТПУ. В кн.: Е.Ю. Кошелева (ред.). *Китайские, вьетнамские, монгольские образовательные мигранты в академической среде*. Томск: ТПУ, 2013. С. 76–93.

Кошелева 2011 — Е.Ю. Кошелева (ред.). *Портрет образовательного мигранта. Основные аспекты академической, языковой и социокультурной адаптации*. Томск: РАУШ МБХ, 2011. 204 с.

Кошелева 2013 — Е.Ю. Кошелева (ред.). *Китайские, вьетнамские, монгольские образовательные мигранты в академической среде*. Томск: издательство Томского политехнического университета, 2013. 420 с.

Ускова 2006 — Ускова О.А. *Метаязык бизнеса в языковом пространстве*. Монография. М.: МОЦ МГ, 2006. 214 с.

REFERENCES

Авдеева, 2020 — Avdeeva I.B. Electronic-mediated communication: the degree of its influence on users. *Mir russkogo slova*. 2020, (4): 86–95. (in Russian)

Арефьев 2018 — Aref'ev A.L. *Education of foreign citizens in higher educational institutions of the Russian Federation: Statistical collection. Issue 15*. Ministerstvo obrazovaniia i nauki Rossiiskoi Federatsii. М.: Tsentr sotsiologicheskikh issledovani, 2018. 184 p. (in Russian)

Байдак, Головачева, Салосина 2016 — Baidak A.V., Golovacheva E. A., Salosina I. V., (ed.). *International education and intercultural communication: problems, searches, solutions. Sbornik mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 26–27 oktjabria 2016*. Tomsk, Del'taplan, 2016. http://iie.tpu.ru/iecc/docs/publication_2016.pdf (in Russian)

Баранова 2018 — Baranova I.I. Actual problems of teaching Russian in a non-linguistic environment. In: M.N.Rusetskaia, E.V.Koltakova (ed.). *II Mezhdunarodnyi kongress prepodavatelei i rukovoditelei podgotovitel'nykh fakul'tetov (otdelenii) vuzov RF «Dovuzovskii etap obucheniia v Rossii i mire: iazyk, adaptatsiia, sotsium, spetsial'nost'». III Vserossiiskaia nauchno-prakticheskai konferentsiia «Aktual'nye voprosy realizatsii obrazovatel'nykh programm na podgotovitel'nykh fakul'tetakh dlia inostrannykh grazhdan» (20–21 sentiabria 2018 goda, Moskva)*: sbornik statei. М.: Gos. IRLa im. A. S. Pushkina, 2018. P. 94–101. (in Russian)

Горбенко, Чуваева — Gorbenko V.D., Chuvaeva K.M. On the issue of developing a program of pre-master's training of foreign citizens in Russian universities. In: M.N.Rusetskaia, E.V.Koltakova (ed.). *II Mezhdunarodnyi kongress prepodavatelei i rukovoditelei podgotovitel'nykh fakul'tetov (otdelenii) vuzov RF «Dovuzovskii etap obucheniia v Rossii i mire: iazyk, adaptatsiia, sotsium, spetsial'nost'»*.

III Vserossiiskaia nauchno-prakticheskai konferentsiia «Aktual'nye voprosy realizatsii obrazovatel'nykh programm na podgotovitel'nykh fakul'tetakh dlia inostrannykh grazhdan» (20–21 sentiabria 2018 goda, Moskva). М.: Gos. IRLa im. A. S. Pushkina, 2018. P. 231–237. (in Russian)

Гузарова, Кашкан 2015 — Guzarova N.I., Kashkan G.V. Planning of educational activities of students of the pre-master's training program: from the experience of the preparatory department of Tomsk Polytechnic University & In: *Mezhdunarodnoe obrazovanie i sotrudnichestvo: sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Professional'no napravlennoe obuchenie russkomu iazyku inostrannykh grazhdan» 28–30 maia 2015*. Т. 1. М.: МАДИ, 2015. P. 152–157. (in Russian)

Гузарова, Кашкан, Шахова 2013 — Guzarova N.I., Kashkan G.V., Shakhova N. B. Program approach in planning and organizing pre-master training of foreign citizens in TPU. In: E.Iu. Kosheleva (ed.). *Kitaiskie, v'etnamskie, mongol'skie obrazovatel'nye migranty v akademicheskoi srede*. Tomsk: TPU, 2013. P. 76–93. (in Russian)

Кошелева 2011 — E.Iu. Kosheleva (ed.). *Portrait of an educational migrant. The main aspects of academic, linguistic and socio-cultural adaptation*. Tomsk: RAUSH MBKH, 2011. 204 p. (in Russian)

Кошелева 2013 — Китайские, вьетнамские, монгольские образовательные мигранты в академической среде 2013 — E.Iu. Kosheleva (ed.). *Chinese, Vietnamese, Mongolian educational migrants in the academic environment*. Tomsk: izdatel'stvo Tomskogo politekhnicheskogo universiteta, 2013. 420 p. (in Russian)

Ускова 2006 — Uskova O. A. *The metalanguage of business in the language space*. М.: MOTС МГ, 2006. 214 p. (in Russian)

СОВРЕМЕННЫЙ УЧЕБНИК РКИ КАК ОСНОВА УСПЕШНОГО ДИАЛОГА КУЛЬТУР НА ПОДГОТОВИТЕЛЬНОМ ФАКУЛЬТЕТЕ РОССИЙСКОГО ВУЗА

NATALIA A. VOSTRIAKOVA

MODERN TEXTBOOK OF RFL AS THE BASIS FOR A SUCCESSFUL DIALOGUE OF CULTURES AT THE PREPARATORY FACULTY OF A RUSSIAN UNIVERSITY

Успешный учебный диалог культур способствует гармонизации международных отношений. На подготовительном факультете российского вуза он может быть организован с опорой на учебники (пособия) по РКИ, информирующие о российской культуре, национальной культуре студентов и взаимодействии этих культур. В статье рассматриваются примеры таких изданий, анализируются трудности их применения на начальном этапе обучения.

Автор подчёркивает, что диалог культур, осуществляемый на основе одного и того же учебника (пособия) по РКИ, в разных учебных группах подготовительного факультета может быть не тождественным. Это связано с тем, что состав групп, как правило, весьма разнообразен, а восприятие одних и тех же культурных фактов представителями разных национальных культур, религий, возрастов и т. д. может быть различным. Однако русский преподаватель должен направлять этот диалог таким образом, чтобы не дискредитировать свою культуру или культуру учащихся и достигать взаимопонимания в общении. Преподаватель должен учитывать специфику конкретной студенческой аудитории, национальные интересы России и человечества в целом и использовать учебное время для представления полезных и научно ценных знаний. При этом опорой в диалоге культур могут стать традиционные ценности русского народа (основанные на общечеловеческих ценностях), которые признаёт большинство современных россиян и большинство представителей других стран и народов.

Современные учебники (пособия) по РКИ и организуемые на их основе уроки должны иметь социальную ценность, помогать учащимся найти своё место в жизни и профессии, обучать их умению понимать представителей русской культуры и предостерегать от возможных заблуждений и конфликтов в будущем межкультурном общении.

Ключевые слова: русский язык как иностранный (РКИ), учебник по РКИ, начальный этап обучения, межкультурная коммуникация, диалог культур.

**Наталья Анатольевна
Вострякова**

Кандидат филологических наук, доцент

► vostriakova@yandex.ru

Волгоградский государственный
технический университет
400005, Волгоград,
проспект имени В. И. Ленина, дом 28

Natalia A. Vostriakova

Volgograd State Technical University
28, V.I. Lenin Avenue, Volgograd, 400005

The author argues that a successful educational dialogue of cultures contributes to the harmonization of international relations. At the preparatory faculty of a Russian university, it can be organized based on textbooks (manuals) on RFL, informing about Russian culture, the national culture of students and the interaction of these cultures. The article examines examples of such publications, analyzes the difficulties of their use at the initial stage of training.

The author emphasizes that the dialogue of cultures, carried out on the basis of the same textbook (manual) on RFL, in different educational groups of the preparatory faculty may not be identical due to the fact that the composition of groups, as a rule, is very diverse, and the perception of the same cultural facts by representatives of different national cultures, religions,

ages, etc., may be different. However, the Russian teacher should direct this dialogue in such a way as not to discredit his own culture or the culture of the students and to achieve mutual understanding in communication. The teacher must take into account the specifics of a particular student audience, the national interests of Russia and humanity in general, and use the study time to present useful and scientifically valuable knowledge. At the same time, the traditional values of the Russian people (based on universal human values), which are recognized by the majority of modern Russians and the majority of representatives of other countries and peoples, can become a support in the dialogue of cultures.

Modern textbooks (manuals) on RFL and lessons organized on their basis should have a social value, help students find their place in life and profession, teach them the ability to understand representatives of Russian culture and warn against possible misconceptions and conflicts in future intercultural communication.

Key words: Russian as a Foreign Language (RFL), textbook on RFL, initial stage of training, intercultural communication, dialogue of cultures.

Введение. Диалог культур, как считает большинство современных учёных (О. П. Быкова, Е. И. Пассов, Е. Г. Ростова и др.), является неотъемлемой частью процесса обучения РКИ. Познавая русский язык, иностранцы знакомятся и с русской культурой. Осознанно или неосознанно они постоянно сравнивают русскую культуру с родной и вырабатывают собственное отношение к ней.

Чтобы гармонизировать межэтнические отношения, этот процесс необходимо анализировать и им нужно научиться управлять. Это возможно, прежде всего, с опорой на учебник (учебное пособие) — основное средство обучения на уроке РКИ. Именно он должен создавать условия для подобного диалога, то есть предоставлять материалы и задания, порождающие взаимодействие культур в обучении. При этом освещение всех фактов культуры в учебнике РКИ должно содействовать взаимопониманию народов, основываться на признании у русского и других этносов прав на собственные духовные ценности, уважении к ним, а также способствовать нравственному совершенствованию учащегося, формированию у него социально ценных качеств личности.

Исходя из этих общепризнанных положений концепции диалога культур, в данном исследовании мы поставили перед собой *цель*: рассмотреть возможности используемых в настоящее время

российских учебников (пособий) по РКИ универсального и национально-ориентированного типов для студентов начального этапа обучения с точки зрения обеспечения ими условий для реализации успешного диалога культур на подготовительном факультете российского вуза. При этом вслед за А. Р. Арутюновым, Л. Б. Трушиной в качестве таких условий мы рассматриваем наличие в учебниках материалов о российской культуре, национальной культуре учащихся и контактах между этими культурами [Арутюнов, Трушина 1982: 35].

При выполнении исследования использовались *аналитический, сравнительный и описательный методы*. Теоретической основой наших размышлений послужили работы отечественных и зарубежных учёных, посвящённые проблемам диалога культур, межкультурной коммуникации, содержанию современных российских учебников РКИ и отражению в них образа России [Ардатова 2015; Коздра 2019; Куликова 2017; Сафонова 2012; Сейд 2008 и др.].

Поскольку в настоящее время существует большое количество российских универсальных и национально-ориентированных изданий по РКИ для начального этапа обучения, мы не стремились к их полному и всестороннему анализу, но пытались представить примерную обобщённую картину рассматриваемой в статье проблемы. Привлекали для анализа востребованные на подготовительных факультетах учебники РКИ, содержащие культурологическую информацию («Дорога в Россию», «Живём и учимся в России», «Жили-были», «Поехали!», «Учебник русского языка для говорящих по-китайски»), а также учитывали собственный многолетний опыт работы с рядом таких изданий в процессе педагогической практики в России и КНР.

Межкультурные контакты в национально-ориентированных и универсальных изданиях по РКИ для начального этапа обучения.

Организация успешного учебного диалога культур на уроке РКИ возможна, как отмечают исследователи [Соколова, Гусман 2014: 96–97 и др.], с опорой на материалы, отражающие контакты русской и национальной культур в той или иной области человеческой деятельности. На таких мате-

риалах, в частности, основывается пособие по чтению и развитию речи для итальянских студентов-гуманитариев «Россия — Италия: диалог культур». Оно сообщает учащимся элементарного-первого сертификационного уровня обучения об итальянском кукольном персонаже Пульчинелле и его русском родственнике Петрушке, о восприятии итальянцами произведений Л. Н. Толстого, А. П. Чехова и др. Использование подобных пособий («Россия и Испания: диалог культур», «Эхо: Россия — Венгрия: диалог культур» и др.) тренирует не только знания учащихся в области чтения, говорения и письма на русском языке, но и позволяет им осмыслить связи России со своей страной, проанализировать возможности своей будущей профессиональной деятельности и, как отмечают авторы [Соколова, Гусман 2014: 96, 98], помогает лучше узнать собственную культуру.

Однако пособия такого типа не позволяют последовательно изучать Программу первого сертификационного уровня обучения, активно развивать все виды речевой деятельности иностранцев. Поэтому на подготовительном факультете российского вуза они могут быть применены лишь как дополнительные, но не основные учебные издания. Количество таких пособий пока невелико, все они имеют национально-ориентированный характер, многие изданы за рубежом и более эффективны на первом сертификационном и более поздних, продвинутых этапах обучения.

Из национально-ориентированных изданий, построенных с опорой на Программу подготовительного факультета, отметим «Учебник русского языка для говорящих по-китайски», изданный в Москве [Учебник... 2000]. Хотя материалов, рассказывающих о взаимодействии русской и китайской культур, в нём почти нет, а информация о Китае ограничивается упоминанием на русском языке китайских реалий и онимов, стремление авторов учебника установить межкультурный контакт на уроке РКИ прослеживается с первых его страниц. Для облегчения учащимся рецепции в нём активно используется перевод на их родной язык. Русские и китайцы изображаются как люди, у которых много общего, которым легко и приятно знакомиться, дружить, ходить вместе в театр,

отмечать праздники [Там же: 113–114, 153–154, 164–165, 311 и др.]. Этому способствует введение постоянных персонажей книги — русской и китайской семей, диалогов между их членами, их писем друг другу, текстов и примеров сопоставительного характера: *Лю Айхуа — преподавательница. Она из Пекина. Это Ван Сун — её муж... Он переводчик... Ольга тоже преподавательница. Она из Москвы. Это Павел — её муж. Он журналист* [Там же: 73]. Данные особенности «Учебника русского языка для говорящих по-китайски» позволяют использовать его на подготовительном факультете российского вуза в целях организации диалога культур в мононациональных китайских группах на элементарном и базовом уровнях обучения.

Среди известных нам универсальных учебников наиболее полно взаимодействие культур раскрывается в пособии «Живём и учимся в России», созданном в Петербурге для учащихся первого сертификационного уровня обучения [Живём... 2010]. Взаимосвязь культур в нём демонстрируется, прежде всего, на примере жизненных судеб людей. Это история российского корреспондента, работающего в Турции, а также многочисленные истории иностранцев, которые становятся частью российского общества, учатся, работают в нашей стране, дружат с русскими людьми, создают с ними семьи [Там же: 9–10, 49–51, 98–99, 150–151, 156–157, 239 и др.]. Информация об этих персонажах пособия во многих случаях черпалась из российских газет и журналов («Известия», «Вокруг света», «Собеседник» и др.) и адаптировалась, что обеспечило её достоверность и занимательность. Кроме того, авторы использовали сочинения иностранных студентов: они приводят их реальные мнения о русской науке, учёных, впечатления от празднования русских праздников [Там же: 225–226, 269]. С точки зрения формы представления все перечисленные материалы об иностранцах — это учебные диалоги, полилоги, тексты, которые предлагаются учащимся для чтения, говорения, аудирования, тренировки грамматических и лексических навыков.

Имеются в «Живём и учимся в России» и лингвострановедческие тексты о нашей стране

и некоторых других странах (Сомали, Танзании, Сирии), о конкретных случаях взаимодействия национальных культур в сфере науки, образования, культуры, межгосударственного сотрудничества [Там же: 124–125, 163, 198, 224, 246–249, 266]. Все эти материалы показывают, что люди из разных стран в современном мире имеют много общего и могут успешно контактировать в социально значимых сферах.

И всё же, поскольку пособие имеет универсальный характер, удовлетворить познавательные потребности студентов всех национальных контингентов оно не может. Поэтому в ряде случаев им предлагается работать самостоятельно. Так, после текста о Петербурге иностранцы должны рассказать и написать о своём родном городе, после текста о России — дать интервью и написать сочинение о своей стране [Там же: 23, 73]. Подобные параллельные задания весьма распространены в российских универсальных и национально-ориентированных учебниках РКИ для подготовительных факультетов. Однако их эффективность зависит от уровня языковой компетенции учащихся и их желания выполнить такие задания, что, к сожалению, обнаруживается не всегда.

Национальная культура иностранцев в учебниках РКИ для начального этапа обучения.

Комментируя причины возможного неудачного диалога культур, организуемого по вопросам сопоставительного характера типа «У нас так. А как у Вас?» на материале одного из универсальных пособий для студентов подготовительного факультета, тегеранский профессор Сейед Хасан Захраи обратил внимание на то, что студенты начального этапа обучения не владеют русской лексикой, номилирующей предметы и явления их национального быта и культуры, и потому не могут быть равноправными участниками межкультурного общения на уроке РКИ. Даже обратившись к словарю или Интернету, они вряд ли выполнят такие задания и, следовательно, их рассказы о родине будут заведомо хуже, чем рассказы о параллельных российских реалиях. Иранский исследователь считает, что преподаватель, предлагая подобные задания, должен обязательно сопровождать их

необходимой для выполнения лингвострановедческой лексикой. Желательно, по его мнению, также создавать учебники сопоставительного характера и пособия типа «О моей стране по-русски» для того, чтобы иностранцы учились рассказывать о своей культуре, религии на русском языке и могли впоследствии вести диалоги о них с россиянами [Сейед 2008: 92–94].

Необходимость включения материалов о стране учащихся в учебный процесс подчёркивает и китайский учёный Ли Минь. Он полагает, что они помогут научить студентов рассказывать о родине и полноценно участвовать в российско-китайском диалоге, облегчат им адаптацию в России и будут способствовать формированию толерантного отношения наших граждан к иностранцам как к носителям иной культуры [Ли Минь 2011: 13]. Однако чтобы такие материалы были эффективны, они должны представлять актуальную и достоверную информацию о настоящем и прошлом страны учащихся и интерпретировать её с точки зрения их национальной картины мира. Но такой информацией не всегда владеют их русские авторы-преподаватели из-за многообразия, дистанцированности мировых культур и нестабильности развития дипломатических отношений России со многими зарубежными странами.

В большинстве российских школ и университетов подробно изучают лишь историю, географию и культуру Европы и Америки. Сведения о других странах, к сожалению, даются обзорно и фрагментарно. Основной же иностранный контингент российских вузов сегодня — граждане стран Азии, Африки и Ближнего Востока. С точки зрения своего состава он вариативен, и мононациональные группы формируются нечасто. Русские преподаватели обучают студентов разных стран, возрастов и интересов и редко работают длительно с одним национальным контингентом. Поэтому многие преподаватели, как и другие носители русского языка, не имеют возможности глубоко постичь национальную культуру всех народов, с представителями которых им приходится взаимодействовать.

Недостаточность знаний россиян о культуре и религии других стран замечают и студенты-

иностранцы (граждане Южной Кореи, Китая, арабских стран и др.). Нередко они высказывают желание знакомить нас со своей родиной, и его, на наш взгляд, нужно поощрять в учебном процессе. На продвинутых этапах обучения учащиеся могут подготовить интересные материалы о своей культуре на русском языке, которые возможно использовать как один из источников национально-ориентированных пособий «О моей стране по-русски». Безусловно, может быть плодотворным и сотрудничество российских и зарубежных преподавателей по созданию подобных пособий, однако такие случаи, к сожалению, редки.

Подводя итоги сказанному, подчеркнём, что национально-ориентированные издания, раскрывающие особенности национальных культур, их взаимодействие с русской культурой в прошлом и настоящем и согласующиеся с Программой подготовительного факультета, могут быть основой для организации продуктивного диалога культур на уроке РКИ в мононациональных группах российских вузов. Однако подобных изданий в нашей стране публикуется крайне мало. В случае их отсутствия, недоступности для студентов начальных этапов обучения или в интернациональных группах нужно опираться на универсальные учебники РКИ и, по возможности, дополнять их национально-ориентированными материалами о других странах. При этом следует учитывать, что освоение чужой культуры и для иностранных студентов, и для российских преподавателей часто не является процессом простым и краткосрочным.

Российская культура в современных универсальных учебниках РКИ.

После распада СССР в российском обществе произошли глобальные изменения политического, экономического, научно-технического и социального характера. Было переосмыслено прошлое страны, отношение к некоторым историческим деятелям. Как отмечают социологи (С. А. Барсукова, А. В. Селезнёва, Е. Б. Шестопал и др.), снизилось качество жизни и культурный уровень россиян, их моральные стандарты. Утвердилась ориентация на прагматизм, индивидуализм и свободу выражения мнений.

Изменился мировой статус русского языка. Многие западные страны сократили число своих студентов в российских вузах, переориентировавшись на английский язык. Освободившуюся нишу в российских вузах постепенно заполнили учащиеся из восточных и африканских стран — прежде всего, из Китая.

В связи с изменениями в Конституции РФ в 1992 году и под влиянием вестернизации в российском социуме изменилось отношение к воспитательной функции образования. Духовно-нравственный компонент был исключён из образовательных и культурных программ. Ответственность за формирование личности была возложена на семью. Школа и вуз стали образовательными институтами, которые должны были сообщать знания, предоставляя возможность обучаемым знакомиться с различными точками зрения и вырабатывать собственное отношение к ним.

Все эти общественные изменения и новые образовательные тенденции нашли отражение и в учебниках РКИ для подготовительных факультетов, создаваемых в конце 1990-х — 2000-х годах. Их авторы, стремясь модернизировать и демократизировать содержание обучения, отказались от освещения неактуальных советских явлений и ввели в него новую лексику, связанную с общественными переменами, достижениями научно-технического прогресса. Из учебников исчезли пионеры, колхозы и почти вся проблематика, связанная с ролью коллектива и страны в жизни отдельной личности. Даже тема Великой Отечественной войны, значимая для большинства русских людей, стала разрабатываться реже.

В начале XXI века в противовес утверждаемой ранее атеистической идеологии стали пропагандироваться языческие и религиозные праздники, православные храмы и даже суеверия, гороскопы [Чернышов 2009: 222; Чернышов, Чернышова 2012: 71–73, 166–168], невзирая на принципы светскости, научности, теоретической и практической ценности вузовского образования и многоконфессиональный состав большинства студенческих групп.

Авторы учебников старались разнообразить их содержание, сделать его увлекательным.

Сопровождали учебники аудио- и видеозаписями, цветными иллюстрациями, включали в них ранее неизвестные имена, художественные, научные, публицистические и рекламные тексты. Появилось немало оригинальных материалов. Так, авторской находкой в учебнике «Жили-были» стал адаптированный текст для чтения «Можно ли понять русскую культуру через ключевые слова русского языка?» (по А. Д. Шмелёву), раскрывающий представления о времени с точки зрения русских и европейцев [Миллер, Политова 2005: 67–68]. Интересен также текст «Сибирь» из комплекса «Поехали!», опровергающий с опорой на иллюстрации стереотипные представления иностранцев об этом регионе [Чернышов, Чернышова 2019: 48–49].

В то же время, начиная с постсоветского периода, при презентации российской культуры в учебниках стали демонстрироваться не только привлекательные её аспекты, но и негативно характеризующие настоящее или прошлое нашей страны. Такие примеры исследователи обнаруживают, например, в пособиях «На пути к взаимопониманию», «Россия: день сегодняшний», «Приглашение в Россию», «Россия день за днём», «Шкатулка» и других изданиях [Ардатова 2015: 223–224; Куликова 2017: 54–57 и др.]. В частности, текст «Новая квартира» из учебника «Дорога в Россию» информирует о мошенничестве в московском строительном бизнесе [Антонова и др. 2013: 187–190]. Адаптированный текст «Паша и Павлуша» (по В. Токаревой) из учебника «Жили-были» рассказывает о неблагополучной школе для детей с особенностями в развитии, деструктивных рабочих и семейных отношениях россиян [Миллер, Политова 2005: 139–143].

Социальные язвы нашей жизни обнажает и учебный комплекс «Поехали!». Это пропасть между богатыми и бедными [Чернышов, Чернышова 2012: 139–140, 150–151]; отсутствие электричества, воды, воровство в коммунальной квартире [Чернышов, Чернышова 2019: 107–108]; алкоголизм и наркомания детей, их нежелание посещать школу и стремление эмигрировать из своей страны [Чернышов, Чернышова 2012: 114–115, 189–190] и др.

Думается, что многие из этих проблем существуют и в других государствах и их необходимо

решать человечеству. Однако, по наблюдениям профессора В. В. Сафоновой, британские и американские авторы учебников английского языка для иностранцев, например, обычно создают в них благополучный образ своей родины и не акцентируют внимание на имеющихся негативных явлениях [Сафонова 2012: 207], стремясь поддержать в учащихся желание контактировать со своим народом и изучать английский язык.

Современные же российские авторы учебников РКИ базового — первого сертификационного уровней тексты с социально заострённой тематикой в них включают, хотя обсуждение их проблематики на данных этапах обучения весьма затруднено. Нередко, подчёркивает В. В. Сафонова, эти тексты предлагаются для формирования лексико-грамматических и речевых навыков, что приводит к их многократному воспроизведению студентами в учебном процессе и прочному закреплению в их сознании. Имея ограниченные знания о российской действительности, учащиеся не осознают дискуссионный характер таких текстов и, к сожалению, безоговорочно принимают изложенную в них точку зрения [Там же 2012: 209–210].

Возвращаясь к комплексу «Поехали!», отметим, что в нём рассматривается также история алкогольных традиций в России: в тексте «Из истории русской кухни» утверждается, что в 1913 году пили только 3 литра алкоголя в год на человека [Чернышов 2009: 191] (по мнению автора, это незначительная цифра, но иностранцы могут её интерпретировать и иначе). Встречаются такие реалии, как водка русская, славянская (водка), водка «Менделеев» [Чернышов, Чернышова 2011: 101, 127, 146]. Приводятся фамильярные шутки о Л. Н. Толстом, А. П. Чехове, политических лидерах России и даже гороскоп В. И. Ленина, написанный в саркастичной тональности [Чернышов, Чернышова 2012: 50, 52, 72].

Заметим, что этнонимы русский, славянский, имена Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, Д. И. Менделеева и всех руководителей нашей страны являются символами России в тот или иной исторический период. Этих людей признают во многих странах мира как лидеров в своей области, несмотря на неоднозначное восприятие деятельности некоторых

из них русскими людьми в постсоветский период. Поэтому упоминание данных слов и имён в указанных контекстах приводит к тому, что ценности, связываемые с ними, в сознании иностранцев дискредитируются.

Авторы ряда учебников (пособий) по РКИ XXI века при презентации лексики стали ориентироваться не на современную литературную норму и элитарную языковую личность, а на речевой узус улицы и Интернета с целью заинтересовать учащихся, дать им возможность общаться в необразованной молодёжной среде. Поэтому в учебные издания стали включаться разговорные слова, просторечие, жаргонизмы и вульгаризмы. Ср.: 1. — *Ты помнишь, кто я? — Конечно! Я не идиот. Я помню всё!* [Чернышов, Чернышова 2019: 129]; 2. *Ну, как тебе этот клуб? Супер, да? Классное место* [Чернышов, Чернышова 2011: 157].

«Опыт показывает, — пишут З.Л. Новоженнова и А. Климкевич о будущих польских филологах, — что студенты, изучающие русский язык, не осознают и не чувствуют тонкостей и нюансов языка, полагают, что так должен звучать настоящий разговорный русский язык». Поэтому задача преподавателя состоит в выработке у них правильного отношения к таким лексическим единицам, умения учитывать специфичность сферы их употребления [Новоженнова, Климкевич 2020: 93, 95]. Традиционная же методика всегда ограждала учащихся от ненормативной и сниженной лексики (особенно на начальном этапе обучения), так как она не является литературной, негативно маркирует речевой паспорт говорящего и её актуализация иностранцем может породить конфликты в общении с русскими людьми.

Неоднозначную функцию стал выполнять даже юмор в учебниках, хотя позитивные эмоции, вызываемые им, казалось бы, должны оптимизировать общение на уроке. Однако во многих универсальных учебниках РКИ юмор не достигает этой цели, и проблема здесь не в его национальной специфике, а в том, что именно высмеивается. Ср. «несмешные шутки» из русских учебников, которые приводит польский учёный Михал Коздра: 1. *Один приятель приглашает другого на рыбалку. — Да ты что! — отмахнулся тот. — Я совсем не умею рыбу*

ловить. — Да что тут уметь! Разливай и пей!; 2. — *Наконец-то будильник меня разбудил. — Каким образом? — Жена стукнула меня им по голове!* [Коздра 2019: 83].

На неадекватную функцию юмористического дискурса обращает внимание и профессор Л.В. Куликова. Проанализировав ряд популярных пособий 2003–2014 гг. для базового и продвинутых этапов обучения, она пришла к выводу о том, что шутки и другие материалы в них носят недоброжелательный, маргинальный характер, не популярны среди современных носителей русского языка и дискредитируют российское общество, семейные и деловые отношения [Куликова 2017: 55, 57].

Ведущей во многих учебниках стала идея о том, что сильная, трудолюбивая личность способна найти своё место в жизни самостоятельно и добиться благополучия (см., например, тексты «Наталья Нестерова», «Аптеки 36,6», «Глазунов» [Антонова и др. 2009: 160, 161; Чернышов, Чернышова 2012: 20–21]). При знакомстве с известными деятелями русской науки и культуры центральное внимание часто уделяется конкретным фактам их биографии, перипетиям личной жизни, а их профессиональные достижения комментируются в самых общих чертах (например, в текстах «Анна Ахматова», «Простые секреты доктора Углова» [Антонова и др. 2009: 123–124; Чернышов, Чернышова 2011: 111]). Безусловно, во многом это объясняется ограниченностью языковой компетенции студентов начального этапа обучения. Однако, поскольку иностранцы редко узнают о выдающихся русских деятелях на своей родине, для них долгое время может остаться не вполне ясным, что именно нового они сделали в своей профессиональной области.

Большое внимание в современных учебниках и пособиях уделяется проблемам построения отношений личности с другими людьми. С целью повышения мотивации и интереса учащихся к русскому языку вводятся дискуссионные темы, полемические тексты, проблемные задания. Предлагая их, авторы стремятся развить мышление иностранцев, сформировать у них активную жизненную позицию.

Однако практика преподавания показывает, что работа над таким материалом, к сожалению, во многих случаях ограничивается обсуждением его непосредственного содержания, так как студенты подготовительного факультета редко проявляют готовность высказать собственное мнение и обосновать его. Многие представители восточных и азиатских культур, обучающиеся в российских вузах, в этих случаях учитывают публичность аудиторных занятий и не считают возможным открыто выражать свою позицию.

Молчанием в большинстве случаев иностранцы реагируют и на информацию, которая вызывает у них отторжение. Спорить с русским преподавателем в России, высказывать негативное мнение многие студенты считают недопустимым, что отчасти может камуфлировать проблему и затруднить поиск её адекватного решения. В связи с этим весьма ценны редкие работы иностранных исследователей, в которых авторы пытаются раскрыть точку зрения представителей своей культуры на ту или иную проблемную ситуацию, связанную с осмыслением русской учебной литературы, дают советы российским преподавателям.

В частности, польский учёный Михал Коздра подчёркивает, что известные ему российские учебники русского языка для взрослых не всегда отличаются чёткой структурой, могут хаотично представлять материал, включать в себя «языковые ошибки» и слишком усложнять правила. Даже переиздаваемые учебники часто не редактируются: в них остаются неизменными даты, факты, имена, события, фотографии. Имеются в учебных изданиях и «непродуманные упражнения», которые вызывают неловкую ситуацию на уроке: например, задания типа *«Достань вещи из кармана и расскажи о них»*.

Встречаются текстовые и иллюстративные материалы, интересные для тинейджеров, но не для взрослых учащихся, которые занимаются русским языком с целью профессионального совершенствования. Отсутствует равновесие между женскими и мужскими темами. Преобладает женская тематика (макияж, покупки, аэробика, диеты и т. п.). Интересы же мужской аудитории удовлетворяются недостаточно [Коздра 2019: 82–83].

Ценно также мнение иранского профессора Сейеда Хасана Захраи о пособии Р. М. Теремовой, В. Л. Гавриловой *«Актуальный разговор: чем живёт человек»*, адресованном иностранцам среднего и продвинутых этапов обучения. Профессор обращает внимание на вопросы, которые в нём предлагаются: «Гендерная теория и феминистское движение», «Мужчина и женщина: XXI век. Как меняются гендерные стереотипы?», «Гендерный фактор и вы» и т. п. [Сейед 2008: 94–95]. Иранский учёный считает, что обсуждение этих проблем со студентами многих национальностей нецелесообразно, так как противоречит их традиционным ценностям и демонстрирует неуважение к их культуре [Там же: 95–96].

Сомнения вызвала у него и часть «Мир вокруг нас. Мир внутри нас» из рассматриваемого пособия, в которой представлен материал для дискуссий на темы: «Любовь и брак: прошлое и настоящее», «Культура и “этнические психозы”», «Суицид в современном мире» и др. Исследователь подчёркивает, что подобные проблемы обычно не обсуждаются в общении с русскими людьми, и потому на них не стоит тратить учебное время. К тому же, отмечает он, предложенные авторами вопросы типа «Кому вы последний раз говорили “люблю”?» «Какой вы видите свою собственную свадьбу?», «Зачто вы себя любите / не любите?» в иностранной аудитории и, в частности, в иранской, неуместны. Они носят личный характер, весьма щекотливы и учащиеся не захотят попасть в неловкое положение, публично отвечая на них [Там же: 95–96].

Данный пример интересен тем, что в осмыслении одного и того же материала обнаруживаются явно выраженные противоречия между представителями разных научных школ: российской и иранской. Авторы пособия стремятся организовать обучение как откровенный разговор на морально-нравственные темы между носителями разных культур. Считают, что они отражают изменения в жизни российского общества в конце XX века и обеспечивают психологическую и языковую адаптацию иностранцев в российском социуме [Теремова, Артамонова 2007: 58]. Иранский же учёный полагает, что приватность личностно-

го пространства студентов нарушается и принцип диалога культур не соблюдается.

Таким образом, открытость нашего общества с конца XX века к переменам, социальные и образовательные реформы, проведенные в нём, нашли отражение в особенностях освещения российской культуры в универсальных учебниках (пособиях) по РКИ, используемых в настоящее время на подготовительных факультетах. Расширилась тематика их учебных материалов, они стали более увлекательны, красочны, реалистичны, полемичны и свободны по отношению к литературной норме. Однако в процессе применения этих учебников обозначились новые вопросы: насколько представленные в них факты русской культуры достоверны и объективны, важны для развития коммуникативной и социокультурной компетенций иностранцев, их научного мировоззрения, личностных качеств, приемлемы ли они с точки зрения особенностей их мировосприятия, национальных интересов России и человечества в целом. В конкретной ситуации учебного межкультурного диалога ответы на них в настоящее время ищет преподаватель, исходя из специфики современной международной ситуации, своей профессиональной компетентности и гражданской позиции.

Заключение. Успешный диалог культур на подготовительном факультете российского вуза может быть организован с опорой на универсальные и национально-ориентированные учебники (пособия) по РКИ, информирующие о российской культуре, национальной культуре студентов и взаимодействии этих культур.

На сегодняшний день универсальных учебников, соответствующих Программе подготовительного факультета, создано достаточно. Но они рассчитаны на «среднего иностранца» и не могут удовлетворить познавательные потребности студентов всех национальных контингентов российских вузов. Главная их задача в контексте диалога культур — сообщить иностранцам актуальную информацию о нашей стране, помочь им адаптироваться в ней. Однако такие учебники, к сожалению, не всегда достойно представляют настоящее и прошлое России, могут презентовать

ненаучные, сомнительные сведения и нелитературные языковые единицы. Поэтому необходимо совершенствовать их содержание с точки зрения его соответствия русской литературной норме и приоритетных образовательных задач мирового сообщества. Многообразие представленных в учебниках мнений не должно мешать утверждению в сознании студентов ценного, доброго, достойного для того, чтобы они понимали роль русского языка и культуры в развитии мировой цивилизации и стремились к дальнейшим контактам с русскими людьми.

Национально-ориентированных учебников РКИ, согласованных с Программой подготовительного факультета, сообщающих о культуре других стран и их международных контактах с Россией, в библиотеках российских вузов имеется крайне мало. Поэтому российским преподавателям нужно создавать такие учебники (или национально-ориентированные приложения к универсальным изданиям), особенно для студентов из стран Азии и Африки, которые составляют основной контингент наших вузов. Желательно привлекать к такой работе зарубежных преподавателей РКИ для того, чтобы будущие материалы отражали актуальную и достоверную информацию о стране учащихся и интерпретировали её с точки зрения их национальной картины мира.

В настоящее же время достижение успешного диалога культур на подготовительном факультете возможно лишь эпизодически и отчасти зависит от желания и компетенции преподавателя. Опираясь на свои знания и опыт работы, он имеет возможность выбирать материал из универсальных и имеющихся национально-ориентированных учебников РКИ и создавать условия для его адекватного восприятия иностранцами. Однако состав студенческих групп на подготовительном факультете вариативен, а восприятие одних и тех же культурных фактов представителями разных национальных культур, религий, возрастов может быть различным. Поэтому диалог культур, организуемый на основе одного и того же учебника (пособия) по РКИ, в разных учебных группах может быть не тождественным.

Для того чтобы он был успешным, преподавателю следует максимально учитывать специфику национальной культуры конкретных студентов по сравнению с русской и направлять познавательный процесс таким образом, чтобы не дискредитировать свою культуру или культуру учащихся, но достигать взаимопонимания с ними. Важно также накапливать и обобщать практический опыт применения универсальных и национально-ориентированных учебников (пособий) по РКИ студентам из различных стран с целью определения их эффективности.

Современные учебники (пособия) по РКИ и организуемые на их основе уроки должны предоставлять полезные и научно ценные знания, помогать учащимся найти своё место в жизни и профессии, обучать их умению понимать представителей русской культуры, предостерегать от возможных заблуждений и конфликтов в будущем межкультурном общении. Как показывают социальные опросы последних лет (С. А. Барсукова и др.), традиционные русские ценности, основанные на общечеловеческих ценностях, по-прежнему объединяют большинство русских людей, и в процессе учебного диалога культур именно они, прежде всего, могут послужить опорой для сближения и международного сотрудничества России со странами и людьми, которые также их разделяют.

ИСТОЧНИКИ

Антонова и др. 2009 — Антонова В. Е., Нахабина М. М., Толстых А. А. *Дорога в Россию: учебник русского языка (базовый уровень)*. М.: ЦМО МГУ – СПб.: Златоуст, 2009. 256 с.

Антонова и др. 2013 — Антонова В. Е., Нахабина М. М., Толстых А. А. *Дорога в Россию: учебник русского языка (первый уровень): в 2-х т.* Т.1. СПб.: Златоуст, 2013. 200 с.

Живём... 2010 — *Живём и учимся в России: учеб. пособ. по рус. яз. для иностран. учащихся (I уровень)*. Т. И. Капитонова, И. И. Баранова Е. В. Городецкая [и др.]; научн. ред. Т. И. Капитонова. СПб.: Златоуст, 2010. 304 с.

Миллер, Политова 2005 — Миллер Л. В., Политова Л. В. *Жили-были... 12 уроков русского языка. Базовый уровень: учебник*. СПб.: Златоуст, 2005. 200 с.

Учебник... 2000 — Т. М. Балыхина, И. Ф. Евстигнеева, К. В. Маерова и др. *Учебник русского языка для говорящих по-китайски*. М.: Рус. яз. Курсы, 2000. 352 с.

Чернышов 2009 — Чернышов С. И. *Поехали! Русский язык для взрослых. Начальный курс*. СПб.: Златоуст, 2009. 280 с.

Чернышов, Чернышова 2019 — Чернышов С. И., Чернышова А. В. *Поехали! Русский язык для взрослых. Начальный курс: рабочая тетрадь*. Часть 1.1. СПб.: Златоуст, 2019. 160 с.

Чернышов, Чернышова 2011 — Чернышов С. И., Чернышова А. В. *Поехали!–2. Русский язык для взрослых. Базовый курс: в 2-х т.* Т.1. СПб.: Златоуст, 2011. 168 с.

Чернышов, Чернышова 2012 — Чернышов С. И., Чернышова А. В. *Поехали!–2. Русский язык для взрослых. Базовый курс: в 2-х т.* Т.2. СПб.: Златоуст, 2012. 200 с.

ЛИТЕРАТУРА

Ардатова 2015 — Ардатова Е. В. Продвижение позитивного образа страны в современных учебниках по русскому языку для иностранцев как составляющая «мягкой силы» России. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2015, (7–1): 222–225.

Арутюнов, Трушина 1982 — Арутюнов А. Р., Трушина Л. Б. Учебник русского языка для иностранцев: основные требования и характеристики. В сб.: *Современное состояние и основные проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы: доклады совет. делегации на V конгр. МАПРЯЛ*. В. Г. Костомаров (отв. ред.). М.: Рус. яз., 1982. С. 30–40.

Коздра 2019 — Коздра М. Каким должен быть учебник по русскому языку как иностранному для взрослых учащихся. *Русистика*. 2019, т. 17 (1): 78–89. DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-1-78-89.

Куликова 2017 — Куликова Л. В. Миссия учебника по РКИ в формировании позитивной концептуальной картины мира о России. *Политическая лингвистика*. 2017, (1–61): 53–59.

Ли Минь 2011 — Ли Минь. *Формирование языковой компетенции китайских студентов при изучении русского языка: типовые ошибки в монологической и диалогической речи и пути их преодоления*: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2011. 24 с.

Новоженова, Клишкевич 2020 — Новоженова З. Л., Клишкевич А. Проблема формирования лексической компетенции иностранных студентов-русистов: лингвистические, социально-культурные и методические аспекты. *Русский язык за рубежом*. 2020, (3): 90–98. DOI: 10.37632/PI.2020.280.3.013.

Сафонова 2012 — Сафонова В. В. Социокультурные аспекты экспертного анализа качества иноязычной учебной литературы. *Евразийский форум*. 2012, (1–4): 199–215.

Сейед 2008 — Сейед Хасан Захраи. О многоаспектности лингвокультурного компонента. *Мир русского слова*. 2008, (2): 91–96.

Соколова, Гусман 2014 — Соколова Л. В., Гусман Тирадо Рафаэль. «Россия и Испания: диалог культур»: обучение языку, культуре и коммуникации. *Вестник РУДН. Серия «Лингвистика»*. 2014, (2): 96–106.

Теремова, Артамонова 2007 — Теремова Р. М., Артамонова В. В. Толерантность как основа адаптации иностранных студентов в условиях российского социума. *Вестник Герценовского университета*. 2007, (2–40): 56–60.

SOURCES

Антонова и др. 2009 — Antonova V. E., Nakhabina M. M., Tolstykh A. A. (2009) *The Road to Russia: Russian language textbook (basic level)*. Moscow: TSentr Mezhdunarodnogo obrazovaniia MGU Publ. – St. Petersburg: Zlatoust Publ., 2009. 256 p.

Антонова и др. 2013 — Antonova V.E., Nakhbina M.M., Tolstykh A.A. *The Road to Russia: Russian language textbook (first level)*: in 2 vols. Vol. 1. St. Petersburg: Zlatoust Publ., 2013. 200 p.

Живём... 2010 — Kapitonova T.I., Baranova I.I., Gorodetskaya E.V. et al. *We live and study in Russia: textbook on the Russian language for foreign students (I level)*. Scientific editor T.I. Kapitonova. St. Petersburg: Zlatoust Publ., 2010. 304 p.

Миллер Л.В., Политова Л.В. 2005 — Miller L. V., Politova L. V. *Once upon a time ... 12 Russian Language lessons. Basic level: textbook*. Saint Petersburg: Zlatoust Publ., 2005. 200 p.

Учебник... 2000 — Balykhina T. M., Evstigneeva I. F., Mayerova K. V. et al. *Russian language textbook for Chinese speakers*. Moscow: Russkii yazyk. Kursy Publ., 2000. 352 p.

Чернышов 2009 — Chernyshov S.I. *Let's go! Russian language for adults. A course for beginners*. St. Petersburg: Zlatoust Publ., 2009. 280 p.

Чернышов, Чернышова 2019 — Chernyshov S.I., Chernyshova A.V. *Let's go! Russian language for adults. A course for beginners: workbook*. Part 1.1. St. Petersburg: Zlatoust Publ., 2019. 160 p.

Чернышов, Чернышова 2011 — Chernyshov S.I., Chernyshova A.V. *Let's go!-2. Russian language for adults. Basic course*: in 2 vols. Vol. 1. St. Petersburg: Zlatoust Publ., 2011. 168 p.

Чернышов, Чернышова 2012 — Chernyshov S.I., Chernyshova A.V. *Let's go!-2. Russian language for adults. Basic course*: in 2 vols. Vol.2. St. Petersburg: Zlatoust Publ., 2012. 200 p.

Сафонова В.В. 2012 — Safonova V.V. Sociocultural aspects of expert analysis of the quality of foreign language educational literature. *Evrasiiskii forum*. 2012, (1–4): 199–215.

Сейед 2008 — Seyed Hasan Zahrai. On the multidimensional nature of the linguistic and cultural component. *Mir russkogo slova*. 2008, (2): 91–96.

Соколова, Гусман 2014 — Sokolova L. V., Guzman Tirado Raphael. “Russia and Spain: dialogue of cultures”: teaching language, culture and communication. *Vestnik RUDN. Seriya «Lingvistika»*. 2014, (2): 96–106.

Теремова, Артамонова 2007 — Teremova R.M., Artamonova V.V. Tolerance as the basis for adaptation of foreign students in the conditions of Russian society. *Vestnik Gertsenovskogo universiteta*. 2007, (2–40): 56–60.

REFERENCES

Ардатова 2015 — Ardatova E. V. Promotion of a positive image of the country in modern Russian language textbooks for foreigners as a component of Russia's “soft power”. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 2015, (7–1): 222–225.

Арутюнов, Трушина 1982 — Arutyunov A. R., Trushina L. B. Russian language textbook for foreigners: basic requirements and characteristics. In: *Sovremennoe sostoianie i osnovnye problemy izucheniia i prepodavaniia russkogo iazyka i literatury: doklady sovetskoi delegatsii na V kongresse MAPRIAL*. V.G. Kostomarov (ed.). Moscow: Russkii yazyk Publ., 1982. P. 30–40.

Коздра 2019 — Kozdra M. What should be a textbook on Russian as a foreign language for adult students. *Rusistika*. 2019, vol.17 (1): 78–89. DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-1-78-89

Куликова 2017 — Kulikova L. V. Mission of the Russian as a Foreign Language course book in forming the positive conceptual picture of the Russian-speaking world. *Politicheskaia lingvistika*. 2017, (1–61): 53–59.

Ли Минь 2011 — Li Min. *Formation of the linguistic competence of Chinese students in the study of Russian language: the typical errors in monologue and dialogue speech and ways to overcome them*: Extended abstract of candidate's thesis, Pedagogy. Ekaterinburg. 2011. 24 p.

Новоженова, Клиркевич 2020 — Novozhenova Z.L., Klimkevich A. Problem of lexical competence developing among foreign students of Russian philology: linguistic, social, cultural and methodological aspects. *Russkii iazyk za rubezhom*. 2020, (3): 90–98. DOI:10.37632/PI.2020.280.3.013

ТЕОРИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ОПИСАНИЯ ЯЗЫКА КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА УЧЕБНЫХ ПОСОБИЙ «РУССКИЙ ЯЗЫК» 5–11 КЛ.

(АВТ. РУДЯКОВ А. Н., ФРОЛОВА Т. Я., МАРКИНА-ГУРДЖИ М. Г., БУРДИНА А. С.)

MARIIA G. MARKINA-GURDZHI

THE THEORY OF FUNCTIONAL DESCRIPTION OF LANGUAGE AS A METHODOLOGICAL BASIS
OF THE TEXTBOOKS "RUSSIAN LANGUAGE" GRADE 5–11
BY A. N. RUDYAKOV, T. IA. FROLOVA, M. G. MARKINA-GURDZHI, A. S. BURDINA

**Мария Геннадиевна
Маркина-Гурджи**

Кандидат филологических наук,
заведующая кафедрой филологии

► magoni1@yandex.ru

Крымский республиканский институт
постдипломного педагогического
образования

Симферополь, ул. Ленина, 15

Mariia G. Markina-Gurdzhi

Head of the Department of Philology

Crimean Republican Institute
of Postgraduate Pedagogical Education
15, Lenina St., Simferopol

В статье рассматривается проблема формирования в учебниках русского языка адекватных современному состоянию лингвистической науки знаний о языке. Утверждается, что приобретаемые учащимися знания о русском языке не должны противоречить той системе взглядов на язык, которая утвердилась в лингвистике, и это, в свою очередь, обеспечит возможность эффективного овладения учащимися грамотностью в самом широком значении этого термина. Цель работы состоит в обосновании необходимости при создании учебников по русскому языку для общеобразовательных организаций опираться на функциональную теорию описания языка и демонстрации результатов использования данной теории в учебных пособиях «Русский язык» для 5–9, 10–11 классов (авт. Рудяков А. Н. и др.). Характеристика основных положений лингвистического функционализма, данная в статье, позволяет сделать вывод о необходимости описывать язык и все его единицы в учебниках по русскому языку именно с этих позиций. В статье на конкретных примерах иллюстрируется реализация функциональной теории описания языка в учебных пособиях, определяются эффективные формы и методы работы по применению полученных знаний в реальных ситуациях речевого взаимодействия.

В статье делается вывод, что усвоение знаний о языке, не противоречащих его сущности, позволяет повысить мотивацию у учащихся к изучению предмета «Русский язык», выстроить систему работы по овладению навыком применять полученные знания о языке в конкретной практике использования языка.

Об эффективности учебников, в основу которых положена методология лингвистического функционализма, свидетельствует многолетний опыт использования учебников по русскому языку крымского авторского коллектива на Украине, где учебники были удостоены Государственной премии Украины в области образования в 2013 году.

Ключевые слова: грамотность, функция, инвариант и вариант, сильная и слабая позиции, регулятивная функция, подсистема номинативных средств, ситуация речевого взаимодействия.

The article deals with the problem of formation in Russian language textbooks of knowledge about the language adequate to the current state of linguistic scholarship. It is argued that the knowledge about the Russian language acquired by students should not contradict the system of views on the language that has been established in linguistics, and this, in turn, will provide students with the opportunity to effectively master literacy in the broadest sense of this

term. The purpose of the work is to substantiate the need to create textbooks on the Russian language for educational organizations to rely on the functional theory of describing the language and demonstrating the results of using this theory in the textbooks “Russian language” for grades 5-9, 10-11 by A.N. Rudyakov and others. The characterization of the main provisions of linguistic functionalism, given in the article, allows to conclude that it is necessary to describe the language and all its units in textbooks on the Russian language precisely from these positions. The article illustrates the implementation of the functional theory of language description in textbooks using concrete examples, defines effective forms and methods of work on applying the acquired knowledge in real situations of speech interaction. The article concludes that the assimilation of knowledge about the language, which does not contradict its essence, makes it possible to increase students' motivation to study the “Russian language” subject, to build a system of work on mastering skills to apply the acquired knowledge about the language in a specific practice of using the language.

The effectiveness of the textbooks based on methodology of linguistic functionalism is evidenced by many years of using the Russian language textbooks by the Crimean authors in Ukraine, which were awarded the State Prize of Ukraine in the field of education in 2013.

Key words: literacy, function, invariant and variant, strong and weak positions, regulatory function, subsystem of nominative means, situation of speech interaction.

Введение

Современные потребности личности, общества и государства выдвигают особые требования к качеству образования. В отечественном образовательном процессе заметен переход от «знаниевой» парадигмы к компетентностной, что находит свое отражение в основных положениях Федерального государственного образовательного стандарта 2021 [Приказ 2021], в формулируемых планируемых результатах обучения, где наряду с предметными результатами значительно расширен перечень личностных и метапредметных результатов. Однако следует учитывать, что «фундаментальные знания не исключают компетентности, навыков и способностей выполнять какие-либо профессиональные функции» [Асканова 2015], а, скорее, определяют их: знания обеспечивают эффективное формирование навыков и развитие способностей. Соответственно, переход к компетентностной парадигме не должен сопровождаться утратой приоритетной цели процесса обучения — формирование прочных знаний по каждому предмету — как основы образования.

Ведущую роль в обеспечении этой цели играет учебник как «материализованный носитель нормативно закреплённой суммы знаний содержания образования по данному учебному предмету» [Кабардин 2022]. Чрезвычайно важно при этом, чтобы знания, которые приобретают учащиеся в результате работы с материалом учебника, отвечали современному состоянию соответствующей науки, научные сведения об изучаемом предмете не противоречили системе взглядов, которая в данный исторический момент утвердилась в конкретной науке, — парадигме.

В связи с этим для современной отечественной системы образования не теряет своей актуальности проблема разработки современных учебников, которые, с одной стороны, способствовали бы формированию адекватных знаний об изучаемом предмете, с другой, были бы направлены на приобретение учащимися навыков решения различного рода задач при помощи приобретенных знаний, а также соответствовали бы перспективным потребностям личности, общества и государства.

Цель настоящей работы — обосновать необходимость реализации в школьных учебниках по русскому языку функциональной теории описания языковой системы как условия для формирования адекватных лингвистических знаний у учащихся.

Состояние изучения вопроса. Методы

Проблема требований, предъявляемых к учебнику русского языка, начала волновать лингвистов, методистов, учителей с момента создания первых учебных книг и продолжает волновать всех и в настоящее время. С начала XXI в. в разное время выходили коллективные монографии, сборники статей, отдельные статьи, посвященные вопросам создания школьного учебника русского языка [Граник 2018, Бойцов 2018, Шапиро 2002, Воителева 2018, Граник 2007 и др.]. Критерии, которым должен отвечать учебник русского языка, формулируются исходя из многих требований, одними из которых являются соответствие Федеральному государственному стандарту и способность учебника обеспечить достижение планируемых личностных, метапредметных и предметных результатов обучения. В связи с этим учебник рус-

ского языка определяется как «специальная книга, излагающая основы научных знаний по русскому языку и предназначенная для достижения учебных целей» [Баранов 2001: 61]. Таким образом, функция современного учебника по русскому языку намного шире изложения основ научных сведений о русском языке. В перечне предметных результатов по русскому языку в Федеральном государственном образовательном стандарте только пункт 3 связан с освоением научных сведений о русском языке и называется он «расширение и систематизация научных знаний о языке, его единицах и категориях; осознание взаимосвязи его уровней и единиц; освоение базовых понятий лингвистики...» [Приказ 2021: 55]. По нашему глубокому убеждению, на достижение, в первую очередь, этого результата и должен быть ориентирован учебник русского языка, так как знание устройства языка напрямую связано с формированием и совершенствованием навыка пользоваться языком согласно его функции — овладением грамотностью в широком смысле.

Поэтому чрезвычайно важным является то, насколько знания о языке, которые учащиеся получают в результате работы с материалом учебника, соответствуют функциональному назначению языка, насколько эти знания позволяют сформировать адекватное современному состоянию науки представление о языковой системе. И ключевую роль в этом играет та методологическая позиция, которая авторами учебника избирается в качестве исходной.

Обсуждение

Мы исходим из того, что функциональный способ восприятия мира Человеком как определение всего окружающего с позиции «для чего это предназначено» (какова функция реалии?), а не с позиции «из чего это состоит, как устроено», а также «орудийный» характер всеобщей деятельности человека в мире (преобразование мира в соответствие со своими представлениями об идеале осуществляется посредством специально созданных для реализации конкретной функции инструментов) [см. об этом в Рудяков 2004, Рудяков 2020] определяют необходимость функционального восприятия языка. Как отмечает

А. Н. Рудяков, «пора ввести знания о языке в круг знакомых и понятных для детей представлений о функциональном устройстве мира. Это — путь к повышению уровня грамотности, к развитию речи и ко многим нашим целям...» [Рудяков 2014: 26]. Лингвистический функционализм как особая методология описания языка в этом случае должен быть взят за основу формирования знаний о языковой системе в учебниках по русскому языку. Овладение такими знаниями и позволит учащимся понять взаимосвязь функции языка и его устройства, выяснить назначение единиц языка, подсистем, результатом чего и станет достижение одной из — самой важной, на наш взгляд, — целей обучения русскому языку — «овладение русским языком как инструментом личностного развития, инструментом формирования социальных взаимоотношений, инструментом преобразования мира» [Рабочая программа 2021: 6].

Функциональная теория описания языка реализуется в учебных пособиях издательства «Просвещение» «Русский язык» для 5–9, 10–11 классов (авт. Рудяков А. Н. и др.), которые решением Научно-методического совета от 24.12.2021 г. № ТВ-70/04пр рекомендованы к включению в федеральный перечень учебников. Эти пособия издаются при поддержке главы Республики Крым с 2018 года, и ими обеспечены все школы региона.

Уникальность названных учебных пособий заключается в том, что это, пожалуй, единственные в настоящий момент учебные книги по русскому языку, в основу которых положена оригинальная лингвистическая теория описания языка — лингвистический функционализм (автор А. Н. Рудяков — доктор филологических наук, профессор, руководитель авторского коллектива) — и современные достижения в области методики преподавания русского языка, апробированные на практике, в том числе оригинальная методика интенсивного обучения правописанию Т. Я. Фроловой.

Авторский коллектив предлагаемой линейки учебных пособий имеет многолетний опыт написания учебников в сложных и неблагоприятных условиях для развития и функционирования русского языка и обучения ему. С 2008 по 2013 гг.

учебники «Русский язык» с 1 по 11 класс крымского авторского коллектива становились победителями Всеукраинского конкурса учебников и учебных пособий, и по ним успешно изучали русский язык миллионы украинских школьников.

Эффективность данных учебников была отмечена и на государственном уровне: в 2013 году учебники были удостоены Государственной премии Украины в области образования. Это стало беспрецедентным случаем для стран СНГ, когда государственная премия присуждена за учебники по русскому языку.

В разные годы авторы учебников и учебных пособий становились лауреатами премии Автономной республики Крым в области образования.

Как уже было отмечено выше, функциональный способ восприятия мира определяет функциональный способ восприятия языка. И реализуется это, в первую очередь, посредством дефиниций, которые даются в учебных пособиях языковым явлениям и языковым единицам. Важно, что «определение сообщает человеку правила обращения с вещью, явлением, идеей, знаком, словом, предложением, фонемой и т. д.», поэтому «хорошее определение дает верные правила, <...>. Плохое — не позволяет нам получить от вещи то, что она может и должна нам дать» [Рудяков 2014: 22]. Согласно функциональному подходу к описанию языка, определение языка и всех его единиц должно быть дано исходя из примата функции над материальными качествами: на первое место в дефиниции необходимо ставить функцию, которую призвана выполнять данная единица в языке, а далее перечислять её материальные характеристики (что собой представляет, каково строение и т. д.). Такое определение дает нам верную «инструкцию» пользования естественным языком его единицами.

В учебных пособиях язык определяется как инструмент воздействия на систему знаний собеседника, его чувства, поведение, инструмент регуляции отношений между членами коллектива. Осуществляется это не путем передачи учащимся готовой информации в форме теоретического материала параграфа, а посредством проблемных

упражнений и заданий, выполнение которых предполагает самостоятельную работу, анализ и формулирование вывода, а также упражнений, предусматривающих работу учащихся с текстом, содержащим изложение важных для понимания сведений о языке в доступной форме: поиск ответов на вопросы, выполнение заданий, интерпретация информация и др. Примеры таких упражнений:

466

Подумайте над следующими вопросами и обменяйтесь мнением с товарищем.

1. Может ли человек полноценно развиваться без языка? Какую роль выполняет язык (речь) в жизни человека?

Это интересно!

В истории человечества встречались случаи, когда животные (волки, собаки, обезьяны) воспитывали детей. В результате дети внешне напоминали человека, но их поведение нельзя было назвать человеческим. У них были повадки животных, они издавали такие же звуки, а человеческий язык они не знали.

2. Что вы будете делать, если захотите, чтобы: 1) на завтрак вам испекли блинчики; 2) ваш друг поменял своё мнение и согласился с вами; 3) ваша бабушка или дедушка научились пользоваться мобильным телефоном или компьютером; 4) ваш собеседник испытал радость, удивление, восхищение и т. д.? Можно ли во всех случаях использовать какое-то одно средство? Что это может быть?
3. При каком условии каждый из нас с помощью речи может добиться своей цели? Можно ли это сделать, если не вступить в речевое взаимодействие?

468

1. Перечитайте текст предыдущего упражнения, назовите цели, ради которых мы вступаем в речевое взаимодействие.
2. Рассмотрите таблицу и скажите, какие варианты выражения каждой цели существуют. Дополните таблицу своими вариантами выражения каждой цели.

Мы вступаем в речевое взаимодействие, чтобы...		
Воздействовать на мысли собеседника, систему его знаний, представлений:	Воздействовать на поведение собеседника, управлять его действиями:	Воздействовать на эмоции, чувства собеседника:
<ul style="list-style-type: none"> * рассказать о том, что неизвестно собеседнику; * рассказать, что представляют собой окружающие вещи, предметы, явления; * доказать свою точку зрения на то или иное явление 	<ul style="list-style-type: none"> * попросить что-то дать, рассказать, объяснить; * попросить что-то сделать; * сделать замечание о поведении; * дать инструкцию, как пользоваться какой-либо вещью; * объяснить дорогу 	<ul style="list-style-type: none"> * похвалить; * утешить; * рассказать смешную историю, анекдот; * вызвать сочувствие; * сформировать хорошее впечатление о себе

3. Вспомните ситуации речевого взаимодействия, участниками которых вы сегодня были. С какой целью вы воздействовали на собеседника(нов) в каждой ситуации?
4. Приведите примеры ситуаций, в которых собеседник одновременно воздействует: 1) на мысли, систему знаний и поведение; 2) на систему знаний и на чувства, эмоции; 3) на эмоции и поведение.

§ 1. Язык — важнейшее средство взаимодействия и познания. Язык и речь. Лингвистика как наука о языке

1 Работа с текстом

1. Прочитайте название параграфа. Что вы сможете узнать, изучив его материал?
2. Кто больше? Назовите ситуации, в которых вы взаимодействуете с кем-либо. Для чего, с какой целью, в какой ситуации это происходит?
3. Прочитайте текст. Объясните, опираясь на информацию, выраженную в тексте, почему язык — важнейшее средство взаимодействия между людьми.

Человек всегда оценивает, насколько удачным является то, что он говорит. Мы нередко задаём себе вопросы: «Зачем я так ответил? Почему он мне это сказал?» Иногда после сказанной фразы переживаем: «Надо было сказать иначе. Зря я это сказал». Это значит, что мы понимаем речь как деятельность, которая может иметь положительный или отрицательный результат. От чего зависит результат деятельности? Естественно, от инструмента, которым мы владеем. Если в ручке закончилась паста, в пульте западают кнопки, пила оказалась тупой или в двигателе нет машинного масла, то результат будет не таким, каким мы его ожидали, или попросту нулевым. Речь — это тоже инструмент. Говорящий или пишущий старается добиться результата: убедить собеседника, произвести на него благоприятное впечатление, склонить его на свою сторону.

деятельность
результат
воздействовать

Воздействовать — значит оказать влияние на собеседника и добиться необходимого результата. Главным инструментом, с помощью которого люди воздействуют на мысли, чувства, поведение друг друга, является язык. При помощи речи мы регулируем поведение собеседника: начинаем, изменяем, заканчиваем какую-либо свою деятельность, влияем на принятие его решений.

4. Спишите последний абзац, приведите примеры ситуаций, в которых вы взаимодействуете с друзьями, родными, незнакомыми людьми.

5

Языковые единицы в пособиях определяют с точки зрения обозначенной методологической позиции. Например: **слово** — основное средство именованья в языке; **словосочетание** — средство обозначения (именования), которое является сочетанием двух (и более) слов, связанных по смыслу и грамматически; предложение — основная единица синтаксиса, имеющая грамматическую основу, при помощи которой выражается какое-либо сообщение.

В определении слова и словосочетания отражается их функция быть средствами именованья, подчеркивается их тождество, несмотря на то, что изучаются они, согласно действующей программе, в разных разделах.

Как видно, в определении предложения отсутствует такое качество предложения как многословность (два или несколько слов связанных по смыслу и грамматически), поскольку количество слов не является существенной характеристикой предложения, и большое количество однословных предложений является доказательством этому.

Во всех пособиях формируется функциональное видение текста как инструмента, выполняющего конкретную функцию, а не «соединение нескольких предложений». Это нашло отражение и в теоретических материалах параграфов о тек-

сте, и в заданиях, предполагающих как понимание прочитанного или прослушанного текста, так и создание собственного текста. Например:

§ 59. Текст как единица речи

780 От правила для себя к общему правилу

Определите, какие из приведённых в упражнении примеров можно назвать текстами. Дайте определение текста. Сравните его с определением, данным в параграфе, скорректируйте его.

1. *Табличка в парке:* «По газонам не ходить!»
2. *Перед экскурсией:* «Ребята! Сегодня мы с вами проведём день в очень интересном и красивом месте. Мы побываем с вами в ботаническом саду! У меня к вам огромная просьба: соблюдать правила поведения в общественных местах, ходить только по специальным дорожкам и тропинкам, не заступать за ограждения. Уважайте и цените то, что вас окружает!»
3. *Из речи ребёнка:* «А потом папа попросил нас с ребятами уйти с газона и найти другое место для игры в футбол».

! Текст — письменная или звучащая речь, цель которой — воздействие на собеседника, читателя.

В тексте всегда есть **тема** (то, о чём говорится в тексте) и **основная мысль** (идея) — в чём хотел убедить читателя или слушателя автор. Идея обеспечивает связность и целостность текста. Текст позволяет собеседникам взаимодействовать на поведение, мысли (знания), представления, чувства друг друга в определённой ситуации.

Тексты могут состоять из одного предложения (однословного — «Стой!», многословного — загадка, афоризм, пословица).

149

§ 39. Текст и его основные признаки

608 Изучение теоретического материала

1. Ознакомьтесь с теоретическим материалом. Какая информация о тексте и его признаках была вам известна, а какая оказалась для вас новой?

В нашей речи язык существует в форме текста. Текст — продукт речевой деятельности, предназначенный для воздействия на собеседника, достижения поставленной цели в ситуации речевого взаимодействия.

Отсутствие мотивации у школьников к изучению предмета «Русский язык», снижение интереса к освоению знаний о языковой системе, а также непонимание учащимися многих языковых явлений и законов — решение этих и многих других проблем авторы учебных пособий видят во включении знаний о языке в сферу знакомых и понятных для учащихся представлений о функциональном устройстве мира. Язык, его устройство станут понятны, если показать школьникам, что в языке действуют те же законы и принципы, которым все мы следуем в повседневной жизни. Так, например, аналогии с известными школьникам предметами, явлениями становятся демонстрацией универсального закона организации мира — все в мире имеет различные формы своего существования — и позволяют добиться овладения учащимся очень важного знания — язык, речь, текст не разные явления, а формы существования

знакового инструмента воздействия на собеседника на соответствующем уровне. Например, в учебном пособии для 5 класса это осуществляется следующим образом:

- 3 Изучение теоретического материала**
1. Рассмотрите иллюстрации. Чем отличается модель из конструктора от деталей конструктора в коробке? Какие модели из отдельных деталей вы собирали?
 2. Прочитайте текст. Что можно сравнить с конструктором в коробке, а что — с моделями, сделанными из его деталей?
 3. Кто больше? Назовите «детали», из которых строится текст.

Конструктор

Язык и речь

Наш язык можно сравнить с конструктором, который существует в двух формах: в виде отдельных деталей, которые лежат в коробке, и в виде уже собранных из этих деталей моделей.

Чтобы «сконструировать» речь, понятную всем: тебе, твоему другу, продавцу в магазине и всем-всем, кто говорит с нами и слушает нас, — нужны определённые «детали». Из каких же «деталей» состоит наш язык?

Этими «детальями» являются фонемы (звуки речи), морфемы — части слова (приставки, корни, суффиксы, окончания). Части слова складываются в слова — различные части речи, с помощью которых мы называем предметы, отмечаем их признаки, называем действия. Слова складываются в предложения, предложения — в текст. И таким образом мы собираем из отдельных «деталей» языка понятную всем знающим русский язык речь.

Речь — это использование языка для взаимодействия с другими людьми с определённой целью.

Таким образом, школьники приходят к очень важному пониманию, что язык и все его единицы (как и все существующее вокруг Человека) представляют собой единство функционального инварианта и конкретных вариантов его выражения. Все варианты, различающиеся по своим субстанциональным характеристикам, функционально тождественны: представляют инвариант в различных позициях: сильных и слабых. Понятия «инвариант» и «вариант», «сильная и слабая позиции» являются важным шагом на пути, во-первых, к функциональному видению языка и, во-вторых, к успешному овладению орфографической грамотностью. С этой целью в учебное пособие для 5 класса вводится понятие фонемы как строительной единицы для создания звуковой оболочки слов. Фонема есть инвариант, эталонный звук, реализующийся в конкретных позициях рядом позиционно чередующихся звукотипов.

За пределами школьной программы

Человек способен произнести множество различных звуков. Но чтобы мы могли понимать друг друга, среди этого множества русский язык выбирает ограниченное количество звуков. Им язык и доверяет строить слова: [мама], [кот]. Эти идеальные звуки называются «фонемами».

Одни и те же фонемы русского языка в разных словах или слогах могут звучать по-разному: в слове *грибы* буква *б* передаёт звук [б], а в слове *гриб* на месте «идеального» звука [б] произносится [п]; в слове *порог* на месте *о* в первом слоге звучит [а], а во втором — [о], а на конце слова мы слышим звук [к].

Фонема — идеальный звук, который служит для создания звуковой оболочки слова. Именно эти звуки обозначаются буквами.

Буква — символ алфавита, который служит для отображения звучащей речи в письменной форме. Из букв мы складываем слова на письме.

Введение понятия фонемы в учебные пособия позволяет учащимся понять, почему на письме одна и та же буква используется для обозначения разных звуков и как проверить, какую букву писать в позиции неразличения фонем (произносятся или слышатся звуки, которые являются вариантами разных фонем). Универсальным способом проверки, который также не является только лингвистическим механизмом, а используется для всего, что становится объектом внимания и познания человека, является постановка в сильную позицию. Чтобы определить, какую буквы писать в первом слоге слов в[л]да и вр[л]ги, нужно поставить в сильную — ударную — позицию — вОды и врАг.

Но основе понимания школьниками инвариантно-вариантного устройства языка, обусловленного функцией языка, в учебных пособиях выстраивается системная и последовательная работа по формированию навыков эффективного пользования языком — навыков создания текстов в соответствии с поставленной целью и параметрами ситуации. Это, в свою очередь, предполагает формирование умений и навыков вариативного выражения мысли, то есть выбора из множества вариантов реализации понятий тех, которые станут наиболее эффективными в конкретной ситуации речевого взаимодействия.

Среди заданий, выполнение которых в учебных пособиях ориентировано на достижение указанной цели, выделяются задания на ана-

лиз и моделирование, среди которых встречаются следующие:

1. Проанализируйте варианты выражения понятия «...». Какими компонентами значения они отличаются друг от друга? Укажите ситуации речевого взаимодействия, в которых уместно употребление каждого из них.

2. Найдите в тексте вариант/варианты выражения понятия «...». Какие варианты реализации этого понятия вы еще знаете? В каких ситуациях речевого взаимодействия их следует употреблять?

3. Прочитайте варианты выражения мысли «...». Для какой ситуации речевого взаимодействия предназначен каждый вариант? Обоснуйте свой ответ.

Примерами таких заданий являются также следующие:

Выполнение заданий второй группы позволяет сформировать умение анализировать ситуацию речевого взаимодействия и выбирать наиболее уместный вариант выражения понятия или идеи, используя варианты из материалов для справок или варианты из собственного словарного запаса. Примерами таких заданий являются следующие:

Речевые формулы выражения благодарности и ответные реплики на них

762

1. Прочитайте речевые формулы выражения благодарности и ответные реплики на них. Какие из них оказались для вас новыми? Укажите в составе речевых формул имена существительные, имена прилагательные, глаголы.

Речевые формулы благодарности. 1. «Спасибо». 2. «Я (мы) очень благодарен(ны) вам...». 3. «Большое (огромное) спасибо...». 4. «Вы не можете представить, как я вам благодарен!» 5. «Благодарю вас». 6. «Примите мою благодарность». 7. «Век не забуду!» 8. «Разрешите поблагодарить вас...».

Ответные реплики. 1. «Не стоит благодарности». 2. «Пожалуйста». 3. «На здоровье!» 4. «Не за что». 5. «Рад был помочь». 6. «Пустяки».

2. Запишите речевые формулы, распределяя их по группам: 1) слова и выражения, которые употребляются в любых речевых ситуациях; 2) слова и выражения, которые следует употреблять только в официальной обстановке; 3) слова и выражения, которые могут быть использованы только в неофициальной обстановке.

192

Коммуникативно-ситуативное упражнение

1. Прочитайте предложения, содержащие разные варианты выражения просьбы.

1. Пожалуйста, позови Сашу к телефону. 2. Если тебе не трудно, позови Сашу к телефону. 3. Ты не позовёшь Сашу к телефону? 4. Ты не мог бы позвать Сашу к телефону? 5. Можно ли тебя попросить позвать Сашу к телефону? 6. Извините, можно мне попросить вас позвать Сашу к телефону?

2. В какой ситуации речевого взаимодействия может быть использована каждая просьба?

3. Составьте и запишите предложения, содержащие просьбу передать тетрадь.

1. Вариантами выражения какого понятия являются слова/словосочетания, данные в скобках/материалах для справки? Какой вариант следует выбрать на месте пропуска в приведенном предложении/тексте? Объясните свой выбор.

2. Спишите предложения, восстанавливая пропущенные варианты (слова, словосочетания) выражения понятия «...». Объясните свой выбор.

3. Какое понятие выражают слова/словосочетания, данные в скобках? Спишите предложения, выбирая наиболее уместный для данной ситуации речевого взаимодействия вариант.

Третью группу составляют задания, при выполнении которых требуется составить как можно больше вариантов выражения смысла исходного высказывания. В учебных пособиях они даются под рубрикой «С русского на русский». Как отмечают Е.В. Архипова и Л.В. Лагунова, «перифрастическая способность как способность к выражению одной и той же мысли различными языковыми средствами является залогом эффективного общения и точности» [Архипова, Лагунова 2018: 16]. Выполнение этих упражнений предполагает выявление смысла исходного высказывания и составление нескольких вариантов его выражения. При этом часто в учебных пособиях моделируются параметры ситуации речевого взаимодействия или предлагается учащимся самостоятельно охарактеризовать ситуацию, в которой будет использован тот или иной предложенный ими вариант. Учащиеся должны объяснить выбор языковых средств в предложенных высказываниях для каждой ситуации речевого взаимодействия. Такие задания наилучшим образом формируют умение осознанного выбора языковых средств в речи. В учебных пособиях встречаются следующие варианты заданий этой группы:

1) Проанализируйте варианты выражения смысла следующего высказывания: «...». Составьте и запишите варианты выражения смысла высказывания «...» по предложенному образцу.

2) Выразите разными вариантами смысл высказывания «...», используя приведённые ниже начальные фрагменты предложений.

3) Предложите как можно больше вариантов выражения смысла высказывания «...». Оха-

характеризуйте ситуации речевого взаимодействия, в которых следует употребить каждый вариант.

Отдельную группу упражнений и заданий в учебных пособиях составляют такие, выполнение которых предполагает создание своего текста на основе текста исходного – выражение содержания исходного текста другим вариантом (другой функциональной разновидностью языка, другим типом речи и т.д.). Эти задания отличаются от традиционных пересказов и изложений тем, что определяются параметры ситуации, в условиях которой текст должен быть создан, что ориентирует учащихся не только на передачу смысла исходного текста, но и на осознанный — ситуативно-ориентированный — выбор языковых средств.

Особое место в учебных пособиях занимают упражнения, в ходе выполнения которых учащиеся должны создать собственное устное или письменное высказывание в конкретных обозначенных в задании условиях. Примерами таких упражнений являются следующие:

202 Устное сочинение по данному началу

1. Прочитайте текст. Укажите в нём предложения, грамматическая основа которых состоит из одного главного члена.
2. Расскажите какой-нибудь случай из вашей жизни, учитывая, что собеседником является бабушка, которая пришла в гости. Опишите ситуацию речевого взаимодействия.

Однажды мы все сидели дома. Был сильный туман. Холод. Ходить никуда не хотелось. Решили рассказывать, что с кем когда-нибудь случилось...

86 Устное сочинение

Выберите один из вариантов задания.

Вариант 1. Составьте высказывания об истории перевода, переводчиках, проблемах перевода, используя слова, данные в тематическом словаре, в качестве опорных.

Вариант 2. Представьте себе, что вы в дружеской беседе рассказываете знакомым о комических ситуациях, которые возникают из-за «ложных друзей» переводчика. Составьте рассказ, следуя особенностям разговорной речи.

628 Устное сочинение

Составьте устное высказывание о семье, доме, используйте любую группу глаголов из предыдущего упражнения. Адресуйте свой рассказ попутчику, с которым вы недавно познакомились в транспорте. Какова будет цель вашего высказывания?

630 Творческая работа

Составьте объяснительную записку для одной из предложенных ситуаций: отсутствие на важном школьном мероприятии, повреждение имущества школы (на выбор), невыполнение сроков сдачи проектной работы.

Выводы

Таким образом, необходимость формирования адекватных знаний о языке, являющаяся обязательным шагом на пути к формированию навыков эффективного пользования языком для решения различного рода задач в различных сферах

жизни, обосновывает требование изучать язык и обучать языку с опорой на лингвистическую теорию, дающую ответы на вопросы «Что есть естественный язык?», «Как устройство языка обусловлено его функцией?», «Каково назначение единиц языка?» и др. Такой теорией, как было сказано, является теория функционального описания языка.

Единственными в настоящий момент учебными книгами по русскому языку для общеобразовательных организаций, в которых разработка содержания теоретического и дидактического материала осуществлялась на основе лингвистической теории, являются учебные пособия «Русский язык» 5–9, 10–11 кл. (авт. Рудяков А. Н. и др.).

Господство в методике преподавания русского языка традиционной, субстанциональной парадигмы, в рамках которой и построена Примерная рабочая программа по русскому языку и соответствии с которой должны быть написаны все учебники и учебные пособия по русскому языку, существенно ограничило возможности авторского коллектива в обеспечении учащихся функциональными знаниями о языке в полном объеме. Однако наиболее важные, на наш взгляд, постулаты были отражены, что и позволило сформировать у учащихся знания, не противоречащие сущности языка и его назначению, — обеспечить необходимые условия для овладения грамотностью в самом широком смысле.

Результатами многолетнего использования указанных пособий на уроках русского языка являются значительный рост уровня орфографической, пунктуационной, коммуникативной, читательской грамотности учащихся.

Отличительной чертой данных пособий является не только их инновационный характер и сочетание лучших методических приемов и форм работы, опробованных на практике, но и тщательно проработанная структура и содержание учебного материала, обеспечивающие эффективное его усвоение.

ИСТОЧНИКИ

Баранов 2001 — *Методика преподавания русского языка в школе*. Учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 368 с.

Приказ 2021 — Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования: приказ Минобрнауки России от 31.05.2021 № 287: зарегистрировано в Минюсте России 05.06.2021 № 64101 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107050027> (дата обращения: 27.04.2022).

Рабочая программа 2021 — Примерная рабочая программа основного общего образования по учебному предмету «Русский язык» для образовательных организаций, реализующих программы основного общего образования (одобрена решением федерального учебно-методического объединения по общему образованию. Протокол от 27 сентября 2021 года № 3/21) [Электронный ресурс]. Режим доступа : https://edsoo.ru/Primernaya_rabochaya_programma_osnovnogo_obshego_obrazovaniya_predmeta_Russkij_yazik_proekt_.html (дата обращения: 27.04.2022).

Рудяков 2014 — Рудяков А.Н. *Учительские университеты: русский язык вчера и сегодня*. Учебное пособие. Симферополь: КРИППО, 2014. 44 с.

ЛИТЕРАТУРА

Архипова, Лагунова 2018 — Архипова Е. В., Лагунова Л. В. Дискурс учебника русского языка в рамках коммуникативной парадигмы языкового образования XXI века. *Русский язык в школе*. 2018, (8): 15–21.

Асканова 2015 — Асканова О.В., Казанцева Ю.В. Знаниевая и компетентностная парадигмы образования: чему под силу решение модернизационной задачи? *Мир науки, культуры, образования*. 2015, (6(55)): 199–201.

Бойцов 2018 — Бойцов О. 5 главных компонентов учебника русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://rosuchebnik.ru/material/5-glavnykh-komponentov-sovremennogo-uchebnika-russkogo/> (дата обращения: 27.04.2022).

Воителева 2018 — Воителева Т.М. Учебник как средство реализации содержания предмета «Русский язык». *Русский язык в школе*. 2018, (8): 11–14.

Граник 2007 — Психолого-дидактические основы создания учебников нового типа по русской филологии. Г.Г. Граник (ред.). Москва–Обнинск: ИГ–СОЦИН, 2007. 200 с.

Граник 2018 — Как учить русскому языку и литературе современных школьников? *Школьный учебник сегодня*. Г.Г. Граник (ред.). М. ; СПб. : Нестор-История, 2018. 320 с

Кабардин 2022 — Кабардин О.Ф. *Школьный учебник нового поколения — каким он должен быть?* [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://psihdocs.ru/kabardin-oleg-fedorovich-v2.html#Vo-первых> (дата обращения: 27.04.2022).

Рудяков 2004 — Рудяков А.Н. *Язык, или Почему люди говорят (опыт функционального определения естественного языка)*. К.: Грамота, 2004. 224 с.

Рудяков 2020 — Рудяков А.Н. *Лингвистика и ее «скелеты в шкафу»*. М.: «Издательский центр «Азбуковник», 2020. 416 с.

Шапиро 2002 — Шапиро Н., Гиндин С. Начиная разговор об учебниках: учитель и учебник. *Русский язык. Первое сентября*. 2002,(1): 5–12.

REFERENCES

Архипова, Лагунова 2018 — Arhipova E. V., Lagunova L. V. Russian language textbook discourse within the communicative paradigm of language education XXI century. *Russkij jazyk v shkole*. 2018, (8): 15–21. (In Russian)

Асканова 2015 — Askanova O. V., Kazanceva Iu. V. Knowledge and competence paradigms of education: what can solve the modernization problem? *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*. 2015, (6(55)): 199–201. (In Russian)

Бойцов 2018 — Bojcov O. 5 main components of the Russian language textbook [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa <https://rosuchebnik.ru/material/5-glavnykh-komponentov-sovremennogo-uchebnika-russkogo/> (data obrashheniya: 27.04.2022). (In Russian)

Воителева 2018 — Voiteleva T.M. Textbook as a means of implementing the content of the subject «Russian language». *Russkij jazyk v shkole*. 2018, (8): 11–14. (In Russian)

Граник 2007 — Psychological and didactic foundations for the creation of textbooks of a new type on Russian philology. G. G. Granik (ed.). Moscow-Obninsk: IG–SOCIN, 2007. 200 p. (In Russian)

Граник 2018 — *How to teach the Russian language and literature of modern schoolchildren? School textbook today*. G. G. Granik (ed.). M. ; SPb. : Nestor-Istorija, 2018. 320 p. (In Russian)

Кабардин 2022 — Kabardin O.F. *Shkol'nyj uchebnik novogo pokolenija — kakim on dolzhen byt'?* [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa <https://psihdocs.ru/kabardin-oleg-fedorovich-v2.html#Vo-pervyh> (data obrashheniya: 27.04.2022). (In Russian)

Рудяков 2004 — Rudjakov A.N. *Language, or Why people speak (experience in the functional definition of natural language)*. K.: Gramota, 2004. 224 p. (In Russian)

Рудяков 2020 — Rudjakov A.N. *Linguistics and its «skeletons in the closet»*. М.: «Izdatel'skij centr «Azbukovnik», 2020. 416 p. (In Russian)

Шапиро 2002 — Shapiro N., Gindin S. We start a conversation about textbooks: teacher and textbook. *Russkij jazyk. Pervoe sentjabrja*. 2002, (1): 5–12. (In Russian)

Кук В. Изучение и преподавание второго языка.

СПб.: Златоуст, 2021. – 448 с.

DOI: 10.24412/1811-1629-2022-2-110-112

В издательстве «Златоуст» в серии «От лингводидактики к прикладной лингвистике» только что вышла в русском переводе книга В. Кука «Изучение и преподавание второго языка» [Кук 2021]. Вивиан Кук, стоявший у истоков теории овладения вторым языком, — почетный профессор прикладной лингвистики Ньюкаслского университета (Великобритании), автор ряда статей и книг, основатель научной школы, изучающей различные системы письма. Его книга «Second Language Learning and Language Teaching» [Cook 1991], адресованная преподавателям иностранных языков, выдержала пять изданий и приобрела широкую известность. Вполне понятно стремление издательства «Златоуст» познакомить с ней российских преподавателей¹.

Книга включает несколько глав. В первой автор знакомит читателя с понятием «овладение вторым языком» (Second Language Acquisition, далее SLA), с сутью исследований в этой области и высказывает несколько общих соображений о связи этих исследований с преподаванием второго языка.

Вторая глава посвящена изучению и преподаванию грамматики. Ее центральный параграф посвящен описанию процесса овладения грамматическими явлениями («модели обработки»), который, как показывают исследования SLA, включает несколько этапов в зависимости от специфики грамматического явления. При этом существуют и инвариантные этапы, соотносимые с этапами SLA, на каждом из которых исследователь имеет дело с промежуточными языками или интеръязыками, соответствующими этим этапам. В. Кук пишет об овладевающих вторым языком: «Их первая грамматика состоит из отдельных слов, вторая — из слов в порядке SVO, третья использует порядок слов с переносом некоторых элементов в начало или в конец и т.д.» [Кук 2021: 61]. Накопленные данные о естественном процессе овладения английским (вторым) языком позволяет автору дать рекомендации преподавателям этого языка о последователь-

ности включения отдельных грамматических явлений в курс обучения. В связи с этим также должна вызвать интерес читателей и критика современных учебников английского языка, в которых нарушается естественный порядок овладения грамматикой этого языка [Кук 2021: 63–64].

Автор обращает на различия в усвоении знаменательных и служебных слов, затрагивает проблему универсальной грамматики, выдвинутую Н. Хомским, и описывает принципы этой грамматики, обусловленные самой природой человека. Наконец, он обсуждает вопросы эксплицитного преподавания грамматики.

В третьей главе рассматриваются вопросы усвоения и преподавания лексики. В ней затрагиваются проблемы передачи значения слова, частотности слов, знания слов, типы значений, стратегии понимания и изучения лексики и др. Несмотря на то, что многие из этих проблем и пути их решения известны российским преподавателям, будет полезным познакомиться с их интерпретацией в трудах зарубежных коллег, довольно подробно описанных и прокомментированных В. Куком.

Четвертая глава посвящена вопросам овладения произношением. Автор рассматривает овладение произношением различных единиц обучения: звуков, слогов, слов, предложений на втором языке, обсуждает проблему фонетической интерференции и проблему выбора модели овладения произношением.

Пятая глава посвящена освоению новой системы письма. В. Кук, являющийся признанным авторитетом в этой области, рассматривает усвоение графики, орфографии и пунктуации второго языка. Если учесть, что в российской методике преподавания второго языка это один из наименее изученных разделов, то почти все то, о чем пишет автор книги, будет представлять интерес для наших преподавателей.

В шестой главе рассматриваются, с одной стороны, коммуникативные стратегии как вид социаль-

ного взаимодействия, как способ решения психологических проблем, как компенсаторные стратегии при общении, с другой стороны, учебные стратегии, которыми пользуются учащиеся при овладении произношением, изучении слов и грамматики.

Седьмая глава знакомит читателя с психологическими и психофизиологическими факторами, влияющими на овладение вторым языком: мотивами, установками, способностями, возрастом, другими личностными факторами. При этом интересными и полезными являются методические комментарии В. Кука к каждому параграфу этой главы и его рекомендации преподавателям.

Восьмая глава «Пользователь L2 и носитель языка» сосредоточена на различиях владения первым и вторым языками, на взаимодействии этих языков и переключении языковых кодов, в том числе и на явлениях интеркаляции. Обсуждаются проблемы использования первого языка на занятиях по второму языку и вопрос о том, являются ли носители языка лучшими преподавателями языка.

В девятой главе читатель знакомится с ролью второго языка в жизни людей, разновидностями билингвизма, группами пользователей языка, целями обучения языку.

В десятой главе рассматриваются общие модели изучения второго языка: универсальная грамматика как основа овладения языком, проблема декларативной и процедурной памяти, гипотеза доступного инпута, влияние социальных факторов, роль интеракции в общении и обучении, понятие мультикомпетентности, опора на первый язык и пр.

Особый интерес вызывает последняя одиннадцатая глава «Изучение второго языка и стили преподавания», собственно методическая в отличие от всех предыдущих глав, где основное внимание уделялось различным аспектам теории SLA и методические выводы следовали из ее положений. В этой же главе автор описывает то, что ранее в лингводидактике называлось методами обучения, стремясь систематизировать и минимизировать их совокупность. Эти взгляды В. Кука заслуживают внимания, так как проблема методов обучения остается одной из актуальнейших проблем лингводидактики.

Вместо терминов «подход», «метод» и «прием», различия между которыми были обоснованы

Э.Энтони и считаются в зарубежной лингводидактике устоявшимися [Anthony 1963], автор использует термин «стиль преподавания», стремясь, как он пишет, «избежать различных ассоциаций и предрассудков, которые вызывает в памяти эта терминология» [Кук 2021: 334]. Как представляется, это не что иное, как отражение стремления автора устранить полисемию термина «метод обучения», что характерно и для отечественной дидактики и лингводидактики начиная с 1950-х гг. (см., например, статью И.Д. Салистры, предлагавшего заменить термин «метод обучения» как видение некоего целостного педагогического процесса термином «методическая система» [Салистра 1959] или использование в этом же значении термина «методическая концепция» [Московкин 2021]).

В системе стилей преподавания В. Кука не находят отражения отечественные методические концепции, что в общем-то не должно удивлять читателя, так как за пределами России о них вообще мало кто знает, да и из отечественных психологов зарубежным специалистам по теории SLA известен только Л.С. Выготский. Все это следует иметь в виду российским преподавателям и исследователям, понимая, что зарубежные и отечественные концепции не всегда согласуются друг с другом.

Теория SLA зародилась в США в 1970-е гг., то есть не в 1950-е гг., как пишет В. Кук, связывая ее появление с гипотезой контрастивного анализа [Кук 2021: 19], и не в 1960-е гг., когда появилась теория универсальной грамматики Н. Хомского, объясняющая овладение не вторым, а первым языком, а именно в 1970-е гг., когда начались исследования ошибок в речи лиц, овладевающих вторым языком [Corder 1971; Dulay, Burt 1973; Schachter 1974; Krashen, Seliger 1976 и др.], предложено понятие промежуточного языка — *interlanguage* [Selinker 1972], поставлена проблема исследования естественной последовательности овладения явлениями второго языка [Dulay, Burt 1974] и пр. В этот период и были сформулированы все основные гипотезы и теории, получившие развитие в последующие десятилетия. Они были хорошо изучены советскими лингвистами и психолингвистами и описаны в ряде крупных работ [Розенцвейг 1972; Жлуктенко 1974; Карлинский 1990 и др.].

Эти проблемы интересовали отечественных ученых и в постсоветское время [Залевская 1996; Залевская, Медведева 2002 и др.], и поэтому в целом можно сказать, что содержание книги В. Кука, впервые изданной в 1991 г. [Cook 1991] и включающей основную проблематику исследований SLA в 1970-1980-х гг., российским специалистам по овладению вторым языком хорошо знакомо. Даже тот факт, что в разделы «Дополнительная литература» включены работы последних тридцати лет, мало что добавляет к уже сформировавшимся представлениям об основных направлениях исследований SLA за рубежом.

Однако для преподавателей иностранного языка книга В. Кука представляет большую ценность. Во-первых, современные преподаватели, как правило, плохо знакомы с лингвистическим и психологическим обоснованием лингводидактики. Все крупные отечественные работы в этой области написаны в XX в., а в последние 30 лет ни у кого не хватило сил собрать и системно осмыслить накопленные факты и закономерности. Перевод книги В. Кука отчасти восполняет эту лауну. Хотя его работа основана не на отечественных, а на зарубежных исследованиях, она дает много пищи для размышлений и в целом показывает, как нужно бережно относиться к достижениям науки. Нельзя исключать того, то она породит интерес преподавателей не только к зарубежным, но и к советским и российским исследованиям в области овладения вторым языком.

Во-вторых, книга В. Кука ориентирована именно на преподавателей второго языка, а не на исследователей. В ней излагаются гипотезы, факты и закономерности SLA, а затем даются методические рекомендации преподавателям. Этот подход всегда используется и в российской лингводидактике. Преимущество же книги В. Кука состоит в том, что в ней приводятся экспериментальные подтверждения методических идей, и в том, что она содержит большой объем информации, позволяющий считать ее своеобразным методическим справочником, к которому можно обращаться по мере необходимости, хотя с точки зрения отечественной лингводидактики изложение материала в ней не является системным.

В целом же нужно отметить, что издание перевода этой книги — важное событие в научной жизни России: она знакомит преподавателей и ученых с за-

рубежными достижениями в области SLA, порождает интерес к указанной проблематике, стимулирует дальнейший научный поиск.

Л. В. Московкин, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания, Санкт-Петербургский государственный университет

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Перевод на русский язык выполнен с пятого издания этой книги, которое во многом повторяет содержание предыдущих изданий, но включает ряд ссылок на работы 2000-2010-х гг. и новый материал по проблемам мультикомпетентности [Cook 2016].

ЛИТЕРАТУРА

- Жлуктенко 1974 — Жлуктенко Ю. А. *Лингвистические аспекты двуязычия*. Киев: Вища школа, 1974. 175 с.
- Залевская 1996 — Залевская А. А. *Вопросы теории овладения вторым языком в психолингвистическом аспекте*. Тверь: Изд-во Тверского ун-та, 1996. 195 с.
- Залевская, Медведева 2002 — Залевская А. А., Медведева И. Л. *Психолингвистические проблемы учебного двуязычия*. Тверь: Изд-во Тверского ун-та, 2002. 194 с.
- Карлинский 1990 — Карлинский А. Е. *Основы теории взаимодействия языков*. Алма-Ата: Гылым, 1990. 240 с.
- Кук 2021 — Кук В. *Изучение и преподавание второго языка*. СПб.: Златоуст, 2021. 448 с.
- Московкин 2021 — Московкин Л. В. *Дидактические основы теории методов обучения неродному языку*. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2021. 148 с.
- Розенцвейг 1972 — Розенцвейг В. Ю. *Языковые контакты: Лингвистическая проблематика*. Л.: Наука, 1972. 80 с.
- Салистра 1959 — Салистра И. Д. О некоторых методических терминах. *Иностранные языки в школе*. 1959, (2): 55–64.
- Anthony 1963 — Anthony E. Approach, Method and Technique. *English Language Teaching*. 1963, (XVII (2)): 63–67.
- Cook 1991 — Cook V. *Second Language Learning and Language Teaching*. London: E. Arnold, 1991. 317 с.
- Cook 2016 — Cook V. *Second Language Learning and Language Teaching*. 5th ed. Abingdon: Routledge, 2016. 344 с.
- Corder 1971 — Corder S.P. Idiosyncratic dialects and error analysis. *International Review of Applied Linguistics*. 1971, (9): 149–159.
- Dulay, Burt 1973 — Dulay H., Burt M. Should we teach children syntax? *Language Learning*. 1973, (23/2): 245–257.
- Dulay, Burt 1974 — Dulay H., Burt M. Natural sequences in child second language acquisition. *Language Learning*. 1974. No. 24/1. Pp. 37–53.
- Krashen, Seliger 1976 — Krashen S., Seliger H. The role of formal and informal linguistic environments in adult second language learning. *International Journal of Psycholinguistics*. 1976. No. 3. Pp. 15–21.
- Schachter 1974 — Schachter J. An error in error analysis. *Language Learning*. 1974, (27): 205–214.
- Selinker 1972 — Selinker L. Interlanguage. *International Journal of Applied Linguistics*. 1972, (3): 209–331.

Ю. В. Дорофеев,
Р. В. Забашта

РУСИСТИКА В КРЫМСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ИМЕНИ В. И. ВЕРНАДСКОГО

IURI V. DOROFEEV, ROMAN V. ZABASHTA
RUSSIAN STUDIES IN THE CRIMEAN FEDERAL UNIVERSITY NAMED AFTER VLADIMIR I. VERNADSKY

В статье рассматриваются ключевые направления развития русистики в Крымском федеральном университете имени В.И. Вернадского, который является правопреемником Таврического университета, ведущего свою историю с 1918 года. Краткая историческая справка о зарождении и развитии научной русистики в Крымском университете позволяет осветить ранние этапы развития историко-филологического факультета. В статье отмечается, что характерной чертой развития русистики в Крымском университете стала работа в нем на раннем историческом этапе крупных филологов (А.М. Лукьяненко, В.И. Борковского, А.И. Германовича), чья профессиональная деятельность позволила внести значимый вклад в развитие русского и славянского языкознания и тем самым заложить благодатную основу как для подготовки педагогических кадров, так и для развития научных школ в будущем.

Охарактеризованы такие сформировавшиеся в Крымском университете научные направления и языковедческие школы, как научное направление «Ономапоэтический аспект языка» профессора Александра Илариевича Германовича, научная школа «Методология и теория языкознания» профессора Виктора Николаевича Мигирина, научная школа «Лексическая и категориальная семантика» профессора Олега Михайловича Соколова, научное направление «Обучение русскому языку как иностранному и лингвострановедение» (А.А. Соловьева, Т.А. Яценко, Э.М. Сапожникова и др.), Крымская школа функциональной лингвистики профессора Александра Николаевича Рудякова. Описаны научно-исследовательские и прикладные проекты, реализованные крымскими русистами в 2014–2022 годах.

Ключевые слова: филология, русистика, теоретическая и прикладная лингвистика, функция, функциональная лингвистика, Крымская школа функциональной лингвистики, русофония, георусистика, вариант русского языка, лингвострановедение, функциональная лингводидактика, семантика, функциональная грамотность.

The article discusses the key directions of development of Russian studies at the Crimean Federal University named after Vladimir I. Vernadsky. This university is the successor of the Tauride University, leading its history since 1918. A brief historical background on the origin and development of Russian studies at the Crimean University allows the authors to highlight the early stages of the development of the Faculty of History and Philology. The article notes that a characteristic feature of the development of Russian studies at the Crimean University was the work in it at an early historical stage of major philologists, such as A. M. Lukyanenko, V. I. Borkovsky, A. I. Germanovich, whose professional activities made it possible to make a significant contribution to the development of Russian and Slavic linguistics and thereby lay a fertile basis for both the training of teaching staff and the development of scholarly schools in the future. Such scholarly directions and linguistic schools formed at the Crimean University are characterized as the scholarly direction “Onomatoepoetic aspect of language” by Professor

**Юрий Владимирович
Дорофеев**

Доктор филологических наук, доцент
► yuvld@mail.ru

**Роман Валентинович
Забашта**

Кандидат филологических наук, доцент
► zabrv@yandex.ru

*Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского
Симферополь,
просп. Академика Вернадского, 4*

**Iurii V. Dorofeev,
Roman V. Zabashta**

*Crimean Federal University
named after Vladimir I. Vernadsky
4, Pr. Akademika Vernadskogo, Simferopol*

Alexander I. Germanovich, the scholarly school “Methodology and theory of linguistics” by Professor Viktor N. Migirin, the scholarly school “Lexical and categorical semantics” by Professor Oleg M. Sokolov, scholarly direction “Teaching Russian as a foreign language and linguistic and cultural studies” by A. A. Solovieva, T. A. Yashchenko, E. M. Sapozhnikova and others, Crimean School of Functional Linguistics of Professor Alexander N. Rudyakov. The article describes also research and applied projects implemented by the Crimean Russianists in 2014–2022.

Key words: philology, Russian studies, theoretical and applied linguistics, function, functional linguistics, Crimean school of functional linguistics, Russophony, geo-Russian studies, variant of the Russian language, linguistic and regional studies, functional linguistics, semanteme, functional literacy.

Из истории зарождения и развития русистики в Крыму

Развитие русистики в Республике Крым обусловлено уникальной геолингвистической ситуацией и особенностями функционирования русского языка в Крыму в разные периоды. Представляется возможным говорить о следующих периодах: раннем (1918–1922), советском (1922–1991), украинском (1991–2014), российском (с 2014 года по настоящее время). Описание основных направлений русистики способно дать обширный эмпирический материал для моделирования интеграции науки и системы образования Республики Крым в научную и образовательную сферы Российской Федерации, а также обогатить историю и теорию отечественного языкознания.

Началом развития научной русистики в Крыму можно считать «создание в 1918 году в Таврическом университете кафедры русского языка. В это время университет был единственным высшим учебным заведением Крыма» [Богданович, Бессонова 2008: 2]. С первых дней существования Таврического

Александр Митрофанович Лукьяненко

университета историко-филологический факультет составлял его основу. У истоков русистики в Таврическом университете стоял Александр Митрофанович Лукьяненко (1880–1974) — филолог, языковед, доктор филологических наук, профессор, декан отделения

русского языка и литературы, выпускник Киевского университета.

В 1930-х годах кафедре русского языка возглавлял Виктор Иванович Борковский (1900–1982) — крупный советский лингвист, специалист в области сравнительно-исторического синтаксиса русского языка и других восточнославянских языков, русской диалектологии и древнерусских памятников, доктор филологических наук, профессор, академик АН СССР (1972).

Период 1951–1971 годы — время поиска новых подходов к преподаванию филологических дисциплин и учета социальных факторов, влияющих на жизнь университета. Так, к середине 1950-х годов «в стране ощущались переизбыток учителей и сокращение числа учащихся из-за уменьшения рождаемости в годы войны. Для решения этой проблемы в 1956 году вводятся пятилетний срок обучения в педагогических институтах и подготовка специалистов широкого профиля. В 1951 году в Крымском пединституте был образован историко-филологический факультет. Кафедре русского языка в те годы (с 1941 по 1956 год) возглавлял А.И. Германович [Петрова 2018: 62].

Германович Александр Илариевич (1896–1973) — филолог, языковед, доктор филологических наук, профессор; работал на кафедре методики преподавания языка и литературы с 1938 по 1973 год. Широко известная монография «Междометия русского языка» была опубликована им в 1966 году [Германович 1966]. Германович — крупнейший специалист в области междометий и звукоподражательных слов в русском языке. Докторскую

Виктор Иванович Борковский

Александр Илариевич Германович

диссертацию на эту тему он защитил в 1962 году. Заслугой ученого явилось то, что он впервые детально рассмотрел междометия с содержательной, словообразовательной, синтаксической и формально-интонационной сторон.

Учеником профессора А.И. Германовича был Всеволод Николаевич Михайлов (1928–1993) — один из ведущих ученых в области литературно-художественной ономастики. «В конце пятидесятых — начале шестидесятых годов Всеволод Николаевич

Всеволод Николаевич Михайлов

занимался неустанной популяризацией избранного им научного направления. <...> В.Н. Михайлов завершил этот этап своей деятельности изданием в 1965 году в Луцке сравнительно небольшой (54 с.), но знаковой брошюры «Собственные имена как стилистическая категория в русской литературе». С одной стороны, в ней содержалось обобщение предшествующего опыта конкретных исследований поэтики и стилистики собственных имён, с другой, — она так же, как и многие работы учёного, имела педагогический уклон» [Петров 2018: 4].

Однако учёному особенно было дорого пособие, изданное в родном Симферополе, — «Лингвистический анализ ономастической лексики в художественной речи» (1981) [Михайлов 1981].

После образования Симферопольского университета с 1971 по 1975 год обязанности заведующего кафедрой русского языка исполнял ученик профессора А.И. Германовича — профессор Владимир Михайлович Ронгинский (1932–2002), который впоследствии возглавлял кафедру русского языка в Симферопольском государственном университете в период с 1984 по 2000 год.

Таким образом, характерной чертой разви-

Владимир Михайлович Ронгинский

тия русистики в Крымском университете стала работа в нем на раннем историческом этапе крупных филологов, чья профессиональная деятельность позволила внести значимый вклад в развитие русского и славянского языкознания и тем самым заложить благодатную основу как для подготовки педагогических кадров, так и для развития научных школ.

Ведущие направления исследований в крымской русистике

Сегодня представляется возможным говорить о следующих сформировавшихся в Крыму научных школах и лингвистических направлениях.

Виктор Николаевич Мигирин

Научная школа «Методология и теория языкознания» профессора Виктора Николаевича Мигирова (1921–1981). Ученый разработал программу строгой модели отображения действительности в языке, развивал теорию переходности в области частей речи, имеющую в русском языкознании свою традицию (В. В. Виноградов, М. В. Панов, В. В. Бабайцева). Научные интересы ученого были сосредоточены в области русской грамматики и общего языкознания.

Наиболее значимые публикации В. Н. Мигирова: монографии «Очерки по теории процессов переходности в русском языке» (1971) [Мигирин 1971], «Язык как система категорий отображения» (1973) [Мигирин 1973]. Тридцать шесть преподавателей защитили кандидатские диссертации под его руководством (А. А. Соловьева, В. М. Ронгинский, Л. С. Пастухова, Е. Н. Сидоренко, А. А. Колесников и др.).

Идеи В. Н. Мигирова продолжили развивать его ученики, например, Евдокия Николаевна Сидорен-

Евдокия Николаевна Сидоренко

ко (1936–2013) — кандидат филологических наук, профессор, специалист в области теории языка и русской морфологии, автор монографии «Очерки по теории местоимений современного русского языка» (1990) [Сидоренко 1990].

Научная школа «Лексическая и категориальная семантика» профессора Олега Михайловича Соколова, сформировавшаяся в 70-е годы XX века, продолжала традиции классической русистики. Среди основных направлений, развиваемых в рамках школы О.М. Соколова, следует отметить такие, как системность в лексике и вариативность слова, учение о фазовости как лексико-грамматической категории глагола и ее связи с грамматической категорией вида славянского глагола (С.О. Соколова, Г.Ю. Богданович, Е.И. Семиколенова, Л.Е. Бессонова, Е.Я. Титаренко и др.).

Творческий путь О.М. Соколова в языкознании начался в 1954 году в Томске на кафедре русского языка Томского государственного университета. Здесь в 1959 году он защитил кандидатскую диссертацию «Морфологические варианты глаголы в системе глагольной лексики старожильческих говоров Томской области», а в 1971 году докторскую диссертацию «Вопросы структурно-семантической дивергенции в лексике».

К этому времени у О.М. Соколова сформировался глубокий интерес к глагольному словопроизводству, прежде всего префиксальному, что вывело его впоследствии на теоретические проблемы категориальной и функциональной грамматики. Им были впервые поставлены многие вопросы морфемной валентности и разработана матрица, которая вошла в современное языкознание как «Матрица О.М. Соколова», — универсальная схема систематизации типов оппозиций языковых единиц, связанных по форме и содержанию. Работая с 1975 по 1984 год в Симферопольском государственном университете имени М.В. Фрунзе,

Олег Михайлович Соколов

Соколов основал свою научную школу, исследовавшую проблемы лексической и категориальной семантики.

В Симферополе одной из первых учениц Соколова стала Эльвира Михайловна Сапожникова (1933–2010), которая в 1980 году защитила кандидатскую диссертацию на тему «Нейтрализация семантических противопоставлений НСВ — СВ в системе способов глагольного действия». Также под руководством О.М. Соколова защитили диссертации Г.Ю. Богданович, А.В. Петров, Т.Ю. Новикова, Е.И. Семиколенова, Е.Я. Титаренко, Ирена Данецка (Польша) (в общей сложности — 24 кандидатских диссертации и 2 докторских).

Научное направление «Обучение русскому языку как иностранному и лингвострановедение» (А.А. Соловьёва, Т.А. Яценко, Э.М. Сапожникова и др.).

Основные вопросы, развиваемые представителями данного направления, посвящены обучению иностранцев русскому языку, новейшим формам и методам обучения, межкультурной коммуникации, каузации в русском языке.

Александра Алексеевна Соловьёва

В период с 1968 по 1989 год кафедрой методики преподавания филологических дисциплин Симферопольского государственного университета руководила Александра Алексеевна Соловьёва (1920–2008), кандидат филологических наук, почетный профессор университета, кандидат филологических наук, доцент, заслуженный работник образования Украины.

За годы руководства А.А. Соловьёвой кафедрой методики преподавания филологических дисциплин «14 преподавателей подготовили

Эльвира Михайловна Сапожникова

и защитили кандидатские диссертации. Кафедра внесла большой вклад в дело пропаганды прогрессивных методик преподавания русского языка в ближнем и дальнем зарубежье. На кафедре обучались студенты из более чем 30 стран мира» [Шостка 2020]. А.А. Соловьевой опубликовано более пятидесяти научных работ и две монографии по современному русскому языку и методике его преподавания.

В те годы Крым был точкой притяжения для иностранных студентов. Сегодня необходимо возродить эту традицию, поскольку знакомство со страной посредством изучения языка является самым эффективным средством распространения культурного влияния.

Татьяна Антоновна
Ященко

С октября 1989 года кафедру методики преподавания филологических дисциплин возглавляла Татьяна Антоновна Ященко, доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник образования АР Крым. Профессор Т. А. Ященко — соавтор монографии «Причинно-следственные отношения в современном русском языке» (1988) [Всеволодова, Ященко 1988]. Кафедра являлась активным членом МАПРЯЛ. В те годы Т. А. Ященко вместе с профессором А. Н. Рудяковым возглавила Крымское региональное отделение УАПРЯЛ.

Крымская школа функциональной лингвистики

В 2000 году кафедру русского языкознания Таврического национального университета имени В. И. Вернадского возглавил Александр Николаевич Рудяков — доктор филологических наук, профессор, основатель Крымской школы функциональной лингвистики. В составе Института филологии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского кафедрой русского, славянского и общего языкознания А. Н. Рудяков руководит с 2020 года.

Истоками регулятивной теории языка, разрабатываемой в рамках Крымской школы функциональной лингвистики, являются идеи о социальном детерминизме (Л. С. Выготский), компонентное видение семантической системы языка и трёхуровневая модель языка (Ю. С. Степанов, А. М. Кузнецов, Ж. П. Соколовская), понимание языка как орудия воздействия на поведение и картину мира человека (А. А. Леонтьев, В. И. Абаев, Б. Ф. Поршнев).

Александр Николаевич
Рудяков

Александр Николаевич Рудяков — потомственный филолог, продолжатель научных исследований своих родителей: Николая Александровича Рудякова (1926–1994), доктора филологических наук, профессора, советского и украинского ученого-языковеда, автора оригинальной методики стилистического анализа текста и Жанны Павловны Соколовской (1932–2012), доктора филологических наук, профессора, автора новаторских методов описания языковой картины мира, во многом предопределивших теоретические принципы функциональной семантики и заложивших концептуальные основы Крымской школы функциональной лингвистики [см.: Рудяков 1989; Соколовская 1999]. Особенностью научных работ А. Н. Рудякова на раннем этапе явилось стремление исследовать лексико-семантическую группу не столько как парадигматическую структуру, сколько как системную целостность, представленную в качестве социально обусловленной конкретно-исторической реализации русского языка (кандидатская диссертация «Опыт системного описания лексико-семантической группы (на материале русских имен существительных со значением «руководитель»)).

Докторскую диссертацию А. Н. Рудяков защитил в 1998 году в Киеве. Основные её положения изложены в монографии «Лингвистический функционализм и функциональная семантика» [Рудяков 1998]. В данной работе обо-

сновывается необходимость выхода за рамки внутрисистемного изучения языка, то есть поиск методологических оснований в понимании естественного языка за пределами категориального аппарата языкознания. Идеи функциональной семантики востребованы сегодня в области идеографии и лингвистической онтологии. Теория нашла своё практическое подтверждение в диссертационных исследованиях З. Буляжа, А. К. Гадомского, Н. А. Руденко, Л. А. Мори-Мицык, Р. В. Забашты, М. Г. Маркиной-Гурджи и др.

С развитием функциональных представлений об устройстве языка возникла необходимость регулярного общения с языковедами. В ситуации, когда после распада Советского Союза филологи были разъединены границами новых государств, благодаря усилиям А. Н. Рудякова в 1993 году была организована ежегодная конференция «Функциональная лингвистика», впоследствии — Крымский международный лингвистический конгресс «Язык и мир» (проводился в период 2008–2015 гг.), которые на многие годы стали одним из объединяющих центров на постсоветском пространстве.

Центральным направлением в рамках разрабатываемой Крымской школой функциональной лингвистики концепции стала георусистика. А. Н. Рудяков предложил новое видение предмета русистики в XXI веке: георусистика представляет собой не просто новое ответвление науки о языке, а саму эту науку в XXI веке, который требует от лингвистики переосмысления присущего ей способа восприятия действительности. Для георусистики русский язык выступает в качестве целостной системы, представленной совокупностью функциональных вариантов, которые взаимодействуют со своими «собратьями» в рамках глобальной метасистемы. Эта концепция наиболее полно представлена в книге А. Н. Рудякова «Георусистика: русский язык в глобальном мире» [Рудяков 2016]. Данной проблематике посвящен ряд работ, в том числе два выпуска сборников «Георусистика» и монография Ю. В. Дорофеева «Лингвистический функционализм и вариантность языка» (2012) [Дорофеев 2012]. Результаты исследований Крымской школы функциональной лингвистики

отражены в работах А. Н. Рудякова, Ю. В. Дорофеева, Л. А. Мори-Мицык, Т. Я. Фроловой, Н. А. Руденко, Р. В. Забашты, А. С. Бурдиной, М. Г. Маркиной-Гурджи, Л. С. Москаленко, Т. В. Лановой и др. Сегодня многие представители школы работают за пределами Крыма в различных университетах Российской Федерации.

Положения георусистики, которая воплощает функциональную концепцию языка, были развиты при разработке проблемы вариантности языка. В 2016 году в Российском университете дружбы народов учеником профессора А. Н. Рудякова, Ю. В. Дорофеевым, была успешно защищена докторская диссертация на тему «Функциональная типология вариативности языка (на материале номинативных единиц славянских, германских и романских языков)». В основу исследования положен тезис о том, что для всех языков характерна единая стратификация языковых состояний, соответствующая их положению в социуме, но сами формы существования могут рассматриваться для конкретного языка как актуальные или потенциальные. Диссертационное исследование Ю. В. Дорофеева — одна из первых научных работ, защищенных крымскими лингвистами после Воссоединения Крыма и Севастополя с Россией.

Образование Крымского федерального университета и исторические изменения, произошедшие в результате Воссоединения Крыма и Севастополя с Россией, требовали от русистов принятия решений, позволяющих осуществить интеграцию в образовательную систему РФ, но при этом обеспечить развитие собственных традиций преподавания русского языка и литературы в Крыму. Преследуя такую цель, А. Н. Рудяков становится инициатором проведения на полуострове Съезда русистов Республики Крым. Эта инициатива была поддержана главой Крыма С. В. Аксеновым. Съезд русистов Республики Крым стал значительным событием в общественной и научной жизни полуострова. С 2015 году в работе Съезда приняли участие как учителя крымских школ, так и ведущие русисты (Л. А. Вербицкая, В. В. Воробьев, С. А. Кузнецов, А. А. Кибрик, В. П. Абрамов, В. Н. Белоусов, И. П. Цыбулько и др.).

Тема функционализма и лингводидактики, функциональной грамотности была развита в серии учебников по русскому языку (с 1-го по 11-й класс), опубликованных в 2008–2009 гг. Эти учебники широко использовались в школах Украины и Крыма. За их создание профессор А. Н. Рудяков и его соавтор — доцент Т. Я. Фролова были удостоены в 2013 году Государственной премии Украины в области образования [см.: Русский язык 2008; Русский язык 2009].

Работа коллектива авторов была продолжена и после 2014 года, что позволило переработать эти учебники и издать их как учебные пособия в издательстве «Просвещение». На сегодняшний день учебники по русскому языку крымских авторов во главе с А. Н. Руляковым рекомендованы для включения в Федеральный перечень учебников РФ.

Научно-исследовательские, просветительские и прикладные проекты, реализованные крымскими русистами

Благодаря воссоединению Республики Крым и Севастополя с Россией русский язык в Крыму вновь обрел статус государственного языка, и перед русистами Крыма открылись новые перспективы. На этом этапе важной задачей является систематизация тех результатов, которых добилась русистика в Крыму за последние десятилетия.

В период с 2014 по 2020 год представителями Крымской школы функциональной лингвистики была разработана и реализована целая серия научно-исследовательских и прикладных проектов, получивших поддержку в различных научных фондах (РГНФ, РФФИ и др.). Так, крымскими русистами были реализованы следующие проекты: «Русистика в Республике Крым», «Русский язык в Крыму до и после Воссоединения с Российской Федерацией», «Русский лингвокультурологический словарь Крыма», «Функциональная теория текста».

Пристальное внимание к вопросам языковой политики в Крыму и расширения сфер использования русского языка позволило осуществить ряд инициатив. В июне 2021 года было принято решение о создании консультативного

и координационного органа при Главе Республики Крым — Совета по вопросам использования русского языка и совершенствования внутренней языковой политики в Республике Крым.

Следует упомянуть «Справочную службу русского языка», начавшую свою работу в январе 2022 года при поддержке Государственного комитета молодёжной политики Республики Крым. Проект призван популяризировать грамотность и привлечь внимание крымчан к соблюдению норм современного русского литературного языка.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что научные исследования, реализуемые в Институте филологии КФУ имени В. И. Вернадского, находятся в русле актуальных направлений мировой и отечественной филологической науки. Особое значение в этом отношении приобретают такие направления подготовки обучающихся, как общее языкознание и функциональная методология; семантика, практическая идеография; лингвистическая герменевтика и функциональная теория текста; социолингвистика и георусистика; теория регуляции, лингвоконфликтология и основы лингвистической экспертизы; технологии создания и редактирования текстов на русском языке; русский язык как государственный и деловая коммуникация на русском языке; развитие читательской грамотности.

ИСТОЧНИКИ

Русский язык 2008 — Рудяков А. Н., Фролова Т. Я. Русский язык: учеб. для 8 кл. общеобразоват. учеб. заведений с русс. яз. обучения. К.: Грамота, 2008.

Русский язык 2009 — Рудяков А. Н., Фролова Т. Я. Русский язык: учеб. для 9 кл. общеобразоват. учеб. заведений с русс. яз. обучения. К.: Грамота, 2009.

ЛИТЕРАТУРА

Богданович, Бессонова 2008 — *Факультет славянской филологии и журналистики: путь в филологии и образовании*. Г. Ю. Богданович, Л. Е. Бессонова (сост.). Симферополь, 2008. 24 с.

Всеволодова, Яценко 1988 — Всеволодова М. В., Яценко Т. А. *Причинно-следственные отношения в современном русском языке*. М.: Русский язык, 1988. 207 с.

Германович 1966 — Германович А. И. *Междометия русского языка*. К.: Рад. школа, 1966. 172 с.

Дорофеев 2012 — Дорофеев Ю. В. *Лингвистический функционализм и вариантность языка*. Симферополь: Таврида, 2012. 306 с.

Мигирин 1971 — Мигирин В. Н. *Очерки по теории процессов переходности в русском языке*. Бельцы, 1971. 227 с.

Мигирин 1973 — Мигирин В. Н. *Язык как система категорий отображения*. Бельцы: Штиинца, 1973. 238 с.

Михайлов 1981 — Михайлов В. Н. *Лингвистический анализ ономастической лексики в художественной речи*. Симферополь: СГУ им. М. В. Фрунзе, 1981. 28 с.

Петров 2018 — А. В. Петров (ред.). *Всеволод Николаевич Михайлов: воспоминания коллег и учеников (к 90-летию со дня рождения)*. Симферополь, 2018. 18 с.

Петрова 2018 — Э. Б. Петрова (ред.). *Сто лет служения науке и просвещению: исторический факультет Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского*. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. 356 с.

Рудяков 1989 — Рудяков Н. А. *Основы анализа художественного текста*. К.: Nauk. dumka, 1989. 150 с.

Рудяков 1998 — Рудяков А. Н. *Лингвистический функционализм и функциональная семантика*. Симферополь: Таврия-плюс, 1998. 224 с.

Рудяков 2016 — Рудяков А. Н. *Георусистика: русский язык в глобальном мире*. М.: ЛЕКSPYС, 2016. 320 с.

Сидоренко 1990 — Сидоренко Е. Н. *Очерки по теории местоимений современного русского языка*. Киев-Одесса: Лыбидь, 1990. 148 с.

Соколовская 1999 — Соколовская Ж. П. *«Картина мира» в значениях слов: («семантические фантазии» или «катехизис семантики?»)*. Симферополь: РИО ТЭИ, 1999. 232 с.

Шостка 2020 — Шостка В. И. *Александра Алексеевна Соловьёва (1920–2008). Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cfuv.ru/news/100-let-so-dnya-rozhdeniya-aleksandry-alekseevny-solovevoj> (дата обращения: 10.03.2022).

SOURCES

Русский язык 2008 — Rudyakov A. N., Frolova T. Ia. Russian language: textbook. for 8th grade. General education textbook establishments with Russian lang. training. Kiev: Gramota, 2008.

Русский язык 2009 — Rudyakov A. N., Frolova T. Ia. Russian language: textbook. for 9th grade. General education textbook establishments with Russian lang. training. Kiev: Gramota, 2009.

REFERENCES

Богданович, Бессонова 2008 — Bogdanovich G. Iu., Bessonova L. E. *Faculty of Slavic Philology and Journalism: the Path in Philology and Education*. Simferopol', 2008. 24 p. (in Russian)

Всеволодова, Яценко 1988 — Vsevolodova M. V., Iashhenko T. A. *Causal relations in modern Russian*. M.: Russkij iazyk, 1988. 207 p.

Германович 1966 — Germanovich A. I. *Interjections of the Russian language*. Kiev: Rad. shkola, 1966. 172 p.

Дорофеев 2012 — Dorofeev Iu. V. *Linguistic functionalism and language variation*. Simferopol': Tavrida, 2012. 306 p.

Мигирин 1971 — Migirin V. N. *Essays on the theory of transitivity processes in the Russian language*. Bel'cy, 1971. 227 p.

Мигирин 1973 — Migirin V. N. *Language as a system of display categories*. Bel'cy: Shtiincza, 1973. 238 p.

Михайлов 1981 — Mikhaylov V. N. *Linguistic analysis of onomastic vocabulary in artistic speech*. Simferopol: SSU im. M. V. Frunze, 1981. 28 p.

Петров 2018 — Petrov A. V. (ed.) *Vsevolod Nikolaevich Mikhailov: memoirs of colleagues and students (on the 90th anniversary of his birth)*. Simferopol', 2018. 18 p.

Петрова 2018 — E. B. Petrova (ed.) *One Hundred Years of Service to Science and Education: Faculty of History of V. I. Vernadsky Crimean Federal University*. Simferopol': IT «ARIAL», 2018. 356 p.

Рудяков 1989 — Rudyakov N. A. *Fundamentals of literary text analysis*. Kiev: Nauk. dumka, 1989. 150 p.

Рудяков 1998 — Rudyakov A. N. *Linguistic functionalism and functional semantics*. Simferopol': Tavriya-plyus, 1998. 224 p.

Рудяков 2016 — Rudyakov A. N. *Georistics: the Russian language in the global world*. Moscow: LEKSPYС, 2016. 320 p.

Сидоренко 1990 — Sidorenko E. N. *Essays on the theory of pronouns in the modern Russian language*. Kiev-Odessa: Lybid, 1990. 148 p.

Соколовская 1999 — Sokolovskaya Zh. P. *«Picture of the world» in the meanings of words: («semantic fantasies» or «catechism of semantics?»)*. Simferopol': RIO TEI 1999. 232 p.

Шостка 2020 — Shostka V. I. *Alexandra Alekseevna Solovyova (1920–2008). Crimean V.I. Vernadsky Federal University*. [Electronic resource]. Rezhim dostupa: <https://cfuv.ru/news/100-let-so-dnya-rozhdeniya-aleksandry-alekseevny-solovevoj> (date of the application: 10.03.2022).

НАШ ФОТОРЕПОРТАЖ

АССОЦИАЦИЯ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
РУССКОГО ЯЗЫКА
И ЛИТЕРАТУРЫ
«РОПРЯЛ»

М. Волошин. Акварель.
Из собрания дома-музея М. Волошина в Коктебеле